

ЕВРЕИ ГРОДНО

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ

ЕВРЕИ ГРОДНО

Очерки истории и культуры

Редактор –составитель
Михаил Кемеров

Научный консультант
Ольга Соболевская

Компьютерная верстка
Алексей Бернацкий

Корректор
Наталья Соболевская

Гродно
2001

К ЧИТАТЕЛЮ

Тысячу лет назад, в конце X–начале XI века, на высокой горе, где впадает в Неман речка Городничанка, возникло небольшое славянское поселение. Так начиналась история Гродно. Город был резиденцией князей Великого княжества Литовского и королей Речи Посполитой.

О времени поселения евреев в Гродно (как и в целом в Беларуси) имеются скудные сведения. Вероятно, о них как о постоянных жителях можно говорить с XI века, когда начались преследования в Чехии, Венгрии, затем в провинциях над Рейном, и когда волна еврейских изгнанников искала убежища. Можно предположить, что евреи прибыли в Беларусь не только с Запада, но и с Востока. Это связано с государством хазаров, которые в VII–VIII веках приняли иудаизм. Во второй половине X века князь Святослав нанес хазарам тяжелое поражение, взял много пленных, среди которых были и евреи. В XII веке Владимир Мономах изгнал евреев из своего государства, и они отправились на Запад — на территорию Беларуси и Польши.

Наиболее благоприятная ситуация для евреев Великого княжества Литовского, Русского и Жемойтского сложилась во времена правления Витовта, который способствовал их поселению в государстве. Его политику в отношении евреев продолжил Казимир Ягеллончик. Неудивительно, что время правления этих князей называли золотым, подобно тому, как польские евреи говорили о царствовании Казимира Великого.

В различные периоды истории евреи составляли большинство всего населения города. Известно, например, что в 1816 году евреев в Гродно было 85 процентов. На протяжении столетий Гродненская община являлась одним из духовных центров литовских и польских евреев. Так, в первой половине XVII века она считалась одной из трех главных общин Литвы (наряду с общинами Бреста и Пинска). В городе жили известные законоучители, например, Мордехай Яффе (XVI век), раввин и кабалист Александр б. Моше Зискинд (XVIII век).

Первая книга, изданная на иврите в Литве, вышла в свет в Гродно в 1788 году. В городе долгое время жили редактор изданий на иврите и переводчик Аврахам Фринберг, поэт Лейба Найдус, создатель языка эсперанто Лазарь Заменгоф. Родом из Гродно были придворный фотограф и автор стихов на иврите Абба Ашер Шапиро, художник Лев Бакст, скульптор Илья Гинцбург.

В годы Второй Мировой войны город стал одним из мест Катастрофы европейских евреев. По нацистским источникам, примерно 44 тысячи евреев из Гродно и его окрестностей были отправлены в лагеря смерти. Только около 180 евреям удалось остаться в живых. В начале 1943 года в городе была создана еврейская подпольная организация сопротивления и обороны. Гродненские евреи сражались в партизанских отрядах.

История Холокоста и последующие усилия коммунистических властей загнать всех «в единую общность — советский народ» казалось бы поставили точку в истории этого древнего народа в Гродно.

Данная книга посвящена прошлому евреев в городе над Неманом, и сегодняшним попыткам возродить Гродненскую еврейскую общину.

Ольга Соболевская

ПОЯВЛЕНИЕ ЕВРЕЕВ В ГРОДНО ОБЩИНА В XIV-XVIII ВЕКАХ

История евреев Гродно своими корнями уходит в глубокую древность. До сих пор нет достоверных свидетельств о её начале. П. Марек, который писал статью о гродненской общине для «Еврейской энциклопедии», полагал, что за точку отсчёта нужно взять XII век.¹ На это есть достаточно оснований. В соседней Польше уже в XI веке были достаточно крупные кагалы. Колония возникала в поселении, где существовал значительный рынок, и можно было богатеть за счёт посреднических операций, обмена валюты, скупки и продажи товаров. Первыми переселялись еврейские купцы и ростовщики. Это население не было стабильным, поэтому приметы общинной жизни мы наблюдаем гораздо позже. Встречая не слишком доброжелательный приём со стороны местных торгово-ремесленных кругов, конкурентами которых они становились, евреи вынуждены были держаться вместе. Это отражалось и в традиционной взаимопомощи, и в том, что евреи селились в одном районе. Вскоре молодая община обзаводилась синагогой и кладбищем, формировались традиционные общественные и благотворительные организации внутри неё.

Вопрос о том, откуда пришли в Гродно евреи, до сего дня остаётся открытым. Логично предположить, что они были выходцами из Западной Европы, и пришли сюда через Польшу. Несомненно, что именно так пополнялась община в XIV и XV веках, когда усилились преследования евреев в Испании, Франции и Германии. Но если предположить, что основание еврейского поселения в Гродно произошло всё-таки раньше, то возможен ещё один путь переселения – с юга, из далёкой Хазарии. Не случайно первым восточнославянским городом, где появились евреи ещё в IX-X веках, был Киев.² Сюда они прибыли, продвигаясь вдоль знаменитого торгового пути из варяг в греки. В пользу этой версии говорит среди прочего тот факт, что после изгнания из Литовского княжества в 1495 году евреи направились не на запад, а на юг, с жизнью которого были хорошо знакомы. В. Зайка связывает первых евреев на землях Беларуси с купцами «фадонитами», как известно, торговавшими рабами (преимущественно славянского происхождения). Это, в свою очередь, легко объясняет происхождение мифа о еврее-угнетателе и поработителе.³ Но как бы там ни было, очевидно, что история гродненской общины неразрывно связана именно с западноевропейским еврейством. Язык, на котором разговаривали гродненские евреи, близок к одному из германских диалектов и сам образ жизни традиционно ашкеназский⁴.

¹ Марек П. Гродна // Еврейская энциклопедия. Свод знаний о еврействе и его культуре в прошлом и настоящем / Под ред. Л. Кацельсона и Д. Г. Гинцбурга. - СПб, б. г. - Т. 6. - С. 788.

² Евреи Гродно: Очерки истории и культуры. – Гродно, 2000. – С. 5.

³ Зайка В. Некалькі запозыненых і некалькі заўчасных думак пра гэбраяў і беларусоў // Arche. – 2000. - № 3. – С. 36-37.

⁴ Ашкеназские евреи по происхождению были связаны с Западной Европой. Они разговаривали на идише, который часто называют «еврейским языком» и славились своей талмудической учёностью. Вообще, Ашкеназ – еврейское наименование Германии.

Несомненно, что еврейская община существовала в Гродно в XIV веке, хотя пресловутая жалованная грамота Витовта гродненским евреям (1389 год) в современной историографии давно признана сфальсифицированной. Скорее всего, на подделку решились сами евреи. Христиане всячески препятствовали им в приобретении недвижимости, строительстве синагог и упрочении привилегий. Евреи, чтобы отстоять свои права, хотели опереться на авторитет великого князя и апеллировали к давности пребывания в городе. Гродненцы были среди евреев, изгнанных из Великого княжества Литовского великим князем Александром в 1495 году. Они вернулись в свои дома в 1503 году, когда Александр, уже будучи королём Польши, осознал, что не сможет обойтись без еврейских кредитов и отменил жестокий приказ.

В пору средневековья евреи были обычной частью придворной жизни. Их нанимали в качестве врачей, правда, во времена частых эпидемий народное невежество именно евреев и обвиняло в распространении заразы (отравлении колодцев, пользовании магией). Ни короли, ни знать не могли обойтись без “звонкой монеты”, так необходимой для роскошных праздников и богатых нарядов. А взять их из собственных имений, где господствовало натуральное хозяйство⁵, было невозможно. Поэтому хотя средневековая литература клеймила евреев как лихоимцев и паразитов, но знать обойтись без них не могла.

Гродненская община практически сразу стала одной из самых влиятельных и богатых в регионе. Не случайно в 1540 году 17 % всех государственных податей, собираемых королевой Боной Сфорцей с Гродно, приходилось на долю евреев. Некоторые местные евреи пользовались особым покровительством королевы, например, Игуду Богдановича она называет «купцом королевской милости», а Рубина Шломовича и Рубина Докторовича «служебниками её королевской милости». Евреи Гродно имели право обращаться к суду самой королевы.

В 1563 году по универсалу короля Сигизмунда Августа они уплачивали 200 из 4000 коп грошей ежегодных общееврейских податей, не считая подводной и других повинностей.⁶ Систему еврейского самоуправления на землях Речи Посполитой возглавляло собрание представителей местных общин (кагалов) – Ваад. В Литовском Вааде гродненская община состояла в числе трёх главных. Это приносило местным евреям немалую пользу, потому что не только поднимало престиж общины, но и позволяло ей диктовать свою волю единоверцам. Особенно важно, что в компетенции Ваада было распределение налогов, а значит, гродненцы получили возможность облегчить для себя бремя государственных податей за счёт других кагалов.

В дальнейшем, желая упрочить своё положение, гродненские евреи обращались практически ко всем монархам Речи Посполитой для подтверждения старых и приобретения новых привилегий. Среди документов такого рода можно вспомнить грамоту Стефана Батория, изданную 6 марта 1578 года.⁷ Гродненская община динамично развивалась. Еврейские ремесленники

⁵ Натуральное хозяйство построено на самообеспечении. В случае необходимости производится обмен товара на товар без участия денег. Этот тип хозяйства преобладает при неразвитости общественного разделения труда.

⁶ Акты, издаваемые комиссиею, высочайше учреждённою для разбора древних актов в Вильне (далее – АВАК). – Вильна, 1865. – Т. 1. Акты Гродненского земского суда. – С. 211.

⁷ Там же. С. 214.

согласно грамотам 1629 и 1633 года получили право не вписываться в ремесленные цехи, а продолжать работать в условиях свободной конкуренции. Гродно имело репутацию значительного религиозного центра Речи Посполитой. С ним была связана деятельность авторитетного раввина и общественного деятеля Мордухая Яффе (1530-1612), к которому с просьбами разрешить противоречия в толковании отдельных постановлений Талмуда обращались иудеи Беларуси и Польши.

В 1617 году евреев Гродно постигло несчастье: сильнейший пожар уничтожил весь центр города. Без крыши над головой остались сотни людей, в огне погибла древняя деревянная синагога. Через два года местный кагал добился у короля Владислава IV позволения выстроить на старых участках новый еврейский квартал, а в центре него, недалеко от замка, возвести каменную синагогу. Монарх справедливо заметил: «В городе Гродно показалось нам полезным, чтобы как улицы парадные, построенные для украшения города, так и улица Жидовская, которая лежит посреди Замковой, безопасны от огня были, от чего и безопасность замка и дворцов наших гродненских зависит, чтобы была тщательно украшена и построена укрепленной».⁸ Однако король поставил условия: синагога не могла возвышаться над домами, евреи не должны были приобретать новые земельные участки. Вести строительство было разрешено исключительно на пепелищах.

Тот же самый документ даёт нам возможность представить себе круг занятий гродненских евреев. Жалованная грамота позволяет им строить на прежних участках лавки и продавать в них всевозможные товары с условием внесения податей в городскую казну; покупать у шляхты и у купцов на рынке зерно. Сплачивать его вниз по Неману, привозить с Балтики сельдь и соль на городской рынок, евреи права не имели. Эти товары им рекомендовалось покупать оптом у местных мещан, а затем продавать в розницу.

Материалы судебных разбирательств дополняют сведения о формах участия евреев в хозяйственной жизни Гродно. Согласно им, местные евреи давали деньги под процент шляхте и мещанам, ссужали их хлебом и товарами. Они торговали кожей, сукном, бархатом, предметами роскоши, мёдом, рожью, овсом, ячменём, гречихой.⁹ Более состоятельные евреи имели собственные дома и земли, держали слуг. Например, Хаим Якубович владел в Гродно тремя домами и имел фольварк в его окрестностях.¹⁰ В средние века в Речи Посполитой действовал закон, запрещавший евреям иметь христианскую прислугу. Власти опасались, что они стараются обратить христиан в иудаизм. По свидетельству документов, в Гродно этот закон нарушался. Они рассказывают о нескольких случаях поступления христиан к евреям в закупы.¹¹ Интересно, что уже в XVI веке существовала миграция гродненских евреев в Палестину. Документ за 1540 год называет имя некой Еськовой Мархаевич, которая «едет прочь в Иерусалим».¹²

⁸ Там же. С. 218.

⁹ АВАК. – Вильна, 1894. – Т. XXI. Акты Гродненского земского суда. – С. 241, 242, 342-343.

¹⁰ АВАК. – Вильна, 1890. – Т. XVII. Акты Гродненского земского суда. – С. LXIII, 9, 22, 26, 31, 33, 58, 63, 67, 70, 85, 86

¹¹ Там же. С. 60, 208.

Закупы – феодальное зависимое население. Состояние это было временным, пока должник, добровольно поступавший в рабство, не отработывал долг.

¹² Там же. С. 94.

В истории отношений между жителями Гродно различных исповеданий были различные эпизоды. В сентябре 1662 года городские власти позволили евреям владеть магазинами, окна которых выходили на Рынок.¹³ Это вопрос принципиальный, потому что часто в адрес евреев звучали обвинения в том, что они насмеяются над обрядами католической веры во время богослужения в главном фарном костёле, особенно во время процессий. Но уже в ноябре 1669 Михаил Корибут Вишневецкий издал постановление, велевшее евреям замуровать эти окна.¹⁴ В ночь с 31 июля на 1 августа 1666 года в Гродно произошёл еврейский погром. Несколько христиан напали на еврейские дома и лавки. Были уничтожены и разворованы товары, избиты женщины и мужчины. Происшествие вызвало огромное негодование, но суд приговорил организаторов погрома всего лишь к заключению сроком на 6 недель, а участников к штрафу в 200 злотых в пользу пострадавших.¹⁵

Польские короли терпимо относились к обычаям чужой религии. Поскольку во время религиозных праздников и субботы религия запрещает евреям любые проявления деловой активности, жалованная грамота 1669 года предусматривала право не являться в эти дни в суд и не давать присягу. Помимо того, клятва могла быть принята только в синагоге на еврейском языке и в соответствии с порядком, принятым у иудеев.¹⁶ Во время судебного разбирательства евреев сопровождали 1-2 представителя кагала, следившие за соблюдением прав единоверца.

Благодаря описанию в жалованной грамоте, картам и планам того времени, нетрудно представить себе, где находился еврейский квартал. «От моста Гродненского замка по обе стороны улицы, ведущей к Рынку вплоть до улицы, которая идёт с Замковой улицы к Подолу, тыном эти участки с одной стороны улицы обращены к церковным домам и к дому Ивановского. С другой стороны улицы – к католическому кладбищу, а в поперечнике направлены по отношению к кладбищу и костельным участкам – к реке Городничанке. В направлении, ближайшем к Замку – к Малой церкви. Таким образом, проживание евреев было узаконено по обе стороны Замковой, или Еврейской, улицы, ведущей к Рынку. Еврейская улица начиналась от моста, перекинутого через ров во второй замок. Кладбище было расположено на низкой береговой террасе над Неманом».¹⁷

Итак, еврейская часть Гродно была расположена на северо-запад от Рынка,¹⁸ главной городской площади. Именно здесь застройка была самой густой и носила наименее регулярный характер. Пресловутая скученность способствовала молниеносному распространению эпидемий и пожаров. По свидетельствам очевидцев, эта часть города выглядела непрезентабельно: улицы покрыты рытвинами, летом пыльны, осенью и весной покрыты непроходимой грязью. Однако одновременно это был район, непосредственно прилежавший к королевским замкам с одной стороны и к главной площади - с другой. Когда в 1673 году было принято решение проводить каждую третью сессию сейма Речи Посполитой в Гродно, представители наиболее знатных семей государства

¹³ НИАБ в Минске, ф. 1761, оп. 1, д. 4.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Grodno w XVIII wieku. Miasto i ludność (na tle terenów rozwojowych od średniowiecza do 1939 roku / Pod red. A. Woltanowskiego i J. Urwanowicza. – Białystok, 1997. – S. 14.

¹⁶ АВАК. – Вильна, 1890. – Т. XVII. С. 224.

¹⁷ Квитницкая Е.Д. Планировка Гродно в XVI-XVIII вв. С. 13-14.

¹⁸ Сегодня - Советская площадь.

посчитали необходимым иметь в городе собственные резиденции. Это ещё более повысило стоимость участков в еврейском районе и привело к вытеснению многих евреев на Подол.¹⁹

Согласно подсчётам Бершадского, еврейское население Гродно в середине XVI века составляло около 1000 человек, а в 1766 году достигло 2418 душ.²⁰ Евреи играли значительнейшую роль в городской экономике. Об этом мы узнаём из нелестных характеристик их христианских конкурентов. «Город Гродно в конце XVIII века жалуется на евреев, что они “ни во что не ставят” законы и конституции и “в течение многих лет смеют держать у себя на службе христианских девок, парней и другую челядь;”²¹ торговлю свою ведут на рынке, несмотря на привилегии и торгуют там, где должны торговать христиане”. Евреям рекомендуют при этом подчиниться юрисдикции города. В 1733 году горожане снова жалуются, что евреи прибегают ко всяким хитростям, не выполняют декретов, “упорно и враждебно наступают на христиан, ежегодно повышают откупную цену шелажного сбора, требуя от “каждого христианина по 10 тынфов за варку пива””.²²

ПОДДАННЫЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ

В 1795 году Гродно вошло в состав Российской империи. За этим последовало превращение города в губернский центр, организация новой администрации. Всё это практически не отразилось на жизни местных евреев. Они продолжали держаться замкнуто и обособленно, впрочем, как и другие национальные группы. Сам город не производил на проезжающих сильного впечатления. Воспоминания современников воскрешают для нас картину жизни среднего провинциального города. «Гродно – город тихий, если бы не евреи и

¹⁹ Szymanski St. Urbanistyczno-architektoniczne formowanie się Grodna w okresie od XIV do XVIII wieku // Rocznik Białostocki. – 1970. – 4.09. – S. 249.

²⁰ Коробков Х. Статистика еврейского населения Польши и Литвы во второй половине XVIII века // Еврейская старина – 1911. – Вып. IV. – С. 555.

²¹ Среди христиан было распространено убеждение в том, что евреи всеми силами пытаются обратить их в иудаизм и вступить в половые связи с христианскими женщинами. С этим связано возникновение законов, запрещавших христианам жить с евреями в одном доме. Евреи не имели права нанимать слуг-христиан. Это положение перекочевало позднее в российское законодательство относительно евреев. В реальной жизни эти законы были трудноисполнимы, потому что среди евреев часто не находилось ремесленников необходимой квалификации, например, печников или трубочистов. Закон волей-неволей приходилось нарушать, что давало юдофобам возможность обвинять евреев в коварстве и преследовать их.

Примером такого закона может служить Окружная королевская грамота за 1548 год, в которой говорится, что многие женщины-христианки, бросая своих мужей, незаконно живут с евреями. Не вступая в брак, они рожают детей, которых евреи затем обращают в иудаизм. Разумеется, такое поведение сурово осуждается и ставится вне закона (Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные археографической комиссией. – СПб, 1848. – Т. 3. – С. 20-21).

²² Геккер Е. Евреи в польских городах во второй половине XVIII века // Еврейская старина – 1913. – Вып. II. – С. 198-199.

военные, его можно было бы назвать сонным,» – пишет А.П. Субботин.²³ Количество евреев в Гродно всегда было значительным. Если представить его в процентном отношении, то на 1816 год еврейское население города составляло 85 %, на 1859 – 53 %, на 1887 – 68.7 %, на 1898 – 50 %. В абсолютных числах картина выглядела так: в 1807 году в Гродно жили 2538 евреев, в 1848 – 8375, в 1897 – 46919.²⁴

Евреи оживляли город активным участием в его хозяйственной жизни. Рыночная площадь в базарные дни кипела от нищенски одетой еврейской массы, стремившейся заработать несколько копеек на посреднических операциях, оказании мелких услуг, продаже мелочного товара. Значительная часть гродненских евреев была маклерами. Они продавали различного рода информацию, находили клиентам партнёров или исполняли роль посыльных. Особой фигурой в еврейском мире был фактор. Вот как его описывает А.П. Субботин: «Это детище ленивого и избалованного польского панства. До сих пор пан, по здешней поговорке, без жида только в костёл ходит... Теперяшний фактор представляет собой мелкого посредника и посыльного. Посредничество распространяется на все сферы жизни: нужно ли купить, продать, заложить, достать, найти квартиру, навести справки... Фактор не пользуется уважением даже со стороны своих единоверцев».²⁵

Документы свидетельствуют, что евреи поставляли помещикам с городского рынка соль, железные изделия, из-за границы привозили табак, вино, сельдь.²⁶ Благодаря еврейской торговле в городах Белоруссии можно было купить всевозможные товары в любой день недели (за исключением субботы), в то время как жители центральной России вынуждены были запасаться всем необходимым в базарные дни два раза в неделю.

Многие евреи становились перекупщиками: они брали товары оптом с государственных складов, а затем продавали их в розницу.²⁷ Большинство торговало вразнос с лотков, однако немало было и таких, которые содержали лавки. Особенно много еврейских магазинчиков было в центре города, на Рынке. Документы сообщают, что в 1834 году гродненские евреи арендовали у магистрата 83 городские лавки.²⁸ Они отличались от магазинов христианских купцов своей дешевизной. Евреи строили «бизнес» на максимально быстром обороте капитала. А.К. Ковнер, проезжавший через город в начале 60-х годов XIX века, поразился, насколько жалкой была местная торговля. Действительно, капитал, который находился в обороте у лавочников-евреев, был мизерным. Согласно документам архива, в 1819 году 17 из 22 владельцев магазинов располагали не более чем 50 рублями. В этих лавчонках можно было приобрести галантерейные товары и продукты питания, изделия из металла и поношенные вещи.²⁹ Но, разумеется, не все гродненские евреи влачили столь жалкое существование. Среди них появляются купцы с довольно солидным оборотным капиталом. Его размеры были максимальны у меховщиков.

²³ Субботин А. П. В черте еврейской оседлости: отрывки из экономических исследований в западной и юго-западной России за лето 1887 года: в 2 выпусках. - СПб: Издательство "Экономического журнала", 1890. - Вып. 2. - С. 4.

²⁴ Национальный исторический архив в Гродно (далее – НИАБ в Гродно), ф. 1, оп. 1, д. 100, л. 27 об. – 28, оп. 20, д. 1107, л. 555

²⁵ Субботин А.П. Т. 1, с. 25.

²⁶ Archiwum Glywne Akt Dawnych (AGAD). Arch. Tyzenhauzow. Sygn. B.-28/108, s. 202.

²⁷ Там же D. 25, s. 1, 10; ATD 26/40.

²⁸ НИАБ в Гродно, ф. 1, оп. 4, д. 236.

²⁹ Там же, оп. 1, д. 1422, л. 13 об.

Документы сохранили для нас имена таких крупных торговцев. Это Шевах Яшунский и Лейзер Соболев.³⁰

Хорошие прибыли приносил сплав различных товаров по Неману до Кёнигсберга. Чаще всего это зерно, которое еврейские бизнесмены старались скупить в деревне ещё «на корню». Малоимущие евреи обычно доставляли хлеб из деревни на городской рынок, а богатые купцы, владевшие барками, покупали его здесь и перепродавали за границей. Среди таких купцов нам известны И. и Л. Коганы, А. Вистинецкий, Метен и Гинзбург. Они посещали торговые центры Царства Польского, Австро-Венгрии, Пруссии.³¹

Современники отмечали, что в Гродно многие евреи зарабатывали себе на жизнь физическим трудом. Среди них плотовщик, работавший на Немане, чернорабочие, грузчики, носильщики, водовозы. В городе вплоть до второй половины XIX века отсутствовал водопровод, поэтому воду доставляли из Немана. Водовозы-евреи разделили город на части и строго следили за тем, чтобы никто не пытался конкурировать с «хозяином» такого участка, сбивая цены.³² Внешность еврейского рабочего явно милее взгляду наблюдателя-христианина: «Самый вид еврея-рабочего резко отличается от евреев-торгашей и факторов: лица более открытые, загорелые, обросшие бородою, более добродушны, без этого беспокойного пытливого взгляда, который коробит многих в других евреях».³³

Со времён средневековья многие гродненские евреи занимались ремеслом. Сохранился архивный документ за 1795 год, который перечисляет домохозяев-евреев и называет их профессии. Оказывается, что больше всего было шинкарей (33 человека), но второе место разделили люди, занятые в сфере обслуживания, и ремесленники (по 22 человека в каждой из групп). Рассматривая ремесленные специальности, заметим, что больше всего портных. Согласно тому же документу, их 10 из 22 ремесленников.³⁴ Документ от 1822 года содержит перечень следующих профессий евреев: «Существуют в городской промышленности 6 поваров, 3 медовара, 10 булочников, 15 извозчиков, до 100 подёнщиков».³⁵ К сожалению, губернская статистика не знает количества нецеховых ремесленников, которых среди евреев было большинство.

На 1835 год в Гродно насчитывалось цеховых ремесленников –неевреев 488, не цеховых – 68; кроме них в ремесле были заняты 1269 евреев.³⁶ Авторы «Еврейской энциклопедии» утверждают, что в конце XIX века именно в еврейских руках сконцентрировалось ремесленное производство Гродно. В 1859 году из 575 ремесленников города 70 % - евреи. Между христианами и евреями существовала конкуренция. Это явление нашло своё выражение в жалобах цеховых христианских ремесленников в государственные инстанции. Например, в 1826 году рыбаки, ссылаясь на древние привилегии, потребовали удалить из своего цеха евреев.

Царское правительство волновала «извечная уклончивость евреев от производительного труда». Ему хотелось видеть своих подданных не факторами, винокурами, корчмарями и ростовщиками, а рабочими,

³⁰ Там же, оп. 19, д. 1558, л. 450 об.

³¹ Там же, оп. 2, д. 2167, л. 2-204.

³² Субботин А.П. Вып. 2, с. 14, 23.

³³ Там же. С. 14.

³⁴ НИАБ в Гродно, ф. 24, оп. 7, д. 10, л. 13 об.-75.

³⁵ Там же, оп. 4, д. 659, л. 12 об.

³⁶ Там же, оп. 10, д. 633, л. 5.

крестьянами, ремесленниками. Поэтому одним из направлений российской политики относительно еврейской общности было привлечение к активному участию в промышленном производстве. “Положения относительно евреев” 1804 и 1835 годов, которые соответственно их роли в Российской империи исследователи называют “еврейскими конституциями”, предлагали евреям, которые “заводят фабрики и заводы” налоговые льготы и кредиты. Местные власти также стремились повлиять на изменение традиционного образа жизни, заинтересовать евреев сельскохозяйственным трудом и ремесленно-фабричной деятельностью. Примером тому может послужить инициатива гродненского уездного предводителя дворянства, который предложил в 1835 году освободить мануфактурных рабочих и основателей мануфактурных товариществ от рекрутской повинности.³⁷

Эти усилия не проходили впустую. На протяжении конца XVIII – XIX веков некоторые гродненские евреи стали владельцами или рабочими на предприятиях различных отраслей промышленности. Те “фабрики и заводы” в большинстве случаев были самыми обычными кустарными мастерскими. Одним из самых старых предприятий, которые принадлежали евреям в нашем городе, была шляпочная фабрика Михеля Янкелевича Бурды, основанная в 1795 году.³⁸ В 1813 году тут было произведено 530 шляп. Ассортимент небогатый: документ перечисляет “обычные еврейские, простые шерстяные, пуховые, малые круглые шляпы”. Они были сделаны для продажи на месте, материалы, необходимые для производства, тоже приобретались в Гродно. На фабрике, и это типично для еврейских кустарных предприятий, мастером работал сам хозяин, который нанимал себе помощника из евреев.³⁹ Часто в мастерской кроме хозяина работали его родственники или кто-нибудь из соседей.

В 1805 году было основано предприятие Бенямина Лейбовича Изабелинского. Эта мастерская работала на заказ: клиенты приносили кожи коров, лошадей, телят, а мастер обрабатывал их за заранее назначенную плату. В 1813 году мастер Б.Л. Изабелинский с помощью двух подмастерьев произвёл 120 кож. Материалы (известь, рыбий жир, дубовую кору, лозу) он находил в Гродно.⁴⁰ В некоторые годы, как, например, 1814, производство увеличивалось до 230 кож,⁴¹ но всё равно это небольшой оборот капитала, который приносил невысокие доходы. Такого же типа предприятие - кожевенный завод гродненского мещанина Вульфа Лейбовича Лейпуньского (его существование удаётся проследить на протяжении 1838-1846 годов) и завод Хаи Ионовны Финовой.

С 1818 года началась история чулочной-фланелевой фабрики евреев А.Г.Монеса и Г.М.Фарбера.⁴² Оборудование этого предприятия тоже было несложным, на нём даже отсутствовала собственная сукновальная мельница. Продукция вырабатывалась из местного сырья и распродавалась тоже в Гродно.⁴³ Кирпичные заводы, которые принадлежали среди прочих Берке Андресу, Нохиму Ботковскому, Арону Бодылькесу и Менделю Соболю,

³⁷ Там же, оп. 19, д. 868.

³⁸ Там же, оп. 1, д. 1150, л. 81 об.-82.

³⁹ Там же, д. 561.

⁴⁰ Там же, оп. 20, д. 11.

⁴¹ Там же.

⁴² Белоруссия в эпоху феодализма: Сб. документов и материалов: В 4 т. - Мн.: Издательство АН БССР, 1961. - Т. 3. - С. 338-339.

⁴³ НИАБ в Гродно, ф. 1, оп. 1, д. 1150.

находились за городом, в районе скотобойни.⁴⁴ Среди евреев, которые занимались мыловарением, были Самуил Израилевич Лямперт, Израиль Мордкович Гиршгорн, Лейба Михелевич Курьянский и другие.⁴⁵

Город был особенно известен своей табачной промышленностью. В 1862 году в Гродно открыто самое крупное в Беларуси предприятие этой отрасли – фабрика коммерсантов Иоселя Лейбовича Шерешевского и Файвеля Шебшелевича Русоты. Предприятие находилось на улице Мостовой, во дворе гродненского еврейского благотворительного общества. Это соседство оказалось неудачным, так как на фабрике постоянно случались выбросы вредных веществ. Особенно вредила жителям квартала пыль с мельницы для изготовления нюхательного табака, которая “спирала дыхание и вызывала удушливый кашель”.⁴⁶ Жалобы соседей и периодические проверки санитарной комиссии вынуждали хозяев время от времени улучшать условия труда и надстраивать трубы фабрики. Табачная фабрика компании Шерешевского перерабатывала сырьё из России, Крыма, с Украины и табак высших сортов из Америки. Склады готового сырья компания содержала в Двинске, Лодзи, Варшаве. На всероссийской выставке 1882 года в Москве продукция гродненских табачников была награждена серебряной медалью.⁴⁷ Но это далеко не единственная фабрика табачных изделий того времени в Гродно. Меньшие предприятия принадлежали евреям Беньямину Гадасу и Берке Вольфовичу Финкльштейну.⁴⁸

Гродно конца XIX – начала XX века невозможно представить себе без множества маленьких мастерских, которые предлагали разнообразные услуги предприятиям, конторам и частным лицам. Значительную их часть составляли переплётные мастерские. Среди владельцев были евреи: Р.О. Ионас, И.В. и М.В. Харины, Э. Лейзер.⁴⁹ Некоторые из этих предприятий достигали значительных размеров, например, у братьев Исаака и Михеля Хариных (Полицейская улица) в 1900 году работало более 100 рабочих. Мастерская размещалась в трёхэтажном здании и была оснащена керосиновым двигателем, который приводил в движение “фабричный механизм”.⁵⁰

В конце XIX – начале XX века распространилась мода на фотоснимки. Благодаря ней в нашем городе появилась масса фотографических мастерских, владельцами которых были и евреи. Одной из первых фотографий считается ателье Якова Исааковича Соловейчика, которое открыто на Купеческой улице 30 июля 1881 года.⁵¹ В 1884 году свидетельство на право открытия собственных фотомастерских получили Абрам-Шмуило Овсеевич Стаммер и Мордух Шоломович Померанцев.⁵² Через год у них появился конкурент, пинский мещанин Мордух Шоломович Папирный.⁵³ В 1894 году мастерскую открыла Ента (Евгения) Овсеевна Райхштейн.⁵⁴ В середине 90-х годов XIX столетия большой популярностью пользовались фотографии Зунделя Янкевича

⁴⁴ Там же, д. 147, л. 33 об.

⁴⁵ Перечень фабрик и заводов. - СПб, 1897. – С. 500-501.

⁴⁶ НИАБ в Гродно, ф. 2, оп. 38, д. 703, л. 552.

⁴⁷ Никитина Т. Начало капитализма // Гродзенская праўда. – 1995. – 21 снежня. – С. 4.

⁴⁸ Указатель... С. 616.

⁴⁹ Перечень... С. 198-199.

⁵⁰ НИАБ в Гродно, ф. 8, оп. 2, д. 1354.

⁵¹ Там же, ф. 1, оп. 8, д. 1265, л. 37.

⁵² Там же, д. 1265, л. 41.

⁵³ Там же, оп. 9, д. 494, л. 3, 4.

⁵⁴ Там же, д. 197.

Карасика на Коложанской улице и купца 2 гильдии Хаима Элиовича Бинковича в Хлебном переулке.⁵⁵

Основным занятием многих гродненцев-евреев было производство и продажа спиртных напитков. Большинство еврейских корчем и шинков находилось в центре города (улицы Бригидская, Бонифратерская, Мостовая, Бернардинская) и на форштате (так тогда называлась занеманская часть города). На 1886 год евреи владели 95,3 % всех пунктов по производству и продаже алкоголя в Гродно.⁵⁶ Лучший отель города, “Европейский”, который путешественники особенно хвалили за чистоту и комфортабельность, также принадлежал еврею.⁵⁷ Если судить по статистике, то “еврейское присутствие” в винокурении продолжало увеличиваться год от года. Так, перепись населения 1897 года отметила наличие в Гродно 176 винокурен, хозяевами которых были наши герои.

К распространённым среди еврейского населения занятиям относилась аренда сборов. Это были городские налоги, которые должны были вносить прибывавшие в город торговцы с единицы товара, питейный (с продажи алкоголя) и специальные еврейские сборы (коробочный, свечной). Такой род деятельности не только обеспечивал постоянную прибыль, но и давал сборщику большую власть в общине. При этом он подвергал риску личную собственность. При не внесении в срок полной суммы налога она переходила в казну.⁵⁸ Евреи арендовали городские весы и меры, почтовые станции, мосты и переправы.⁵⁹

КАГАЛЬНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ

Всеми делами гродненского еврейского сообщества ведал кагал. В широком смысле это слово подразумевает всех евреев, приписанных к данной местности и вносящих налоги, в узком – руководство общины. Гродненский кагал имел собственный герб, на котором вместо государственного орла было помещено изображение оленя, животного, воспетого древнееврейской поэзией и часто встречающегося в еврейском декоративном искусстве.⁶⁰ Уже в конце XVIII века кагал представлял собой законсервированную олигархическую структуру, куда не было доступа рядовым общинникам. Как утверждает современник, наиболее состоятельными гродненскими «фамилиями» были Броуды, Фрумкины и Ашкинозы (Ашкенази), связанные между собой родственными узами и коммерческими интересами.⁶¹

Старейшины и почётные лица принимали постановления, регулировавшие массу хозяйственных вопросов. В компетенции кагала распределение прибыльных видов деятельности (например, аренды налогов или корчем). Это делалось, чтобы предотвратить конкуренцию среди евреев, что привело бы к обеднению общины. Нарушитель такого постановления подвергся бы суровому наказанию – отлучению от синагоги. Кагал вершил суд в тех случаях, когда дело касалось гражданских споров между евреями. Для этого он содержал

⁵⁵ Там же, д. 554, л. 262 об.

⁵⁶ Статистический временник Российской империи. - СПб, 1886. - Серия III. Выпуск 9. Еврейская питейная торговля в России. - С. 76-79.

⁵⁷ Субботин А. П. В черте еврейской оседлости. Вып. 2. - С. 4.

⁵⁸ НИАБ в Гродно, ф. 1, оп. 12, д. 732, л. 1-1 об.

⁵⁹ Там же, оп. 5, д. 631, л. 3-19 об.

⁶⁰ Kon P. Odnależona czknięż archiwum dawnego kachaiu Wileckiego. - Wilno, 1929. - S. 8-9.

⁶¹ Голицын Н. Н. [Н. Г.] Записки о евреях в Могилёве на Днепре и вообще в Западном крае России. - М., 1878. - С. 116.

судей. В 1834 году в Гродно было 7 судей на 8259 человек еврейского населения.⁶² В состав судейских обязательно входил раввин, ведь еврейский суд разбирал дела в соответствии с религиозными заветами, содержащимися в Торе и комментариями к ним из Талмуда. В составе кагала были, кроме того, специальные должностные лица, которые ходатайствовали по еврейским делам. Их задачей было предотвращение конфликтов между христианами и евреями и осуществление контактов с властями.

Важнейшей частью деятельности кагала была благотворительная работа. Для этого община содержала особые организации: приют для сирот, дом для престарелых, погребальное братство, общества помощи бедным. Они могли собирать приданое неимущим невестам, поставлять всё необходимое бедным роженицам, ухаживать за больными и т. д. Кагал был ответственным перед государством за всех своих членов в финансовом отношении. Если бедные не могли внести налог за свою семью, то это делали более состоятельные, распределяя недостающую сумму между собой. За это неимущие расплачивались фактическим бесправием в решении насущных вопросов при формальной демократии. Для ведения такой многообразной и требующей расходов деятельности кагалы собирали с членов общины налоги. Однако, поскольку гродненская община на протяжении XIX века входила в число небогатых, этих денег постоянно не хватало. В 1898 году из 4839 душ мужского пола 203 считались несостоятельными.⁶³ Кагал хронически имел недоимки перед государством и часто вынужден был прибегать к займам.⁶⁴ В 1821 году недоимка составила 967 рублей 18 $\frac{1}{4}$ копеек.⁶⁵ Как бы странно это ни прозвучало, постоянными кредиторами кагала были католические монастыри.⁶⁶ В 1843 году он задолжал гродненским бернардинцам 4 973 рубля 21 копейку, бернардинкам 4 458 рублей 88 копеек, кармелитам 1 944 рубля, францисканцам 3 521 рубль 54 копейки и т. д.⁶⁷

С начала XIX века российское правительство предоставило евреям возможность выйти из-под финансовой опеки кагала. Они получили право наряду с христианами записываться в купеческое сословие и вносить подати напрямую в магистраты, избегая кагальных складчин. Неудивительно, что олигархия из всех сил старалась не допустить единоверцев в купечество. В 1827 году, например, в канцелярию гродненского генерал-губернатора с жалобой обратились состоятельные члены гродненского еврейского общества Урия Янкелевич Литман и Лея Боярская. Они писали: несмотря на то, что они внесли за себя все подати сполна и прежде уже были причислены к купцам, кагал отказывает им в выдаче новых свидетельств.⁶⁸ Доказательством огромного влияния кагала над еврейской массой служит происшествие, случившееся в Гродно в 1825 году. 25 октября в 13 часов в городе внезапно были закрыты все питейные дома. Организатором забастовки евреев оказался кагал, протестовавший против завышенных налоговых ставок, введённых содержанием гродненских питейных сборов шляхтичем Витковским. Урон был особенно высок, потому что «сие случилось в воскресный день, который

⁶² Там же, оп. 29, д. 641.

⁶³ НИАБ в Гродно. Ф. 2. Оп. 38. Л. 915.

⁶⁴ AGAD. Arch. Tyzenhauzyw. Sygn. D 26/40.

⁶⁵ Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2645. Л. 12 об.

⁶⁶ НИАБ в Гродно, ф. 1678, оп. 1, д. 3, л. 270.

⁶⁷ Там же. Ф. 1678. Оп. 1. Д. 3. Л. 270.

⁶⁸ Там же. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1789. Л. 3-4.

обыкновенно приносит дохода столько же, сколько все вместе прочие дни в неделе».⁶⁹

Неограниченная власть рождала злоупотребления. Наибольшие несправедливости чинились при раскладке податей и отсылке рекрутов, потому что богатые члены общины считали, что, уплачивая за других налоги, они имеют моральное право заставить бедных расплатиться за это своими сыновьями, и спасти собственных детей от ужасов рекрутчины и кантонизма. Не меньше злоупотреблений возникало в погребальных братствах, которые занимались организацией похорон. За свои услуги они могли назначать произвольную цену и, в теории, должны были при этом руководствоваться состоятельностью семьи умершего. На практике эти братства стали средством сведения счётов и разорения неугодных. Как утверждает документ из Гродно, «...общество погребальное, коим заведуют Хаим Перлис, Мендель Соболев, Зельман Эпштейн, Мовша-Ицко Эберил, Израиль Гершун, Янкель Лейбович Липшиц, Зельман Флят, Тобияш Левинсон и Мовша Шахнарович, получает довольно значительное количество денег за принятие на кладбище евреев, в особенности богатых – по 100 и более рублей серебром».⁷⁰

Российские власти всеми силами старались ограничить компетенцию кагала. В 1840 году кагалы были уничтожены, а на их месте появились «еврейские общества». Фактически изменилось только название этой структуры. Старейшинам были оставлены фискальная и религиозная функции. В XX веке немецкие, а затем польские власти также опасливо относились к влиянию кагала на евреев. Специальными документами подчёркивалось, что община носит исключительно религиозный характер. «Правление еврейской общины призвано удовлетворять религиозные интересы еврейской общности в области отправления культа и еврейского ритуала, включая заботу о снабжении раввинов, выполнение ритуальных правил, надзор за благотворительными организациями при конкретных синагогальных обществах. Далее к отпращиванию культа я отношу управление собственно состоянием общины, школами религиозного характера, которые содержит еврейское общество, однако без ущерба для надзора, который должен исполняться мною через немецкие школьные власти,» – писал в декабре 1916 года немецкий президент Гродно.⁷¹

Выборы 1916 года, в результате которых создан признанный немецкими оккупационными властями кагал, проходили по многоступенчатой схеме. Благотворительные комиссии еврейского общества выдвигали своих представителей, которые затем избирали кандидатов в правление. Количество состоящих в нём лиц, по распоряжению президента города, не должно было превышать 7-9 человек. Поэтому немецкий президент утвердил из 12 претендентов только 7. Среди них оказались Э. Ноймарк, М.О. Иоффе, доктор М. Анцелевич, адвокат А. Задай, И. Аркин, И. Лифшиц, Б. Клемпнер.⁷² Время немецкой оккупации было отмечено в истории общины строительством нового здания детского приюта по улице Скидельской.⁷³

⁶⁹ Там же. Д. 918. Л. 5-5 об.

⁷⁰ Там же. Оп. 21. Д. 229. Л. 2.

⁷¹ Государственный архив Гродненской области (далее – ГАГО), ф. 56, оп. 1, д. 3, л. 1-1 об.

⁷² Там же. Л. 7.

⁷³ Чернякевич А. Гродненская еврейская община в годы польско-советской войны 1919-1920 гг // Евреи Беларуси: История и культура: Сб. науч. тр. – Вып. 6. – Мн.: Четыре четверти, 2001. – С. 97.

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ

«Я никак не мог постигнуть, чем питается сорокатысячное население [Гродно], как существует и как ухитряется ещё иметь множество благотворительных учреждений,» – писал А.Г. Ковнер во второй половине XIX века.⁷⁴ Скорее всего, это положение дел можно объяснить пословицей: «С миру по нитке – голому рубашка». Активное участие в благотворительных делах принимал весь еврейский мир, ведь для него оказание помощи ближнему, попавшему в беду – это не просто благое дело, но и религиозный закон.

Благотворительность в гродненском еврейском обществе разворачивалась по нескольким направлениям. Одно из них – помощь бедным, престарелым и сиротам. С этой деятельностью тесно связано имя широко известного своими добрыми делами купца 1 гильдии Бениамина Гешелевича Ашкенази. В 1857 году он возглавил работавшую в Гродно на общественные средства больницу для бедных больных евреев. До того наблюдение за порядком содержания больницы и ведение отчётности были поручены А. Канелю, З. Эпштейну, И. Броуде. Они плохо справлялись со своими обязанностями и, несмотря на то, что в 1846 году больнице было выделено 2125 рублей, она пришла в упадок. «В находящейся в Гродно еврейской больнице медицинская и хозяйственная часть остались без всякого попечения, так что посещавший больных этого заведения медик военного госпиталя от двух уже месяцев посещения прекратил. Больные евреи с того времени оставлены без призрения»⁷⁵.

Ашкенази активно взялся за дело. Его поразило состояние помещений и плохие условия жизни больных, поэтому в первую очередь он взялся за постройку нового здания больницы. В 1867 году приобрели землю на Татарской улице, 26 июня 1868 произведена закладка фундамента, первый камень в который положил князь Кропоткин.⁷⁶ Современники отмечали, что это событие произошло только благодаря влиянию Ашкенази. В старом здании разместился еврейский приют (1870), основанный на средства коробочного сбора и специальные пожертвования. Личную опеку над ним принял портной Залман.⁷⁷ Восемьдесят юношей и девушек получали в стенах приюта бесплатную еду, одежду, начальное образование.⁷⁸

Новое здание больницы выгодно отличалось от старого: «Наша еврейская больница, расположенная на открытой, живописной местности, отличается благоухающим воздухом и вполне удовлетворительными гигиеническими условиями. Самоё помещение больницы едва ли не одно из лучших в городе по своему устройству и довольно изящной внешней отделке».⁷⁹ Конечно, Ашкенази не удалось решить все проблемы больницы, тем более, что остальные 12 членов её совета, по сведениям того же источника, почти не заглядывали к своим подопечным. Главной трудностью оставалось недостаточное финансовое обеспечение. Оно не позволяло взять на постоянную службу врача, который лишь изредка навещал своих пациентов.⁸⁰

⁷⁴ Ковнер А.Г. Из записок еврея // Евреи в России: XIX век. – М.: Новое литературное обозрение, 2000. – С. 244.

⁷⁵ НИАБ в Гродно. Ф. 1, оп. 21, д. 931, л. 1, 3.

⁷⁶ Там же, оп. 7, д. 217, л. 1.

⁷⁷ Бендетсон Н. Поучительная история одного приюта. – Портной – филантроп. // Рассвет – № 13. – С. 454.

⁷⁸ НИАБ в Гродно, ф. 1, оп. 17, д. 392.

⁷⁹ Бендетсон Н. Благотворительные учреждения вообще, больницы, приют и талмуд-тора в частности // Рассвет. – 1880. – № 41. – С. 1610.

⁸⁰ Там же. С. 1611.

Б.Г. Ашкенази казалось, что спорадически выделяемых на благотворительные акции денег недостаточно для удовлетворения всех нужд бедняков. Он основал постоянную организацию - Благотворительный комитет из 12 членов - и сам подал другим пример, внося значительную сумму. Комитет назначил в каждой синагоге и молитвенной школе по два человека, в обязанности которых входил сбор пожертвований (как денег, так и хлеба) со всех молящихся раз в месяц. Еврейские нищие должны были приходить в так называемую общественную избу на Школьном дворе, где четырьмя делегатами и общественным раввином производилась раздача пособий на неделю. Размер пособия определялся в соответствии с уровнем здоровья, возрастом и численностью семейства нищего. В январе и феврале 1869 года состоялись две раздачи, на них явились 275 человек, которые получили 230 рублей.⁸¹

Через несколько лет Б.Г. Ашкенази напишет: «По желанию гродненского общества 1 февраля 1869 года принял я на себя распоряжение кассой Еврейского благотворительного комитета, жертвовал я своё время и труд в пользу бедного класса и, благодарение Богу, успел привести это дело в желаемое состояние».⁸² Летом 1871 года Б.Г. Ашкенази пытался уйти в отставку в связи с конфликтом, вызванным желанием общества направить средства для бедных, собранные трудами нашего героя, на другие нужды. Однако поскольку все члены Благотворительного комитета проголосовали против его ухода, Бениамин Гешелевич остался на своём посту. Летом 1871 года в Гродно была зафиксирована вспышка холеры. Ашкенази взял на себя опеку над холерным отделением, открытым в здании Старого замка.⁸³ В 1877 году в еврейской больнице создали отделение на 5 кроватей для больных и раненых солдат. В 1878 году основали богадельню для 20 престарелых евреев. 28 мая 1887 года утвердили устав, в соответствии с которым она должна была существовать на следующие средства: коробочный сбор, доходы по завещанию коллежского асессора А. Лебедева, плату, полученную с пациентов. Больные пользовались "полным содержанием" - едой, одеждой, обувью, бельём, лекарствами. Медицинские советы бесплатно могли получать приходящие больные бедняки, которые не попали в лечебницу.⁸⁴

6 декабря 1893 года Бениамин Гешелевич Ашкенази скончался. За время своей многолетней работы на пользу обществу этот человек был награждён золотой (17.12.1882.) и серебряной (18.09.1870.) медалями с надписью «за усердие» для ношения на ленте св. Станислава.⁸⁵ На заседании Гродненской еврейской больницы 10 декабря 1894 года сказали немало благодарных слов о его неустанной бескорыстной работе, отметили, что он «выполнял свои обязанности со всей тщательностью, пристально заботясь о моральной и материальной сторонах дела».⁸⁶ Желая сохранить память об умершем, члены совета заказали портрет Б.Г. Ашкенази и поместили его в конторе Гродненской еврейской лечебницы.

Проследив далее судьбу больницы, заметим, что в 90-е годы XIX века она расширена. Если в 1898 году там было 60 больных, 2 врача и 2 фельдшера, то в 1901 году она принимала от 56 до 81 больных ежемесячно. Больница имела

⁸¹ НИАБ в Гродно, ф. 1, оп. 27, д. 2700, л. 8 об.-9 об.

⁸² Там же, оп. 23, д. 82, л. 92.

⁸³ Там же, ф. 9, оп. 1, д. 459.

⁸⁴ Там же, ф. 1, оп. 7, д. 268, л. 67.

⁸⁵ Там же, ф. 15, оп. 1, д. 440, л. 27-29.

⁸⁶ Там же, ф. 1, оп. 7, д. 217, л. 7, 19, 14; оп. 9, д. 306, л. 6.

многопрофильный характер. Здесь лечили рак, сердечные заболевания, эпилепсию, но самый традиционный диагноз - «порча умственных способностей».⁸⁷ В 1898 году основано Гродненское еврейское общество оказания помощи бедным больным,⁸⁸ которое собиралось приглашать на свои средства домой к больным врачей, помогать питанием, медикаментами, уходом, денежными средствами. Оно имело право открывать общественные столовые, больницы, дешёвые квартиры.

Другой стороной традиционной благотворительной помощи являлась материальная и моральная поддержка самых бедных евреев. Министр внутренних дел отмечал в 1881 году: «Администрация Гродненской губернии почти не встречается с еврейским нищенством, но оно существует, и в больших размерах. Одно Гродненское еврейское общество насчитывает до 600 лиц, заведомо живущих общественным подаянием, то есть на 50 лиц приходится 1 нищий. Общественные мероприятия евреев уменьшают пока это зло, но может прийти такое время, когда широкая благотворительность зажиточных евреев в отношении их собратьев станет бессильна бороться с еврейским пауперизмом».⁸⁹

Огромное значение в религиозном ритуале иудеев имеет чтение священных текстов. В связи с этим особенно важно ещё одно направление благотворительности - помощь учащейся молодёжи. В 1906 году создано Общество попечения над учениками-евреями города Гродно "Наука и призвание".⁹⁰ Его устав предусматривал: 1) открытие детских садов, интернатов, столовых, дешёвых квартир, оплату учебников; 2) выплату денежных пособий; 3) обеспечение неимущих учеников квартирами, одеждой и едой. В 1907 году Общество финансировало обучение 7 евреев, в 1910 году выделило на приобретение учебников 37 рублей 78 копеек, в 1912 году - 31 рубль 50 копеек, учителям выплатили соответственно 395 и 420 рублей.

В 1907 году в Киеве начало работу Общество помощи еврейским учителям и меламедам города Киева и черты еврейской оседлости. Через два года в Гродно открыли его отделение. Кроме материальной поддержки безработных, сирот и вдов учителей, оказания юридической и медицинской помощи гарантировалась «моральная поддержка». Имелись в виду: временные педагогические курсы во время каникул, издание педагогических журналов, чтения на школьные темы, организация школьных библиотек, хедеров, школ и детских садов. В 1910 году в Гродно Общество открыло библиотеку в здании талмуд-торы. Заведующим стал председатель общества А.М. Канштам. Библиотека насчитывала 227 томов по методике, дидактике, педагогике, психологии, логике, книги по истории, журналы и справочники. На 31 декабря 1911 года в Обществе состояло 63, а на 31 декабря 1912 года - 66 членов. Интересны темы некоторых лекций, проведённых в 1912 году: «О классной дисциплине», «О наказаниях», «О преподавании рисования в начальных училищах», «О методах преподавания начальной грамоты», «О летних учительских курсах».⁹¹

1914 стал годом создания Общества помощи еврейкам, ученицам правительственных и частных гимназий. Его основательницы - «первые дамы»

⁸⁷ Там же, ф. 9, оп. 1, д. 2905. 16.

⁸⁸ Там же, оп. 2, д. 435.

⁸⁹ Там же, ф. 1, оп. 16, д. 1214.

⁹⁰ Там же, ф. 103, оп. 1, д. 160.

⁹¹ Там же, д. 66.

гродненского еврейского общества: Т.Я. Хазан, Е.Б. Гаухман - жёны врачей, и Ф.А. Гальперн - супруга общественного раввина.⁹² Характерной чертой благотворительности начала XX века стало её «организационное оформление» и дробление этих организаций. Появляются уже не только общества, объединявшие значительные районы (например, черту еврейской оседлости), даже не только города (как Гродно), но отдельные районы (Занеманский форштат в Гродно). Перечислим некоторые: Общество помощи падающим (поддержка бедных еврейских семей, доставка необходимого - белья, еды, денег - роженицам), 1903 - Общество обеспечения дровами и другими предметами первой необходимости, 1904 - Общество помощи бедным евреям, 1906 - Общество пособия бедным евреям Занеманского форштата в г. Гродно, 1907 - Общество помощи бедным еврейским детям, 1911 - Общество любителей еврейского языка, 1912 - Общество еврейских детских колоний (создавало нечто похожее на современные детские летние лагеря отдыха).

УЧАСТИЕ В ПОЛИТИЧЕСКИХ СОБЫТИЯХ XIX - НАЧАЛА XX ВЕКА

Евреи представляли собой весомую в экономическом отношении часть населения. Они были многочисленны и хорошо организованы, следовательно, представляли собой значительную политическую силу. Между тем, реалии российской жизни не позволяли евреям в полной мере быть субъектами политики. Такое положение существовало тогда не только в нашей стране. Нужно даже заметить, что в начале XIX века Россия опережала другие европейские страны в деле эмансипации евреев. Ещё Екатерина II, принимая евреев в число подданных российской короны, дала им возможность участвовать в местном самоуправлении: избирать и быть избранными в городские думы. Но о полной их эмансипации речь тогда не шла, поэтому число евреев, вне зависимости от их доли в населении города, не должно было превышать 1/3 депутатов.

Однако гродненские евреи оставили след и в политической истории города. В начале русско-французской войны 1812 года в высших сферах российской власти было распространено опасение, что евреи, увлечшись эмансипационными мероприятиями, начатыми Наполеоном, перейдут на сторону неприятеля. Но в ходе боевых действий оказалось, что несмотря на насильственные переселения и прочие непопулярные меры правительства, предпринятые по отношению к этой группе граждан, евреи не становятся предателями и даже активно выражают патриотические чувства. Как поясняет Ф. Кандель, «евреи Восточной Европы не доверяли Наполеону и той атмосфере безбожия, которая грозила отменить законы Торы и Талмуда и нарушить традиционный образ жизни, и потому встали на сторону русских войск».⁹³ В этой войне они не выступали в качестве солдат. В то время исполнение евреями воинской повинности заключалось во внесении дополнительного денежного налога, а не в поставке рекрутов. Тем не менее, их роль в одержании победы

⁹² Там же, д. 75, л. 1.

⁹³ Кандель Ф. Очерки времён и событий: Из истории российских евреев. – Иерусалим: Тарбут, 1990. – С. 74.

была значительна. Евреи занимались разведкой, служили проводниками, прятали раненых или оставших от своих частей русских военных и, наконец, осуществляли поставки (правда, не без выгоды для себя): одевали, кормили и обували русскую армию.

Преданность евреев России была проверена испытаниями и вызывала уже куда меньше сомнений, чем верность поляков, которые в ходе войны в очередной раз неудачно пытались реализовать идею о восстановлении единой великой Польши «от моря до моря». Многие из них вступили в сформированные под французским патронажем польские войска, иные имели родственников, бежавших от русских за границу. Всё это вызывало недоверие российских властей всех уровней к польскому населению. Поэтому при освобождении Гродно от французов, которое осуществил отряд знаменитого партизана Дениса Давыдова, до прихода основных российских сил власть в городе была передана еврейскому кагалу, а не дискредитировавшей себя сотрудничеством с французами польской администрации. По тем временам это было событием неслыханным и скандальным.

«Зная преданность евреев к русским, я избираю кагального в начальники высшей полиции и возлагаю на него ответственность за всякого рода беспорядки, могущие возникнуть в городе, так как и за все тайные совещания, о коих начальник города не будет извещён,»⁹⁴ – писал в своём дневнике Д. Давыдов. Он поручил кагалному выбрать себе помощника из евреев, который будет надзирать и за полицией, и за польскими обывателями города. Затем последовало уничтожение остатков «французского духа». В центре города был обнаружен столб, поставленный в честь взятия Москвы. «Кагальный, топор! И долой столб!» – скомандовал партизан, и столб мгновенно рухнул на землю.

Следующими жертвами оказались прозрачные картины, выставленные для празднования взятия Москвы на многих окнах и балконах. Они немедленно полетели в костёр, разложенный на площади. На балконе аптекаря заметили самое дерзкое «аллегорическое ругательство на счёт России»: на картине изображались французский и белый польский орлы, раздиравшие на части двуглавого русского орла. В наказание аптекаря обязали в кратчайший срок вывесить на своём балконе картину противоположного содержания: присовокупить к французскому и польскому ещё двух орлов, улетающих от русского орла-победителя.⁹⁵ Правда, власть кагала была недолгой: уже 22 января 1816 гродненским генерал-губернатором стал князь Ф.-К. Друцкий-Любецкий, враждебно настроенный по отношению к евреям.

С окончанием войны многие евреи связывали надежды на улучшение своего положения в России. Ожидания были обмануты, что отразилось на судьбе такого института, как депутация еврейского народа. Она возникла во время заграничного похода русской армии 1813-1815 годов при императорской Главной квартире. Тогда депутатами числились Зундель Зоннеберг и Лейзер Диллон, которые оказали русской армии значительные услуги в качестве поставщиков. В Брюсселе 29 июня 1814 года Александр I удостоил их аудиенции, во время которой «выказал еврейским кагалам своё милостивейшее расположение»⁹⁶ за поведение во время войны и обещал дать «определение

⁹⁴ Давыдов Д. Дневник партизанских действий 1812 года // Сочинения: В 2 т. – СПб., 1893. – Т. 2. – С. 146.

⁹⁵ Там же. С. 147.

⁹⁶ Гинзбург Г. М. Отечественная война 1812 года и русские евреи – СПб.: Разум, 1912. – С. 125.

относительно их желаний и просьб касательно своевременного улучшения их положения».⁹⁷ По окончании похода император приказал обоим депутатам явиться в столицу для передачи кагалам указов правительства. И вот в 1817 году Зоннеберг и Диллон вступили в свои обязанности в Санкт-Петербурге.

Они понимали, что звание «депутатов еврейского народа» носит формальный характер, поскольку они были назначены, а не выбраны евреями в качестве представителей. Поэтому осенью 1817 года по ходатайству гродненца З. Зоннеберга все общины приступили к выдвижению кандидатов. В августе 1818 года 22 избирателя от 11 губерний, где жили евреи, собрались для выборов в Вильно. Они должны были избрать из своих рядов троих «депутатов еврейского народа».⁹⁸ Для покрытия расходов решили учредить специальный «позументный сбор»: срывались и обращались в деньги серебряные позументы, украшавшие костюмы богатых.⁹⁹ В результате выборов в Санкт-Петербурге возникла особая «канцелярия депутации еврейского народа», во главе которой стоял наш энергичный земляк З. Зоннеберг. В полном или частичном составе она просуществовала до 1825 года. Но надежды еврейских посланцев на то, что с их помощью в России начнётся коренная еврейская реформа и улучшится положение их единоверцев, не сбылись. Волею судеб они остались простыми ходатаями по еврейским делам, но и при своём неопределённом положении депутаты сумели стать полезными избирателям. Вращаясь в столице в «высших сферах», они первыми узнавали о готовящихся переменах и секретно оповещали о них кагальных, а если удавалось, то и смягчали репрессивные меры правительства в отношении евреев.

Как мы успели уже заметить, в «депутации» доминировал Зундель Зоннеберг. С течением времени ему показалось недостаточным молчаливое признание его первенства со стороны Л. Диллона. Отношения между ними стали ухудшаться. З. Зоннеберг для запланированного им переворота выбрал время, когда его соперник отсутствовал в столице. 17 октября 1817 года министр внутренних дел Козодавлев известил министра полиции Вязмитинова, что еврейский депутат Л. Диллон отправился по Высочайшему повелению в Несвиж, где его присутствие требовалось для ведения следствия. В это время З. Зоннеберг обратился к царю с прошением об отставке, жалуясь, что из-за постоянного присутствия в столице приходят в убыток его дела. Он просил избрать на его место кого-нибудь другого, «двух или трёх способных депутатов», при этом вовсе не упоминая Диллона, будто он являлся единственным депутатом. Царь приказал провести новые выборы, которыми руководил Зоннеберг. Их результат – исчезновение Диллона и сохранение своего места Зоннебергом.¹⁰⁰

В своей деятельности еврейского ходатая З. Зоннеберг буквально ходил по лезвию ножа, постоянно рискуя впасть в немилость и быть отстранённым от должности. И несмотря на дипломатические способности, он однажды был лишён своего звания «за дерзость перед начальством».¹⁰¹ Проходили годы,

⁹⁷ Дудаков С. Война 1812 года и ритуальные процессы в России // Ковчег: Альманах еврейской культуры. - М., 1990. - С. 269.

⁹⁸ Дубнов С. М. Всеобщая история еврейского народа: В 5 т. - СПб, 1914. - Т. 5. Новейшая история еврейского народа (1789 - 1881). - С. 352.

⁹⁹ Дубнов С. М. Евреи в России в эпоху европейской реакции (1815-1848) // Еврейская старина. - 1912. - Вып. 3. - С. 276.

¹⁰⁰ Гессен Ю. И. "Депутаты еврейского народа" // Еврейская старина. - СПб, 1909. - Т. II. - С. 27.

¹⁰¹ Дубнов С. М. Евреи в России... С. 276.

разочаровавшись в службе, многие депутаты разъехались по домам, на своём посту оставался только З. Зоннеберг. В его жизни тоже не всё складывалось гладко: на руках - четверо сирот-племянников, оставшихся после смерти брата и деверя. Особенно его беспокоило поведение дочери Хаи Эстер, которая, «будучи ещё 12 лет от роду, показала признаки дурного характера». Отец пытался исправить её, выдав замуж в 15 лет, но не пробыла она и 4 месяцев в новой семье, как свёкор потребовал развода молодой пары. И вот в апреле 1820 года несчастный отец получил весть, что его дочь «в ночное время бежала с женатым шляхтичем М. Болтучем, укравши большую часть имущества, тайным образом уехала в Слоним в тамошний женский монастырь».¹⁰²

Конец депутатии наступил в 1825 году, когда новый министр народного просвещения С.А. Шишаков сделал представление на имя царя о необходимости её упразднения. «Многочисленные случаи доказали, что пребывание их здесь не только не нужно и бесполезно, но и вредно, почему они под предлогом ходатайства об общественных делах собирают только с евреев понапрасну деньги и преждевременно разглашают предложения правительства».¹⁰³

По отношению к восстанию 1863-1864 годов в еврейской среде были распространены различные настроения. Организаторы движения на Беларуси, революционеры-демократы во главе с К. Калиновским, цель акции видели в свержении самодержавия, ликвидации помещичьего землевладения, передаче средств производства народу и установлении народовластия со свободным национально-политическим самоопределением народов. Часть евреев встала на сторону восставших, ожидая реализации обещанных ими благотворных изменений. Несомненно, среди них находились и такие, которые сражались за своё будущее с оружием в руках. Но документы, попавшие нам в руки (это списки жителей губернии, обвинявшихся в участии в восстании), свидетельствуют о том, что всё чаще их участие ограничивалось коммерческой деятельностью. Так, например, жители Гродно Хая Марголисова 40 лет и Ривка Сасова 47 лет были наказаны штрафами за покупку-продажу пуль.¹⁰⁴ Как справедливо замечает С.М. Дубнов, «мятеж, поднятый при очень плохой организации, казался евреям безрассудным, обречённым на неудачу и, следовательно, вредным для всего края и сугубо вредным для еврейских интересов».¹⁰⁵ Эти взгляды нанесли урон прежде всего самим евреям, потому что возмущённые их «русским патриотизмом» поляки стали подозревать их в шпионаже в пользу правительства и жестоко расправлялись с не повинными ни в чём людьми.

Прокатившаяся по России в 80-х годах XIX века волна погромов пощадила Гродно. Но, тем не менее, и здесь проявились антисемитские настроения. Приведём выдержки из газеты «Русский еврей» за 1881 год. 6 июня в городе начался пожар, «помощник пристава, фигурируя в качестве блюстителя порядка на месте пожара и, желая воспользоваться моментом суматохи, чтобы выказать своё неблагоприятное отношение к евреям, воскликнул: «Бей жидов!» Исполнителем воли полицейского чиновника явился урядник, который схватил первого попавшегося ему еврея и до того исколотил последнего, что даже сломал на его

¹⁰² НИАБ в Гродно, ф. 1, оп. 1, д. 2186, л. 13 об.

¹⁰³ Дубнов С. М. Евреи в России... С. 278.

¹⁰⁴ НИАБ в Гродно, ф. 1, оп. 34, д. 3567, л. 251 об.-252, 350 об.-351.

¹⁰⁵ Дубнов С. Приключения евреев во время польского восстания 1863 года // Еврейская старина. - 1910. - С. 378.

спине свою саблю. Подвергся избиению господин Э., заступившийся за еврея».¹⁰⁶ Волна юдофобии захлестнула не только рядовых необразованных «полицейских чинов», но и чиновников высшего звена. Так, в конце того же года начальник Гродненской губернии отдал распоряжение об увольнении всех служащих полиции иудейского вероисповедания как неблагонадёжных, что и было немедленно исполнено.¹⁰⁷

Политическое давление на евреев, которое особенно усилилось в Российской империи в 80-е годы XIX столетия, заставило значительное количество представителей этой общности искать счастья за границами России. В городе стали появляться агенты зарубежных компаний. Еврей Каас вербовал людей для переезда в Америку на пароходах гамбургской компании. Неудавшиеся гродненские эмигранты жаловались, что он обманым путём забирал у них деньги и, переведя через границу, оставлял на произвол судьбы.¹⁰⁸ В соответствии с данными архива, за 1887-1897 годы город навсегда покинули 1330 евреев, которые направились в США, Аргентину, Англию, Палестину и другие страны.¹⁰⁹

Конец XIX – начало XX века отличались бурным ростом политической активности, увеличением интереса к общественной жизни и возникновением первых еврейских партий. Среди гродненцев оказалось немало активных членов Бунда, сионистов и сторонников других партий. Особенно жёсткая борьба развернулась во время выборов в Государственную думу 1907 года. Среди избирателей еврейской национальности боролись представители сионистов, бундовцев и Еврейской народной группы. Представители последнего объединения пользовались поддержкой верхов общины, благодаря этому за них пропаганда велась служками и раввинами прямо в синагоге. Во главе кандидатов Еврейской народной группы в Гродно стоял М.Я. Острогорский, кроме его были выдвинуты Крамаров, Яновский, Роутштейн, Замковский и Вольф.¹¹⁰ Сионисты критиковали его за умеренность и соглашательство. Оно проявлялось в том, что Острогорский вёл переговоры с польскими помещиками и пропагандировал им от имени местных евреев союз, что закончилось бы для сионистов потерей мест в Думе.

Не устраивал сионистов и следующий пункт программы Острогорского – «национализм». По словам самого кандидата, он собирался отстаивать для евреев «религиозную автономию»... - в синагогах. Еврейская газета «Рассвет» иронизировала над этим тезисом и писала: «Получается, что евреи имеют право строить синагоги отдельно от церквей и выбирать самостоятельно, без участия христиан, своего раввина и шамеса».¹¹¹ Кроме отмеченной религиозной автономии кандидат Народной группы предлагал независимость еврейской школы. Благодаря умеренности этой программы за М.Я. Острогорского высказывалось большинство гродненских евреев – ассимилированная интеллигенция и бедняцкая масса, которая слепо исполняла распоряжения городской верхушки.

¹⁰⁶ Нам пишут из Гродно [Про антиеврейские волнения во время пожара в июне 1881 г ода] // Русский еврей. - 1881. - № 28. - С. 1096.

¹⁰⁷ Нам пишут из Гродно [Об увольнении служащих Гродненской полицейской канцеля рии] // Русский еврей. - 1881. - № 45. - С. 1775.

¹⁰⁸ НИАБ в Гродно, ф. 1, оп. 8, д. 2113.

¹⁰⁹ Там же, оп. 9, д. 783, л. 13.

¹¹⁰ Выборы // Рассвет. - 1907. - № 3. - С. 27.

¹¹¹ Выборы // Там же. - № 2. - С. 34.

В борьбе против сионистов на союз с Еврейской народной группой пошли бундовцы. Представители этой социалистической партии пользовались в Гродно материальной и моральной поддержкой некоторых зажиточных представителей еврейской буржуазии. Время показало, что Бунд не зря искал в Гродно поддержки Острогорского. На пробных выборах, которые состоялись в синагоге 6 января 1907 года при участии около 1500 человек, целиком прошёл список Народной группы, бундовцы и сионисты остались в меньшинстве.¹¹² Но сторонники Бунда в Гродно не собирались сдавать позиции без боя. 9 января они провели собрание, на которое явились около 600 человек. Выступал Г. Лану, собиравшийся выставлять свою кандидатуру на выборах.¹¹³ Критическим было выступление сиониста Л.Б. Яффе, который рассказал о национально-политических требованиях своей партии.

Личность Льва Борисовича Яффе (1876-1948), поэта и политического деятеля, переросла масштабы политической жизни провинциального губернского города. Он родился в Гродно в религиозной семье, был внуком известного раввина. Вся жизнь этого человека была посвящена пропаганде сионистской идеи. Л.Б. Яффе сделал блестящую политическую карьеру. Сначала было участие в сионистских конгрессах и членство в демократической фракции сионистского движения, с 1906 года – работа в Центральном комитете Российской сионистской организации. После Октябрьской революции наш знаменитый земляк отправился в эмиграцию. Сначала это была Литва, где он опять-таки занимал ведущие позиции в местном сионистском движении и печати. В 20-е годы много путешествовал по всей Европе, пропагандируя сионистские идеи. Л.Б. Яффе погиб на Святой земле, в городе Тель-Авиве в результате террористического акта.¹¹⁴

Очень активно вели себя в Гродно представители радикальной партии сионистов. Они хотя и жаловались, что политические противники всячески позорили их кандидата Н. Соколова, но и сами распространяли критическую информацию, например, о бундовцах.¹¹⁵ 20 листопада сионисты провели в Гродно губернский съезд, на который прибыли два представителя Центрального комитета, 25 делегатов от 12 населённых пунктов и 15 гостей.¹¹⁶ Были приняты следующие решения: созданы губернский комитет партии с бюджетом 1200 рублей, который среди прочего должен был организовывать литературные бюро по распространению партийной прессы.

В крупных пунктах избирались специальные комиссии, а в мелких – комиссары для палестинской работы, в задачу которых входила агитация евреев для переезда на Святую землю. Для этого они проводили чтения, раздавали книги и брошюры, делали выставки изделий палестинских колонистов, продавали акции Английско-палестинской компании и организовывали экскурсии на Святую землю.¹¹⁷ Власти неприязненно относились к пропаганде сионистов, которые призывали евреев переезжать на родину их предков – Палестину. Из газетной статьи мы знаем, например, что гродненский губернатор запретил А.Б. Яффе в июне 1913 года чтение лекции о Палестине.¹¹⁸

¹¹² Там же, с. 35.

¹¹³ Там же.

¹¹⁴ Письма Л.Б.Яффе к М.О.Гершензону. Публикация Б. Горовица // Вестник Еврейского университета в Москве. – 1998. - № 2(18). – С. 210-211.

¹¹⁵ К выборам в государственную Думу // Рассвет. - 1907. - № 1. – С. 28.

¹¹⁶ Гродненский губернский съезд сионистов // Там же, № 47. – С. 16.

¹¹⁷ Там же, с. 17.

¹¹⁸ Репрессии // Там же, 1913. - № 17. – С. 35.

Из газетных заметок того времени мы знаем, что в Гродно были и представители других, в том числе леворадикальных партий. В ноябре 1907 года состоялся суд над мещанином Давидом Гольдманом, который обвинялся в принадлежности к партии анархистов-коммунистов и в участии в покушении на гродненского купца Франка. Последнему анархисты вынесли смертный приговор за его отказ “посодействовать” партии, выделив 500 рублей. Заговорщикам не удалось достигнуть своей цели: револьверные пули попали не в купца, а в случайных прохожих: рядового Венедиктова и 12-летнего Лейпуньского.¹¹⁹ 15 ноября в зале виленского суда произошло слушание дела гродненца Алтера Робейкова, который был обвинён в принадлежности к партии “Поалей-цион”. Доказательствами послужили найденные при обыске прокламации и знамя этой политической организации. Был вынесен приговор о наказании А. Робейкова одним годом тюрьмы.¹²⁰

Но недолго участвовали наши земляки в политических играх. Около западной границы собирались тёмные тучи новой войны. Гродненщина первой приняла на себя удар войск германского кайзера. Многие гродненские евреи прославились в рядах русской армии уже в начале войны. Газета сообщает нам о награде уроженца Гродно, унтер-офицера Иосифа Хаймовича Ф.: за мужество он получил Георгиевский крест третьей степени. До того герой имел уже два Георгиевских креста за Японскую войну, во время которой был дважды ранен.¹²¹

Но не только оружием помогали гродненские евреи своей родине в тяжёлые для неё времена. Наш земляк по прозвищу Робинзон за несколько лет до войны изобрёл “аппарат для взрыва судов на большом расстоянии”. Курьёзным в этой истории является то, что своё открытие Робинзон ещё во время русско-японской войны предлагал Военному министерству, но тогда чиновники отказались вступить в переговоры с ним. Только теперь, когда русские войска терпели поражение, и пришло известие об аналогичном изобретении, сделанном итальянским инженером Уливи, министерство заинтересовалось отечественным аналогом снаряда.¹²²

Беженцы из Гродно направились в Минск, Бобруйск и другие города. Общинные учреждения создавали специальные комиссии, которые занимались организацией быта прибывших и поиском работы для них.¹²³ Общественные деятели, оставшиеся в Гродно в октябре 1914 года, многое сделали для улучшения жалкого положения еврейской бедноты. Последние средства общины пошли на дополнительную помощь жёнам солдат. Дешёвая еврейская столовая бесплатно кормила беженцев из Сувалок, Августова и других пунктов. Члены добровольной санитарной дружины, которая состояла исключительно из евреев, помогали выселенным при погрузке в вагоны. Более 500 беженцев было отправлено в Минск.¹²⁴

И в этот суровый час не уменьшалась энергия антисемитов. Из Санкт-Петербурга был удалён и оштрафован гродненец И. Раутенштейн, сын статского советника, инженер, который работал в университете за границей. Он появился в столице после того, как гражданскому населению Гродно предложили

¹¹⁹ Судебная хроника // Там же, 1907. - № 44. - С. 28.

¹²⁰ Там же, № 46. - С. 23. Судебная хроника // Там же, 1907. - № 44. - С. 28.

¹²¹ Евреи и война // Там же, 1914. - № 9. - С. 34.

¹²² Varia // Там же, № 11. - С. 34.

¹²³ Помощь жертвам войны // Там же, с. 37.

¹²⁴ Евреи и война // Там же, № 42, с. 20-21.

покинуть город. Этот факт вызвал особое возмущение еврейской общественности, потому что его отец, известный на Беларуси врач И.И. Раутенштейн, добровольно принял участие в русско-японской войне, был старшим врачом полевого госпиталя в Харбине и гродненского добровольного госпиталя.¹²⁵

Печальна судьба еврейских студентов, которые учились в Бельгии и из-за быстрой оккупации этой страны оказались на территории противника. Одни из них были перевезены в качестве военнопленных в Германию, другие прятались в Бельгии и стали в буквальном смысле нищими. Никто из них не имел возможности связаться с семьёй, оставшейся на родине. Поэтому в Лондоне под патронажем генерального консульства открылось бюро, сотрудники которого занимались поиском потерявшихся студентов.¹²⁶ Их стараниями среди прочих были найдены братья Ато и Лейб Гиршгорны из Гродно.¹²⁷

В ноябре 1914 года Гродно посетил Николай II. Его приветствовала также и еврейская депутация, которая состояла из общественного раввина И.И. Гальперна, учёного еврея Г.М. Каценельсона, купца С.Х. Ландау, докторов И.И. Раутенштейна, Г.Т. Заневского и С.Ю. Хазана. Император задал обычные вопросы о службе и составе делегации, а затем “осчастливил еврейское население высокомиловитыми словами: ”Передайте евреям Гродно мою признательность за их хлеб-соль, и что в их преданности я не сомневался.”¹²⁸ Как обычно, “высшая власть” нашла несколько тёплых слов для своих еврейских подданных только во время испытаний. А что на это сами евреи? “Униженным и оскорблённым” немного нужно, хватит и одного ласкового словечка от господина. “В честь этого великого события еврейское население Гродно решило основать в местных лазаретах 25 коек для раненых, не считая еврейских коек частных лиц, которые уже имеются в гродненском госпитале”¹²⁹ ...

БЫТ ЕВРЕЙСКОГО КВАРТАЛА

В Гродно существовал особый квартал, где селилась еврейская беднота. Это был так называемый Занеманский форштат (Левобережная часть города). Дома, обмазанные снаружи потемневшей от времени известью, выглядели жалко. Небольшие тёмные окна смотрели на грязные, изрытые промоинами улицы, на которых отсутствовала зелень. Деревянные дома тесно лепились друг к другу. Это содействовало быстрому распространению пожаров. Невероятная скученность и антисанитария вызывали эпидемии оспы, холеры, тифа. На Занеманском форштате было несколько синагог, из них самым интересным памятником по праву считалась большая деревянная синагога второй половины XVIII века, сгоревшая во время Второй мировой войны.¹³⁰ Интересно, что эту синагогу знали далеко за рубежом. В 1927 году представители Общества по сбору и консервированию еврейских памятников искусства и истории Еврейского музея Вены с тревогой спрашивали гродненскую общину, уцелело

¹²⁵ Наше правовое положение // Там же, с. 22-23.

¹²⁶ Бельгийские студенты // Там же, № 48, с. 30.

¹²⁷ К судьбе льежских студентов // Там же, № 48, с. 17-18.

¹²⁸ Евреи и война // Там же, № 46, с. 21.

¹²⁹ Там же.

¹³⁰ Она находилась приблизительно на месте современного жилого дома с магазином «Атлантик» на улице Горновых.

ли во время Первой мировой войны это здание и используется ли оно.¹³¹ В Занеманской части города было и отдельное кладбище,¹³² ныне недействующее, расположенное в лесу недалеко от Немана.

Не менее удручающе в середине XIX – начале XX века выглядел и основной еврейский квартал, протянувшийся от здания главной каменной синагоги вдоль Городничанки вплоть до бывшего Сенного рынка.¹³³ Даже во второй половине XIX столетия тут сохранялся дух замкнутости и изолированности. Вот как описывает его современник: «Оказавшись в этом гетто, вы чувствуете себя как бы отрезанным от остального мира. Тут иной мир, жизнь, права и обычаи. Квартал этот занимает довольно значительное пространство».¹³⁴ Позволим себе ещё одну длинную цитату: «Между рытвин и вымоин лепится более сотни жалких хижин, большая часть которых настолько обветшала, что признана негодною и опасною даже для населяющих их неприхотливых бедняков, вследствие чего и предназначены к ломке... Мы прошли грязными закоулками, между тесных и весьма удобосгораемых построек. Мы вступили в район тесных хаток, раскинутых по 2-3 вдоль ручья и разделённых узкими грязными проходами в 3-4 аршина шириной¹³⁵, большая часть от старости покривилась, разъехалась, у одной обвалились сенцы, у другой не хватает части крыши, третья от ветхости готова упасть и навалилась на соседнюю лачугу.»¹³⁶

После такого мрачного описания трудно поверить в то, что квартирная плата в этом районе не менее чем вдвое превосходила обычную для провинциальных городов России сумму. И это при том, что условия жизни были удручающими, а заработки скудными. Даже на этих улочках шла бойкая торговля. Прямо у лачуг выставлены лотки, на которых раскладывался небогатый товар: селёдка, бублики, всякого рода мелочи. Такой торговлей занимались женщины, чаще всего – старшие дочери, в то время как матери семейств занимались подённой стиркой или сидели в лавочке. Глава семьи проявлял себя обычно на общественном поприще, или в кагале, или молитвенном доме. Его окружающие считали такое положение нормальным. «Жена к нему не в претензии: он не занимается торговлею, потому что способен на дела поважнее. Впрочем, слава его ведь лучами своими озаряет и её, и её детей, а в будущем мире – она это знает – зачтётся ей в заслугу то, что она кормила и холила такого праведника.»¹³⁷

Совершенно естественно, что богатые евреи стремились покинуть пределы нищенского еврейского квартала. Они построили себе особняки на Ивановской, Бригидской, Полицейской, Почтовой и других престижных улицах. Еврейской буржуазии принадлежала значительная часть застройки Гродно: в 1862 она владела 576 домами (51.42%), а в 1884 - 1 067 домами (65.16% городской

¹³¹ ГАГО, ф. 56, оп. 1, д. 42, л. 105.

¹³² Там же, д. 59, л. 25.

¹³³ Теперь в этом месте, у поворота с Великой Троицкой на Виленскую, находится автостоянка.

¹³⁴ Бендетсон Н. Еврейский квартал и парадные улицы // Рассвет. - 1880. - N 25. - С. 97 8.

¹³⁵ Приблизительно от 2 до 3 метров.

¹³⁶ Субботин П.А. Вып. 2, с. 30-31.

¹³⁷ Паперна А. И. Из николаевской эпохи. С. 107.

недвижимости). Составляя 3/4 населения, они были хозяевами 2/3 домов.¹³⁸ В 1887 году из 1 202 тысяч рублей, в которые оценена городская недвижимость, на собственность евреев приходится 842 тысяч (70 %).

Центром религиозной и общественной жизни всего еврейского Гродно была главная синагога. В том виде, в котором мы знаем её сегодня, синагога предстала после очередного восстановления в конце XIX века, в котором она нуждалась из-за пожара. Теперь она приобрела в плане вид квадрата и состояла из трёх этажей. На главном фасаде появились две симметричные квадратные башни со шлемоподобным покрытием. Между ними над первым этажом проходила галерея. Такая же галерея имела и в синагоге на Предместье. Проход на них осуществлялся через отдельные входы. Именно здесь находилась «женская» часть синагоги. Несмотря на такую изоляцию и отдаление от бимы (кафедры в центре зала), «галёрка» часто выражала своё мнение относительно обсуждаемых вопросов восклицаниями и ропотом. В синагоге не только проводилось богослужение, но и решались важные общинные дела, по вечерам здесь собирались мужчины для совместного изучения Торы и Талмуда. Тут же размещалась талмуд-тора – общественная начальная школа для детей неимущих членов общины. Она содержалась за счёт кагала и не только давала детям знания, но и обеспечивала их одеждой, учебниками, обувью, канцелярскими принадлежностями, а иногда и завтраком.

Но если относительно внешнего вида еврейских улиц наблюдатели, оставившие воспоминания, придерживаются единого мнения, то их описания интерьера традиционного еврейского дома рознятся между собой. Обратимся к мнению чиновника из Гродно: «Загляните в один из этих скученных грязных домиков, готовых на ваших глазах превратиться в груды развалин, и вас поразит удушливый, злокачественный воздух. Толпа полунагих ребятишек едва помещается в мрачно-тёмной избёнке, 3/4 которой заняты печкой, кроватью и столом. Образ жизни евреев готовит обильную жатву для преждевременной смерти. Чахотка, горячка, удушье и кровавый понос находят среди них немало жертв»¹³⁹.

А.П. Субботин даёт совершенно иную оценку интерьера еврейского дома. «Внутри дома евреи соблюдают больше чистоты, чем вокруг себя; комнаты выбелены и чисты. У мало-мальски имущих довольно культурная обстановка, особенно по сравнению с крестьянами или бедными русскими мещанами. Даже бедные хижины все топят по-белому, окна большего размера, чем в избах; несколько комнат, стараются всегда отделить одну чистую, другую для спальни, а очаг – отдельно».¹⁴⁰ Хозяйки гордились обилием постельных принадлежностей и своеобразными украшениями для помещений – вырезками из бумаги, близкими по своей орнаменталистике к изделиям из металла, росписи традиционных брачных договоров «кеттуб», фрескам синагог.¹⁴¹ Стены украшали портретами лиц царской фамилии, М. Монтефиоре, уважаемых раввинов. Тщательно хранились и передавались по наследству медные подсвечники и люстры на 7-9 свечей.

¹³⁸ Бобровский П. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Гродненская губерния: В 2 ч. - СПб, 1863. - Ч. II. Приложения. - С. 3, 32.

¹³⁹ Кандель Ф. Очерки времён и событий: Из истории российских евреев. – Иерусалим, 1990. – С. 183.

¹⁴⁰ Субботин А. П. Вып. 1. С. 39.

¹⁴¹ Канцедикас А. Еврейское народное искусство // Декоративное искусство в СССР. - 1989. - № 2. - С. 37.

Квартира состояла из нескольких комнат: спальни, столовой, кухни. Центр домашней жизни - столовая. Она являлась сборным пунктом для всей семьи: здесь заключал сделки отец, сын и зять изучали Талмуд, дочери занимались рукоделием. В столовой принимали гостей, отмечали праздники и проводили семейные торжества. Сохранились описания внешнего вида обитателей этих домов: «Наружный вид евреев резко бросается в глаза: правильные черты лица, выразительные большие глаза, чёрные курчавые или рыжие волосы, закрученные пейсы на висках, длиннополый сюртук, шляпа или картуз на затылке и трость в руках – вот наружность еврея».¹⁴²

На протяжении XIX – начала XX века подавляющее большинство гродненских евреев исповедовало иудаизм. О том, что наш город был значительным религиозным центром, свидетельствует возрастание числа учреждений культа. Так, если в 1834 году здесь была только 1 каменная синагога и 10 молитвенных школ, то в 1853 в Гродно 1 синагога на 500 прихожан и 19 молитвенных школ на 75-300 верующих, а в 1870 году – помимо синагоги более 30 цеховых молитвенных домов.¹⁴³ В начале XIX века, когда на земли Беларуси распространилось новое течение иудаизма – хасидизм, его представители появились также и в Гродно.¹⁴⁴ Сторонники хасидизма отличались оптимистическим видением религии. Хасидские богослужения сопровождалось весёлыми песнями и танцами, в связи с этим их стали называть в народе скакунами. Хасиды считали, что вместо скрупулёзного изучения Талмуда каждому верующему нужно заняться духовным самосовершенствованием.

Но справедливости ради нужно отметить, что большая часть евреев осталась верной традиционному иудаизму. Выкрестов было немного, и они меняли веру по материальным соображениям, желая получить выгодное место работы,¹⁴⁵ пособие для крестившихся¹⁴⁶ или продолжить учёбу в недоступных для евреев учебных заведениях.¹⁴⁷ Российское правительство враждебно относилось к иудеям и старалось содействовать их переходу в христианство. Выкрестов освобождали от ограничений в выборе места жительства, в то время как для всех евреев существовал запрет выезда за границы «черты оседлости», им давали субсидию, обещали налоговые льготы. В царствование Николая I приняты особые меры по борьбе с «еврейским фанатизмом»: переселения из сельской местности, реформирование системы образования, рекрутский набор и кантонизм. Желание властей крестить евреев было настолько сильным, что на помощь призвали даже евангелистов, которых обычно не баловали симпатией. На территории Гродненской губернии действовали, например, евангельские проповедники из Лондонского общества христианизации евреев.¹⁴⁸

Верно оценивая место религии в духовной жизни евреев, власти стремились поставить её под контроль. Ещё во времена Речи Посполитой

¹⁴² Мостовский М. Этнографические очерки России. – М., 1874. – С. 60.

¹⁴³ НИАБ в Гродно, ф. 1, оп. 27, д. 641.

Оп. 28, д. 520.

Субботин А. П. Вып. 2. С. 9.

¹⁴⁴ НИАБ в Гродно, ф. 1, оп. 28, д. 404.

¹⁴⁵ Там же, ф. 1, оп. 2, д. 797.

¹⁴⁶ Там же, оп. 5, д. 1358.

Оп. 19, д. 1282.

¹⁴⁷ Там же, оп. 11, д. 822.

Оп. 8, д. 285.

¹⁴⁸ Там же, оп. 7, д. 1824, л. 1.

высшее местное чиновничество утверждало раввинов на их постах, за что получало денежные взносы в казну. Так, гродненский раввин Лейзер Гиршович, утверждённый старостой гродненской экономии графом А. Тызенгаузом, в 1779 году обязался «согласно данному мне праву на гродненский раввинат с доходами, платить в кассу подскарбия каждый год по 150 червонцев, за передачу под мою власть всех цехов в городе Гродно – 50 червонцев».¹⁴⁹ Российские власти продолжили эту традицию и создали должность казённых раввинов, утверждаемых администрацией.

Недостаток правдивой информации про евреев, самобытность их религиозных верований и обрядов, приверженность иным, отличным от христианских, ценностям привели к возникновению негативного стереотипа восприятия еврея в среде христиан. «Таинственность» религиозных ритуалов готовила почву для возникновения среди необразованных масс различных слухов, подозрений, суеверий. В народе закреплялась вера в то, что евреи занимаются колдовством. От неумения объяснить поведение иноверца возникала готовность верить во что угодно, обвинять в самом ужасном: сношениях с дьяволом, осквернении святынь, насилии над детьми. Всё это воплотилось в «ритуальных делах» – обвинении евреев в использовании христианской крови в религиозных целях.

Казалось бы, «кровавый навет» – знак средневековья и ему не место в просвещённом XIX веке. Но мрачно-агрессивное сознание не было изжито, продолжало существовать и творить зло. Одним из самых поздних «ритуальных дел» в Российской империи стало «Гродненское дело» 1816 года. Вот его обстоятельства. 31 марта 1816 года накануне Пасхи гродненский рабочий мещанин Адамович заявил в полицию об исчезновении своей 14-летней дочери Марианны. 23 апреля её труп был найден на пахотном поле в окрестностях города. Он был исколот во многих местах, одежда разорвана, правая рука вырезана из локтевого сустава.¹⁵⁰ Наличие на теле многочисленных ранок и близость события к Пасхе дали юдофобам основание утверждать, что имело место ритуальное убийство.

Подозрение пало на соседа Адамовичей – кагального Шолома Лапина, отца многочисленного семейства, с детьми которого дружила девочка. Уликами названы показания детей Лапина, якобы видевших, как в день исчезновения Марианны их отец гнался за ней вплоть до своего дома. Там его ждали другие евреи. При вторичном освидетельствовании врачебной управой установлено, что ребёнок умер «от апоплексического удара или прострела» и что «у одного ребёнка кровь не источена».¹⁵¹ При обыске у Лапина под кроватью нашли молоток и копьёцо, которые, как объяснил их хозяин, использовались им для чистки бумаг (он заведовал кагальной канцелярией).¹⁵²

Ш. Лапина арестовали, дело тянулось до февраля 1817 года, когда в Санкт-Петербург с жалобой отправился депутат еврейского народа Зундель Зоннеберг. Ему удалось увидеться с некоторыми влиятельными лицами, близкими к царю. Н.Н. Новосильцев, познакомившийся с местными евреями во время поездки по фабрикам в районе Гродно, и министр духовных дел Н. Голицын обратили

¹⁴⁹ Archiwum Glywne Akt Dawnych. Arch. Tyzenhauzyw. Sygn. D 5/XX. K. 240.

¹⁵⁰ Голицын Н. Н. История русского законодательства о евреях: В 2 т. - СПб, 1886. - Т. 1. - С. 665.

¹⁵¹ Балабан М. Ритуальные процессы дореформенного российского суда // Еврейская старина. – 1912. – Вып. 3. – С. 247.

¹⁵² Там же.

внимание на тот факт, что на территории «черты оседлости» существовала тенденция сваливать на евреев каждое нерасследованное дело.¹⁵³ Результатом их деятельности стало вышедшее 28 февраля (объявлено 6 марта) Высочайшее повеление Александра I. Оно гласило: «Чтобы евреи не были обвиняемы в умерщвлении христианских детей по одному предрассудку, будто они имеют нужду в христианской крови, а что если бы где случилось смертоубийство и подозрение падало бы на евреев – без предубеждения, что они сделали сие для получения христианской крови, то было бы производимо следствие на законном основании и праве».¹⁵⁴ После окрика из Санкт-Петербурга дело приостановили, но оно возобновилось через 10 лет. Опять арестовали Ш. Лапина и его дочь, расследование длилось около 4 лет и, наконец, по настоянию губернского прокурора на основании давности лет, приняв во внимание Высочайшее повеление 1817 года, постановили «предать дело забвению».¹⁵⁵

СИСТЕМА ОБРАЗОВАНИЯ

Одна из главных забот еврейского общества - воспитание образованного подрастающего поколения. Учёные имели высокий общественный статус, а наличие среди родственников высокообразованного человека возвышало авторитет всей семьи. «За знатока Талмуда, хотя бы он был сын бедняка, еврейский богач выдаст охотно свою дочь и даст за ней большое приданое, каждый гордится вступить в родство с учёным талмудистом; считают за счастье и по смерти быть погребёнными рядом с прахом талмудиста и платят за это большие деньги».¹⁵⁶ Источником знаний считалась Тора, поэтому система образования строилась на религиозной основе. Все нюансы повседневной жизни еврейского общества описаны в комментариях к Святым текстам. Незнание их могло привести к серьёзному нарушению традиции, поэтому, как учил два тысячелетия назад Гилель, «неуч не может быть праведным». В связи с этим завет о необходимости учиться вышел в иудаизме на одно из первых мест.

Традиционная система образования сохранилась у евреев с древнейших времён. Каждый кагал обязан был содержать начальную школу. Если же крайняя бедность не позволяла общине обеспечить всем необходимым хедер, находящийся в отдельном здании, то разрешалось проводить занятия в синагоге.¹⁵⁷ Начальное образование получали у частных учителей-меламедов или в школах: хедерах, талмуд-торах. Талмудисты считали, что обучение должно быть бесплатным, так как Закон дан даром. Этот принцип неукоснительно соблюдался в высших учебных заведениях – иешивах, но для начального образования сделали исключение: учителя опасались, что может не найтись достаточного числа желающих заниматься с детьми.

Действительно, число обучавшихся грандиозно, особенно в сравнении с неграмотностью христиан. Как доносили гродненскому губернатору в 1839 году местные чиновники, «известно, что каждый, даже беднейший еврейский мальчик учится чтению и письму на еврейском языке и первоначальным

¹⁵³ Дудаков С. С. 276.

¹⁵⁴ Брант Е. Ритуальное убийство у евреев. Кн. 2. - Белград, 1927. - С. 53.

¹⁵⁵ Там же. С. 54.

¹⁵⁶ Алексеев А. А. Очерки домашней и общественной жизни евреев, их верования, богослужения, праздники, обряды, талмуд и кагал. - Новгород, 1891. - 239 с.

¹⁵⁷ Станиславский С. М. Из истории воспитания евреев в древнем мире // Сборник в пользу начальных еврейских школ: Издание Общества Распространения Просвещения между евреями в России. - СПб., 1896. - С. 128-129.

правилам арифметики».¹⁵⁸ В соответствии с этим не менее значительным должно было быть число еврейских учителей. Но тот же отчёт за 1839 год называет в Гродно только 71 меламеда и утверждает, что училось у них всего 422 ребёнка.¹⁵⁹ Это расходится с численностью еврейского населения города на то время. Всё дело в том, что для получения необходимого для работы свидетельства учителя должны были сдать экзамен, в том числе и по русскому языку, которого они не знали, а также заплатить изрядную сумму в казну. Естественно, что большинство старалось избегать подобных сложностей и вело работу нелегально, под угрозой штрафа. В губернской статистике оказывалась учтённой только горстка еврейских учителей.

Списки гродненских меламедов за 1862 год содержат 15 фамилий. Они обучали мальчиков разного возраста, формируя группы по 4-15 человек: 5-6-летние, 8-10-летние, 10-12-летние. Х.А. Чеховеков содержал хедер для девочек, возраст которых доходил до 18-19 лет. Особенно бедные мелаеды, не имеющие собственного помещения для занятий, предпочитали проводить уроки на дому учеников. Они получали за работу поистине мизерное вознаграждение – всего 6-13 рублей в год,¹⁶⁰ что едва позволяло им удерживаться на грани полной нищеты. В отношении требований гигиены труда большинство хедеров (частных начальных училищ) не выдерживало никакой критики. Вот только одно из множества описаний этих школ: «Хедер обычно размещается в единственной комнате жилья меламеда. Тут ютится его бедная семья, тут его жена готовит обед, тут же за обычным столом... ученики в течение целого дня изучают разные науки».¹⁶¹

Чтобы иметь представление об организации частного учебного заведения для евреев во второй половине XIX века, обратимся к характеристике 3-классного частного женского училища Т. Острогорской. Эта старейшая в Гродненской губернии женская еврейская гимназия открыта с разрешения Министерства Народного Просвещения 9 сентября 1852 года. Тогда в ней существовали два отделения, которыми управляли учителя Я. Шклярский и Головичнский. С 11 марта 1870 года заведование училищем передано Якову Острогорскому, а затем с 21 февраля 1876 года – Теофании Острогорской.¹⁶² В 1887 году здесь обучалось 139 девушек от 8 до 15 лет. Во дворе училища находился небольшой двор, но ученицы почти никогда там не гуляли. Во время перемены, длившейся с половины двенадцатого до двенадцати часов, большинство уходило домой на завтрак, а остальные собирались в комнате приготовительного класса под надзором содержательницы или учительницы.

С 15 июня по 8 августа полагались каникулы. Ученицы младшего отделения приготовительного класса, поступившие в училище с опозданием, были вынуждены в короткий срок ознакомиться с русской грамотой. По желанию родителей они могли посещать занятия и летом, занимаясь ежедневно по два часа. Плата за обучение вносилась помесечно или сразу за четыре года – по 22 рубля в год в обычных классах и 18 в приготовительном. Но эта сумма была по карману далеко не каждой еврейской семье. Дети бедных родителей вносили по 16, 12, даже 10 рублей, а некоторые учились и вовсе бесплатно. Эти

¹⁵⁸ НИАБ в Гродно, ф. 1, оп. 19, д. 1724, л. 12.

¹⁵⁹ Там же, л. 13.

¹⁶⁰ Там же, оп. 22, д. 1183.

¹⁶¹ Крейнин М. К. К вопросу о физическом воспитании в школе // Еврейская школа. – 1904. – Май. – С. 4-5.

¹⁶² Орловский Е. Гродненская старина: В 2 ч. - Гродно, 1910. - Ч. I. – С. 336.

льготы позволило ввести пособие, которое училище получало от еврейского общества из сумм свечного и коробочного сборов. Оно составляло 250 рублей в год. Все доходы училища, включая ежегодные пожертвования учениц на пополнение библиотеки, составляли 2 400-2 600 рублей. При этом расходы достигали 1 198 рублей 86 копеек: 750 рублей на найм квартир, 150 рублей надзирателю, 180 рублей на отопление, 52 рубля 50 копеек на мелкие расходы и ремонт, 66 рублей 36 копеек на приобретение книг.

В сравнении с меламедами, получившими «домашнее образование», преподаватели училища Т. Острогорской выглядели гораздо более образованными. Сама Теофилия Острогорская, учительницы Аделина Острогорская и София Бурда закончили курс гимназии. Гамарин был выпускником Виленского еврейского института, Яков Острогорский имел звание учителя казённого еврейского училища, а остальные (Шапиро, Давидзон и Гершун) учились в уездных училищах и получили звание учителей частных училищ. Гамарин, Давидзон и Шапиро имели жалованья 10 рублей в месяц, проводя по уроку в день, а Гершун – 6 рублей. Учительница рукоделия зарабатывала 40 рублей в год, а остальные – по 6 рублей в месяц.¹⁶³ 14 июля 1906 года 4-классное еврейское училище Т. Острогорской преобразовали в еврейскую прогимназию. Её учредительницами являлись Т. Острогорская и Л. Вальдман. На этом триумфальное шествие почтенного заведения не закончилось, ибо с 1907 года оно начало именоваться 7-классной гимназией с приготовительным классом.¹⁶⁴

Разумеется, на этом перечень частных еврейских учебных заведений в Гродно не заканчивается. В 1852 году открылось училище Меера Авраамовича Острогорского. Оно также получало дотации от кагала. В 1861 году эта сумма достигла 500 рублей в год.¹⁶⁵ Аналогичное пособие получало еврейское училище, открытое при фабрике Шерешевского.¹⁶⁶ В конце 60-х годов XIX века хедер для 26 девочек 10-18 лет содержал Шолом Кальманович Гальперн. Зимой занятия шли здесь с 10 до 13 и с 14 до 16, а летом с 9 до 12 и с 14 до 18 часов. Несмотря на многочисленные прошения родителей, школу закрыли 19 января 1869 года из-за выявленных в ходе её работы нарушений.¹⁶⁷

Для детей, чьи родители не были в состоянии оплатить работу учителя, существовали общественные учебные заведения – талмуд-торы. Они содержались за счёт кагала,¹⁶⁸ он обеспечивал учеников также одеждой, питанием, обувью. Но, как отмечает современник, качество обучения в этих школах было низким. «Имея дело исключительно с неимущим классом, учителя главное внимание обращали на отвращение детей от лености и моральной порчи».¹⁶⁹ Гродненской талмуд-торой заведовал Аарон Марголин, отмеченный в 1875 году за 30-летнюю службу серебряной медалью «за усердие» на ленте святого Станислава.¹⁷⁰ Еврейская газета «Рассвет» за 1880 год доносит до нас подробности конфликта, потрясшего стены этого уважаемого заведения. А. Марголин был сторонником Просвещения – течения, боровшегося за отказ от

¹⁶³ НИАБ в Гродно, ф. 1, оп. 8, д. 1874, л. 48-53.

¹⁶⁴ Орловский Е.С. 396.

¹⁶⁵ Памятная книжка Виленского учебного округа на 1874 год. - Вильна, 1874. - С. 659.

¹⁶⁶ НИАБ в Гродно, ф. 2, оп. 38, д. 915, л. 157 об.

¹⁶⁷ Там же, ф. 1, оп. 27, д. 2754.

¹⁶⁸ Моргулис М. О современных общественных школах евреев // Рассвет. - 1880. - № 5. - С. 180 - 183.

¹⁶⁹ Крейнин М. К. С. 5.

¹⁷⁰ НИАБ в Гродно, ф. 1, оп. 7, д. 1751, л. 1.

консерватизма еврейской жизни и приобщение к мировым культурным достижениям. Понимая, что не все ребята призваны быть талмудистами, он старался дать им как можно больше знаний из разных сфер жизни. По его желанию в школе улучшено преподавание русского языка и арифметики, планировалось введение еврейского языка (идиша). Но ортодоксы усмотрели в его начинаниях посягательство на святость религии и устранили А. Марголина от распоряжения финансовыми средствами школы, избрав кроме него четырёх смотрителей.¹⁷¹

Число учеников гродненской талмуд-торы не так значительно, как можно было ожидать, исходя из бедности еврейского общества города. В 1858 году её посещали 40, а в 1869 – 200 человек.¹⁷² Еврейские мальчики обучались здесь с 9 до 21 часа с малым перерывом. С 9 до 13 занимались Талмудом, далее до 15 русский язык, арифметика и чистописание, а потом после часового отдыха они снова приступали к Талмуду.¹⁷³ Будучи целый день запертыми в душной и тесной комнате, дети росли болезненными и хилыми.¹⁷⁴

Не лучшим было положение дел и в гродненской иешиве. Она размещалась на Школьной улице в здании синагоги. Содержателем иешивы в 1858 году был Ицко Эберул. В то время её посещали 80, а в 1870 году – 59 учащихся, которые желали стать раввинами или учителями.¹⁷⁵ Во второй половине XIX века даже сюда распространилось влияние сторонников просвещения. «Хотя все еврейские ешиботы имеют целью приобретение религиозных знаний, но в последнее время гродненский ешибот и талмуд-тора, в которых учится 243 еврея, начали изучать русский язык, арифметику на русском языке, вводят в классное употребление русский разговорный язык. Из русских книг объясняются природоведение, история и география.»¹⁷⁶

Несомненно, в значительной мере этот успех достигнут за счёт стараний местных чиновников, осуществлявших по распоряжению «высшего начальства» контроль над еврейским образованием. С начала XIX века еврейская школа стала объектом пристального внимания российских законодателей. Поставив перед собой цель унифицировать подданных, российские монархи одним из средств ассимиляции евреев избрали реформирование их традиционной системы образования. Поначалу изменения вводились очень мягко: «Положение о евреях» 1804 года всего лишь позволило евреям поступать в российские учебные заведения всех типов – от народных училищ до университетов. Правда, для достижения «единообразия и благопристойности» их обязали расстаться с традиционным костюмом и переоблачиться в «немецкое или польское платье». Если же евреи не желали поступать в российские учебные заведения, то они

¹⁷¹ Бендетсон Н. Благотворительные учреждения вообще, больницы, приют и талмуд-тора в частности // Рассвет. - 1880. - № 41. - С. 1611.

¹⁷² НИАБ в Гродно, ф. 1, оп. 27, д. 1563, л. 14-15 об.

Ф. 2, оп. 32, д. 4, л. 7.

¹⁷³ Там же, ф. 1, оп. 34, д. 3077, л. 59

¹⁷⁴ Берлин М. Очерк этнографии еврейского народонаселения в России // Этнографический сборник, издаваемый императорским русским географическим обществом. - СПб, 1862. - Вып. V. - С. 3-4.

¹⁷⁵ НИАБ в Гродно, ф. 1, оп. 27, д. 1563, л. 15 об.

Ф. 2, оп. 32, д. 4.

¹⁷⁶ Там же, ф. 1, оп. 16, д. 184, л. 63.

могли открывать собственные, но и там вводилось обязательное изучение русского, польского или немецкого языков.¹⁷⁷

Ожидания правительства не оправдались, и евреи игнорировали государственные школы, уклонялись от изучения русского языка. Потеряв терпение, администрация начала действовать более решительно. 13 ноября 1844 года в действие вступил «Указ о просвещении еврейского юношества», секретная инструкция которого недвусмысленно заявляла: «Цель образования в сближении с христианским населением и уничтожение предрассудков, вызванных изучением Талмуда».¹⁷⁸ Предусматривалось постепенно заменить традиционные талмуд-торы, хедеры и иешивы казёнными еврейскими и раввинскими училищами. Временные правила поставили еврейскую школу под контроль Министерства Народного Просвещения. Ввели обязательные свидетельства для меламедов и хедаримов, постановили, что «содержатели частных учебных заведений должны доставлять учащихся в ближайшие казённые училища для испытаний ежегодно к концу еврейского года».¹⁷⁹

Новшества не могли обойти стороной губернский город Гродно. И вот 9 декабря 1849 года здесь открыто казённое еврейское училище первого разряда, содержавшееся за счёт сумм коробочного сбора. Его штат состоял из смотрителя-христианина и двух педагогов – евреев, кроме того, планировалось нанять учителя чистописания. Здесь изучали русский язык с чистописанием и арифметику – по 2 часа, еврейский язык (иврит) с чистописанием, религиозные предметы и основы немецкого языка.¹⁸⁰ Но и сюда евреи не торопились отдавать детей. «Казённые еврейские школы посещаются неаккуратно, многие ученики только фиктивно зачислены. Не только смотрители-христиане, но и учителя-евреи, которые преподавали на немецком языке, были не на высоте».¹⁸¹ Это замечание, сделанное Ю.И. Гессеном, во многом объясняет тот факт, что в 40-е годы XIX века в общественных учебных заведениях на одного еврея приходилось 33 нееврея.

В 1852 году состоялось открытие женской еврейской начальной одноклассной школы. Учительницами здесь работали лица, закончившие курс среднего учебного заведения или получившие место, сдав экзамен. Количество учениц в школе в сравнении с числом молодых евреек, населявших Гродно в это время, невелико: в 1870 году – 100, в 1876 – 85, в 1883 – 125, а в 1884 – 112 человек.¹⁸²

8 октября 1854 года число казённых учебных заведений Гродно пополнилось училищем второго разряда. В 1860 году оно состояло из 4 классов, преподавание в которых вели 5 чиновников-христиан и 4 евреев. Тогда это заведение посещали 43 ученика. Далеко не все поступившие смогли закончить обучение: только 9 учеников выбыло в том году, закончив полный курс, а 26

¹⁷⁷ Леванда Л. О. Полный хронологический сборник законов и положений, касающихся евреев от Уложения царя Алексея Михайловича до настоящего времени (от 1649 до 1873 г.): Извлечение из Полного Собрания Законов Российской империи. - СПб, 1874. - С. 54.

¹⁷⁸ Дубнов С. М. Всеобщая история... С. 376.

¹⁷⁹ НИАБ в Гродно. Ф. 1, оп. 27, д. 1563, л. 15 об.

¹⁸⁰ Бобровский П. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба. Гродненская губерния: В 2 ч. - СПб, 1863. - Ч. II. - С. 493.

¹⁸¹ Гессен Ю.И. История евреев в России. - СПб, 1914. - С. 251.

¹⁸² НИАБ в Гродно, ф. 2, оп. 32, д. 4.

Ф. 1, оп. 15, д. 965, л. 178; оп. 17, д. 415, л. 476.

Ф. 14, оп. 1, д. 387, л. 24 об.

отчислено ранее, а основном по финансовым причинам. Училище имело библиотеку, которая состояла из 369 томов книг, 9 географических карт, 1 атласа и 19 прописей. Среди предметов, преподававшихся здесь, были религия, иврит, библейская и иудейская история, общая история и география, химия, физика, технология, русское и еврейское чистописание, черчение.¹⁸³

И вот в 1861 году последовало очередное преобразование. На базе обоих гродненских казённых училищ создано одно училище первого разряда, которое финансировалось за счёт еврейского общества. Почётным смотрителем был утверждён купец 2 гильдии Авраам Юделевич Гордон, возглавил школу смотритель иудейского вероисповедания Моисей Авраамович Коткинд, закончивший Виленское раввинское училище. «Общие предметы» поручили преподавать Самуилу Исааковичу Гурвичу, выпускнику Минской гимназии, «еврейские предметы» вёл Монес Авраамович Бендетсон, а чистописание Натан Осипович Фридман.¹⁸⁴

В 1865 году реформирование еврейской школы продолжилось учреждением русских еврейских народных школ. Они разместились в зданиях других учебных заведений (талмуд-торы, иешивы) и должны были служить усвоению 8-15-летними евреями русской грамоты и образа жизни. В Гродно было открыто 7 таких школ, учителями в них были назначены: Никольский, Каменский, Пекарь, Белостоцкий, Бальзаминов; почётными блюстителями Ратнер, Ашкенази, Вилькер, Гордон, Тарловский.¹⁸⁵

1873 год ознаменовался очередными переменами: были основаны первоначальные одноклассные еврейские училища, меткую характеристику которых мы найдём у Л.О. Леванды. «Цель их создания – учить евреев в «русском духе» за их же счёт (коробочный, свечной сборы), русскому языку и приобщать к общей культуре, не смешивая с христианами».¹⁸⁶ Приманкой для родителей служили «еврейские предметы» и система выходных дней в соответствии с еврейским календарём. Занятия в этих школах начинались 4 августа, кончались 15 июня, но перед началом учебного года проходили экзамены, поэтому каникулы фактически продолжались не более месяца. День начинался в 8.30 молитвой на русском языке, а затем следовали 6 уроков: из них обязательно 3 по «общим предметам». Через день было чистописание или рисование; 2 урока – «еврейские предметы»: грамматика, библия, библейская история и законы веры. Два раза в неделю по часу занимались пением. Курс обучения был рассчитан на 6 лет. В конце XIX века здесь работали: Семён Субботник (заведующий и учитель «еврейских предметов»), Леон Тамарин (чистописание, «еврейские предметы»), Аарон Рефес (учитель приготовительного класса), Павел Крестьянинов (учитель физкультуры). Все они кроме последнего были выпускниками Виленского раввинского училища или учительского института. Школу посещало приблизительно 100 человек.¹⁸⁷ В училище была библиотека, которую составляли книги по истории, географии,

¹⁸³ Бобровский П. Ч. 2. С. 493.

¹⁸⁴ Памятная книжка Виленского учебного округа...С. 635.

¹⁸⁵ НИАБ в Гродно, ф. 1, оп. 34, д. 3077, л. 3-4.

¹⁸⁶ Леванда Л.О. Еврейские начальные училища // Еврейская летопись. - М., Л.: Радуга, 1926. - Сб. 4. - С. 112.

¹⁸⁷ НИАБ в Гродно, ф. 1, оп. 16, д. 184, л. 56 об.; оп. 17, д. 415, л. 476.

Ф. 14, оп. 1, д. 387, л. 24 об.

Памятная книжка Гродненской губернии на 1899 год. - Гродно, 1898. - С. 86.

языкознанию, художественная литература, журналы «Воспитание и обучение», «Родник».¹⁸⁸

Тем не менее ни один из новых видов казённых училищ не вызвал у евреев доверия. Свидетельством уклонения от государственной школы служит правительственная статистика 80-х годов XIX века, согласно которой её посещали 2.9% православного населения, 1.46% католиков и только 1.09% евреев.¹⁸⁹ В начале XX века продолжалось открытие казённых учебных заведений. В 1903 году в Гродно было основано начальное училище для евреев, имевшее трёхлетний курс обучения и бюджет 2400 рублей в год из сумм коробочного сбора. При этом отмечено, что хотя в городе насчитывается более 1500 мальчиков и 1800 девочек школьного возраста, но обучается из них всего 500 мальчиков (33%) и 450 девочек (25%).¹⁹⁰

В последние десятилетия XIX века наблюдается стремление некоторой части молодёжи, особенно выходцев их зажиточных кругов, получить светское образование в общих среднеспециальных и высших учебных заведениях. Значительная их часть поступала в гродненские гимназии. В гродненской мужской гимназии в 1876 году учились 104 еврея (36.36%). Это была самая значительная после православных (106 человек) религиозная группа. Многие евреев интересовали прикладные специальности: так, в 1876 году они составляли большинство учащихся землемерного класса (7 из 13).¹⁹¹ Закон Божий для них преподавал С.И. Субботник, за что каждый учащийся вносил дополнительно 4 рубля, не считая 1300 рублей из сумм коробочного сбора.

Средняя цена обучения составляла 98 рублей за год – сумма очень большая. Поэтому уже с четвёртого класса многие уходили из гимназии для того, чтобы начать работу. Чаще всего они находили себе места в аптеках. Еврейское общество стремилось поддерживать неимущих учеников-единоверцев. Для них была организована выплата стипендий в размере 30 рублей. Евреи были среди лучших учеников гимназии, например, в 1885 году И.З. Марголин закончил её с серебряной медалью. Далее для зажиточных евреев открывали двери высшие учебные заведения Москвы, Санкт-Петербурга, Парижа, Варшавы.¹⁹²

Не менее значительную часть учениц составляли еврейки в гродненской женской гимназии. В 1875 году их было здесь 98 из 237, в 1876 году – 104 из 268, в 1878 году – 138, в 1883 году – 138, в 1888 году – 85 из 259. Еврейское общество считало своим долгом поддержать также и этих учениц. В 1891 году на стипендии для них было выделено 800 рублей, на преподавание Закона Божьего 200 рублей, на содержание гимназии вообще – 300 рублей из сумм коробочного сбора.¹⁹³

¹⁸⁸ НИАБ в Гродно, ф. 34, оп. 1, д. 36, л. 1-5 об.

¹⁸⁹ Там же, ф. 1, оп. 17, д. 415, л. 479.

¹⁹⁰ Корреспонденция «Еврейской школы» // Еврейская школа. – 1904. – Март. – С. 56.

¹⁹¹ Там же, оп. 15, д. 965, л. 74, 109.

¹⁹² Там же, д. 109; оп. 16, д. 184, л. 128; оп. 17, д. 415, л. 129 об.-130.

Отчёт о состоянии Гродненской мужской гимназии за 1884/85 учебный год - Гродно, 1886. - 80 с.

Краткий отчёт о состоянии Гродненской мужской гимназии за 1891/1892 учебный год / Сост. Г. Харлампович. - Гродно, 1893. - 104 с.

¹⁹³ НИАБ в Гродно, ф. 1, оп. 15, д. 531, л. 42, д. 965, л. 74; оп. 16, д. 184, л. 121; оп. 17, д. 415, л. 119.

Ф. 14, оп. 3, д. 69.

Ф. 125, оп. 1, д. 28, л. 125 об., 128.

Среди преподавателей и обслуживающего персонала гродненских гимназий в конце XIX века были евреи. Особенно часто мы находим их среди врачей. Так, например, с 1863 года штатным врачом здесь работал Илья Соломонович Кулькин, надворный советник, получивший образование в Санкт-Петербургской медико-хирургической академии. Кроме того, он был назначен Гродненским особым врачом, а позднее уездным врачом.¹⁹⁴ В начале XX века в гродненской мужской гимназии работали помимо бессменного С.И. Субботника, преподававшего «предмет еврейской веры», учитель музыки Яков Ефимович Мительмалер и зубной врач Давид-Израиль Ильяшевич Иофе.¹⁹⁵

России, которая двигалась по пути капитализма, необходимы были квалифицированные специалисты. Поэтому в конце XIX века правительство стало поддерживать стремление молодого поколения евреев к высшему образованию. Студенты-евреи из Гродненской губернии учились в этот период в Варшавском, Дерптском, Киевском и Московском университетах, Ломжинском высшем ремесленном училище, Ровенском реальном училище, Киевском коммерческом институте.¹⁹⁶ Евреев приглашали поступать в садоводческие училища, оставляли для них специально вакантные места в технологическом институте в Санкт-Петербурге и Александровском ремесленном училище в Гродно.¹⁹⁷ Среди молодых евреев в возрасте от 18 до 30 лет, желавших получить специальность, в конце XIX – начале XX века была популярна гродненская повивальная школа. Это учебное заведение, основанное 1 октября 1876 года, принимало на конкурсной основе кандидаток, владевших русским языком. Курс обучения был рассчитан на 2 года, всё это время ученицы находились на «казённом счету», то есть жили в общежитии и получали пищу, платье, обувь и учебные пособия. Кроме того, набирались «приходящие» ученицы.¹⁹⁸ Тем не менее, нужно заметить, что учёба была для еврейских студентов нелёгким трудом. И это связано не только и не столько с низким уровнем доступных для них школ, поскольку среди еврейской молодёжи находилось немало одарённых и упорных людей, которые многого сумели достичь самообразованием, но с распространившимися в конце XIX века антисемитскими настроениями. Учебное начальство косо смотрело на еврейских студентов, потому что считало их «наименее надёжной группой, которая заботится только об улучшении своих гражданских прав. За минимальные нарушения за ними начинался полицейский надзор».¹⁹⁹

КНИЖНОЕ ДЕЛО

В еврейской среде было распространено особенно трепетное отношение к книге как к подлинному богатству, средству распространения знаний. Зажиточность семьи определялась не только по наличию материального достатка (деньги, недвижимое и т. д.), но и по состоянию личной библиотеки

¹⁹⁴ Там же, ф. 38, оп. 2, д. 1, л. 101.

Ф. 39, оп. 1, д. 584, л. 11 об.

¹⁹⁵ Булацэвіч Т. Гродзенская мужчынская гімназія (другая палова XIX ст. – 1917 г.) // Шлях у навуку: Матэрыялы 7-й навукова-практычнай канферэнцыі, прысвечанай 40-годдзю навукова-краязнаўчага гуртка Гродзенскага ўніверсітэта імя Я. Купалы. – Мн.: БелНДІДАС, 1997. – С. 155-156.

¹⁹⁶ Там же, ф. 1, оп. 6, д. 1993, л. 3; оп. 8, д. 2065, л. 4-252; оп. 23, д. 143.

¹⁹⁷ Там же, оп. 9, д. 395; оп. 13, д. 749; оп. 22, д. 263.

¹⁹⁸ Там же, ф. 9, оп. 1, д. 633, л. 5.

¹⁹⁹ Шатилова Т. Эпизоды из жизни евреев - студентов (1886 - 1910) // Еврейская летопись. - Пг., М.: Радуга, 1923. - Сб. 2. - С. 146.

главы дома. А.П. Субботин писал в этой связи: «Гордостью каждого дома являются религиозные книги».²⁰⁰ Город Гродно издревле был центром еврейского книгоиздания. Именно здесь в 1788 году открылась первая в Беларуси еврейская типография. Ею управлял приглашённый в 1785 году гродненским старостой подскарбием Антонием Тызенгаузом из Голиции типограф Нохим. Но вскоре он умер, «оставив искусство своё единственным наследством и источником прокормления семьи».²⁰¹ Продолжателем семейного дела стал его сын, Зимель Нохимович, открывший собственную типографию 20 октября 1803 года.²⁰² Но и позднее, несмотря на славу и присвоенное правительством звание потомственных почётных граждан, семья Нохимовичей оставалась небогатой. В 1822 году Гиссер Земелевич Нохимович жаловался губернским властям на притеснения со стороны кагала. Он писал, что от него требуют чрезмерного участия в общинных сборах, а это разоряет его и лишает возможности прокормить семью в 5 душ мужского пола.²⁰³

Первоначально в новой типографии издавались только книги на «еврейском языке». Среди них – «Книга двенадцати пророков», «Псалмы Давидовы».²⁰⁴ Но конкуренция заставила гродненского типографа увидеть потенциальных клиентов в неевреях. Его мастерская стала производить шрифты русского, польского, немецкого и французского алфавитов. Сам Зимель Нохимович в 1823-1832 годах по контракту с Виленским университетом за 330 рублей в год печатал «Хозяйственный календарь», афиши и объявления.²⁰⁵ Его сын Хацкель в 1849 году издавал «сокращённую русскую грамматику, или Простой и лёгкий способ изучения грамматических правил» И. Константинова.²⁰⁶ В мае 1821 года Зимель Нохимович получил право на учреждение типографии в Вильно, а в 1830 году открыл «словолитню»²⁰⁷ в местечке Озёры Гродненского уезда.²⁰⁸ Заведывание гродненской и озёрской типографиями он передал сыновьям Мовше и Хацкелю. Озёрская «словолитня» славилась выпуском букв, «равнявшихся по отделке с самыми лучшими иностранными и ставившими их производителей в один ряд с первейшими в сём роде художниками». Их закупали для своих типографий виленские издатели Марциновский, Глизберг и др.²⁰⁹ Более 20 документов, выданных Зимелю Нохимовичу различными учреждениями и частными лицами, свидетельствовали о превосходном качестве его продукции.

В 30-е годы XIX века Зимель Нохимович понёс значительные финансовые убытки. Их вызвали сокращение производства в результате польского восстания 1831-1832 годов и указ 20 декабря 1836 года, повелевший «для облегчения контроля закрыть все существующие ныне типографии, оставив две – в Киеве и

²⁰⁰ Субботин А.П. Вып. 1. С. 39.

²⁰¹ НИАБ в Гродно, ф. 1, оп. 19, д. 181, л. 1 об.

²⁰² Там же, оп. 2, д. 1782, л. 3.

²⁰³ Там же, оп. 1, д. 2645, л. 99.

²⁰⁴ Там же, д. 2078, л. 12.

²⁰⁵ Там же, оп. 19, д. 398, л. 1.

²⁰⁶ Книга Беларусі. 1517-1917: Зводны каталог / Дзярж. б-ка БССР імя У. І. Леніна, БелСЭ; Склад. Г. Я. Галенчанка і інш. – Мн.: БелСЭ, 1986. – С. 390.

²⁰⁷ Словолитня – это мастерская по отливу типографских букв.

²⁰⁸ НИАБ в Гродно, ф. 2, оп. 12, д. 1157, л. 2.

²⁰⁹ Там же, ф. 1, оп. 19, д. 1663.

Вильно».²¹⁰ Она была открыта вновь в 1863 году и перестала существовать между 1870 и 1889 годом.²¹¹

Во второй половине XIX века не меньшей известностью пользовалась семья гродненских печатников Мейлаховичей. Первая из принадлежавших им литографий была основана Моисеем Мейлаховичем, выпускником Императорской Академии художеств, удостоенным звания потомственного почётного гражданина. Его сыновья, прошедшие обучение в этой мастерской, позднее сами стали владельцами литографий в Гродно. Типо-литография Иоселя Моисеевича Мейлаховича была открыта на Соборной улице 3 августа 1868 года.²¹² Его брат, Давид Моисеевич Мейлахович, получил разрешение на открытие собственного заведения на той же улице 7 августа 1868 года.²¹³ Дело развивалось успешно, печатная продукция производилась на оборудовании, приобретённом в Берлине у Айхеля и Бахмана.²¹⁴ В 1877 году мастерская была расширена за счёт ещё одной печатной машины. Д.М. Мейлахович обучил искусству печатания литографий своих детей – Зунделя и Ривку-Юдессу. При его поддержке 11 февраля 1893 года З.Д. Мейлахович открыл собственную литографию. В 1901 году он приобрёл для своей мастерской ещё одну литографическую машину в закрывавшемся заведении Ю. В. Муравника.²¹⁵ Ривке-Юдессе Давидовне Мейлахович тожегодились полученные в мастерской отца знания и умения. Она вышла замуж за белостокского печатника Левина. Оставшись вдовой после 20-летнего супружества, в 1898 году она самостоятельно продолжила дело мужа на двух скоропечатных машинах.²¹⁶

Судьба Иоселя Моисеевича Мейлаховича сложилась менее удачно. Пожар 29 мая 1885 года уничтожил его литографию вместе со всем находившимся в ней движимым имуществом. Собственность не была застрахована, и обнищавший старик вынужден был «поступить на попечение своих сыновей». Не желая стать для них обузой, он ещё некоторое время гравировал на дому. Спустя десять лет Лейба (Лев) и Эйзер Иоселевичи Мейлаховичи собрали средства, необходимые для восстановления мастерской отца. Братья владели достаточным опытом для осуществления подобного предприятия: Лейба имел 10-летний стаж работы в гродненской губернской типографии и с 1877 года владел типографией в Ломже.²¹⁷ Тем не менее, не желая усложнять конкуренцию для уже существовавших мастерских, местные власти «оставили их ходатайство без удовлетворения».²¹⁸

В конце XIX века количество еврейских типо- и литографий увеличивается. Среди издателей были Осип Гурвич, открывший свою мастерскую 24 октября 1875 года,²¹⁹ и Соломон Лапин, чьей типографией на Соборной улице с 7 мая 1892 года стала управлять Сора Лапина.²²⁰ В 1896 году

²¹⁰ Там же, д. 1151, л. 1.

²¹¹ Там же, ф. 2, оп. 12, д. 1157, л. 2.

²¹² Там же, ф. 1, оп. 8, д. 1265, л. 36.

²¹³ Там же, л. 36 об.

²¹⁴ Там же, д. 141, л. 36.

²¹⁵ Там же, оп. 9, д. 1186, л. 10.

²¹⁶ Там же, д. 835, л. 1-6.

²¹⁷ Там же, оп. 7, д. 2307, л. 1.

²¹⁸ Там же, оп. 7, д. 2303, л. 1-2.

Оп. 9, д. 195, л. 1-2.

²¹⁹ Там же, оп. 8, д. 141, л. 61 об.

²²⁰ Памятная книжка Гродненской губернии на 1890 год. - Гродно, 1889. - С. 154.

их старший сын Абрам, оставшийся после смерти отца старшим в семье из 17 человек, открыл свою типографию в Брест-Литовске.²²¹ Известный типограф Исаак Вольфович Харин, купец 2 гильдии, в прошлом служивший старшим писарем, перевёз свою мастерскую в Гродно из Москвы. По тем временам это было значительное предприятие, поскольку работу на нём нашли себе более 60 человек.²²² Он печатал на типо- и литографской машинах конторские книги, бланки, записные книжки, визитки, календари, дневники. Вся эта продукция успешно находила сбыт в центральных городах России.²²³ Его отец, Вольф Харин, владел переплётной мастерской. Он работал по контракту для гродненского губернского правления, строительного и врачебного отделений, дум и судов. В течение 1870 года он переплёл 3158 книг на 416 рублей 20 копеек.²²⁴ С 29 февраля 1895 года совладельцем мастерской стал его сын, Михель Вольфович Харин.²²⁵

Владельцем ещё одной типографии был купец Абрам Шаевич Шацкий. Он купил эту мастерскую, основанную 3 февраля 1896 года,²²⁶ у Вольфа Элиовича Матеса в ноябре 1898 года. Но поскольку его внимания требовало заведывание магазином колониальных товаров на улице Мостовой и щетинной фабрикой на улице Замковой, он поручил управление литографией своему зятю, Юде Вольфовичу Муравину.²²⁷ Уже через два года Ю.В. Муравин стал владельцем мастерской, официально откупив её у тестя.²²⁸ Но, видимо, этому заведению на роду было написано часто менять хозяев. Уже в 1901 году молодой литограф, так и не сумевший из-за недостатка средств развернуть собственное дело, продал оборудование вышеупомянутому З. Мейлаховичу.

Во второй половине 90-х годов XIX века в Гродно работал наборщик и гравёр Давид-Шлиома Мовшович Шмигельский. Проработав в типографии 22 года, он изучил издательское дело в совершенстве. Для своего заведения, располагавшегося на Соборной улице, 29 октября 1897 года Д.-Ш. Шмигельский приобрёл скоропечатный станок «для мелкой изящной работы».²²⁹ На рубеже веков число типо- и литографических заведений в Гродно настолько увеличилось, что местные власти для уменьшения конкуренции вынуждены были отклонять поступающие снова и снова от М.А. Андреса, М.О. Шапиры²³⁰ и других прошения об открытии новых мастерских. Некоторые из них, как например, Элиаш-Гирш Мовшович Руф, получив долгожданное свидетельство, так и не смогли воспользоваться им и открыть мастерскую из-за недостатка в деньгах или отсутствия подходящего помещения.²³¹

В конце XIX века евреи составляли значительную часть владельцев книжных магазинов Гродно. Например, на 1896 год в нашем городе им принадлежала ровно половина (три из шести) лавок этого профиля.²³² Книгами

НИАБ в Гродно, ф. 1, оп. 9, д. 554, л. 263.

²²¹ Там же, д. 346, л. 144.

²²² Там же, д. 402, л. 3.

²²³ Там же, д. 199, л. 1.

²²⁴ Там же, ф. 2, оп. 38, д. 703, л. 464-469.

²²⁵ Там же, ф. 1, оп. 9, д. 346, л. 263 об.

²²⁶ Там же, оп. 12, д. 1157, л. 2.

²²⁷ Там же, оп. 9, д. 840, л. 1, 4.

²²⁸ Там же, д. 1186, л. 1.

²²⁹ Там же, д. 656, л. 1, 5, 6.

²³⁰ Там же, д. 554, л. 95.

Оп. 8, д. 141, л. 10-10 об.

²³¹ Там же, оп. 9, д. 346, л. 6, 8, 12, 15.

²³² Там же, д. 554, л. 262.

торговали в постоянных и временных магазинах, кроме того, их можно было приобрести с лотков во время ярмарок и праздников. Далеко не каждый любитель печатного слова мог позволить себе покупку новой книги. Большой популярностью среди учащейся молодёжи пользовался книжный магазин Мордхеля Израилевича Вассертрегера, открывшийся на Сенной (Базарной) площади 5 марта 1879 года.²³³ Здесь продавались бывшие в употреблении журналы, книги и учебники на русском, еврейском и иностранных языках.²³⁴ В том же году во время праздников Йом Кипур и Рош Гашана работала открытая владельцами виленской типографской фирмы «Вдова и братья Ромм» временная книжная лавка, где продавались исключительно еврейские книги. Её заведующим в Гродно стал Сроль-Давид Миллер.²³⁵ С 28 февраля 1894 года этот книжный магазин начал работать постоянно, а управлял им сын прежнего владельца, Лейба Сролевич-Давидович Миллер.²³⁶ 3 октября 1895 года на Мещанской улице открыл магазин еврейских книг гродненский мещанин Яков-Мовша Любич.²³⁷

Разумеется, в XIX веке, как и в наши дни, находилось немало желающих уклониться от уплаты налогов за владение магазином. Среди них был, например, Бениамин Любич, продававший книги на русском и польском языках у себя дома на Мещанской улице. Из полицейского отчёта, составленного в 1894 году, можно сделать вывод, что Б. Любич – злостный неплательщик налогов и настоящая акула подпольного бизнеса. Решение о закрытии его «неразрешённого» магазина принималось уже съездом гродненских мировых судей в 1890 году, а сам торговец принуждался к уплате штрафа. Власти были особенно обеспокоены тем фактом, что его дом служил также библиотекой. Пользуясь благовидным предлогом, (чтение газет) сюда собирались «подозрительные личности» для обсуждения политических известий. Но мало того, жена Б. Любича Эйдля и её сын от первого брака Бейлькин содержали на своей квартире по улице Замковой тайную школу, где еврейские девушки «обучаются нужным и ненужным премудростям». Когда их хедер был обнаружен полицией, присудившей Э. Любич к выплате штрафа, она деньги внесла, но школу не закрыла, а попросту перенесла в дом на улице Монастырской. Спустя непродолжительное время тайную школу снова раскрыли (наверняка, не без помощи «доброжелателей»). Предприимчивой даме удалось убежать во время составления протокола, но её сын оказался менее удачлив: он присуждён к закрытию школы и денежному штрафу. Трудно поверить, но вся эта череда неудач не побудила упрямых Любичей переменить род занятий. 9 ноября 1894 года явившиеся в дом, где они жили, полицейские обнаружили школу, которую содержал владелец законного свидетельства меламед Хаим Овсеевич Претер. Занятые проверкой его документов и переписыванием учеников, они не сразу заметили сбежавших из соседнего помещения детей. Опомнившись, полицейские бросились повторно обыскивать квартиру Любичей но, открыв запертую на засов комнату, они обнаружили лишь следы поспешного бегства: скамейки, одежду, тетради и книги учеников.²³⁸

²³³ Там же, оп. 8, д. 141, л. 6.

²³⁴ Там же, д. 1265, л. 35 об., д. 2246, л. 93 об.

²³⁵ Там же, д. 141, л. 61.

²³⁶ Там же, оп. 9, д. 554, л. 262 об.

²³⁷ Там же.

²³⁸ Там же, д. 195, л. 86-86 об., 90- 90 об.

Продолжая разговор о еврейской книжной торговле, вспомним лавку виленского купца Израиля Нохимовича Трокеницкого. 23 июля 1896 года в Гродно он открыл филиал своего книжного магазина, а 29 ноября – библиотеку с кабинетом для чтения.²³⁹ Среди владельцев гродненских книжных магазинов источники называют также евреев Вольфсона (улица Замковая) и Берку Мееровича Бельке (улица Мещанская).²⁴⁰ Интересно, что единственная в Гродно общественная библиотека того времени первоначально принадлежала еврейскому обществу и носила название Гродненской еврейской. Её открыли 6 июня 1863 года директора Фома Константинович Адамович, типограф Соломон Лапин и доктор Андрес. Через два года её передали городу и стали называть публичной библиотекой. 25 мая 1876 года по ходатайству гродненского губернатора А.С. Зурова состоялось Высочайшее повеление о назначении библиотеке субсидии 800 рублей в год по смете Министерства Внутренних Дел.²⁴¹

ЕВРЕИ В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД (1918-1939)

В начале 20-х годов евреи всё ещё были значительной частью городского населения. Согласно данным Е. Милевского, в 1919 году их было здесь 16 628 (59.1 %), в 1921 году 18 697 (53.9 %), в 1923/24 годах 20 335 (50.1 %). Автор отмечает также традиционную для евреев низкую склонность к ассимиляции. В 1919 году среди них поляками себя считали 0.2 %, в 1931 году – 1.1 %.²⁴²

С приходом в Гродно польских войск и формированием гражданских органов власти еврейская жизнь не изменилась, но община оказалась перед необходимостью очередной легитимизации. Единства взглядов по поводу еврейского самоуправления и его функций не существовало и в еврейской среде. Традиция взаимоотношений христианских властей с евреями закрепила восприятие кагалов именно как религиозных организаций. Они были призваны решать специфические задачи организации образования, благотворительной деятельности, обеспечения кошерным питанием, - всё то, что не могла взять на себя государственная власть. Именно так понимала сущность еврейской общины и работу её руководства немецкая администрация, легитимизировавшая гродненский еврейский кагал в 1916 году.

²³⁹ Там же, д. 555, л. 1, 5, 8, 10.

²⁴⁰ Памятная книжка Гродненской губернии на 1890 год. - Гродно, 1889. - С. 55.

НИАБ в Гродно, ф. 1, оп. 9, д. 1060, л. 1 об., 6.

²⁴¹ Орловский Е. С. 303.

²⁴² Grodno w XVIII wieku. Miasto i ludność (na tle terenów rozwojowych od średniowiecza do 1939 roku). С. 199.

Дискуссия, развернувшаяся по поводу функций новых кагалов в первой половине 20-х годов, отражала десакрализацию еврейского мира. Представители прогрессивных еврейских партий призывали к созданию не религиозных, но национальных еврейских обществ, основанных на собственных уставах и имеющих широкое поле деятельности. предполагалось объединить евреев без различия в политической ориентации для развития культуры, образования, социального обеспечения (поддержки больниц, приютов, кооперативов).²⁴³ По мнению выступавших на съезде, собранном для обсуждения данной проблемы в масштабах воеводства, в выборах должны были принять участие и женщины. Сионисты критиковали выдвинутое польским правительством положение об отсутствии в Польше евреев, но наличии поляков иудейского вероисповедания. С одной стороны, они хотели быть евреями, с другой - оставляли за собой право исповедания любой религии или вообще неверия в Бога. Такой подход, как и требование демократизации внутриобщинной жизни, вызвал протест раввинов. Они были уверены, что превращение общин из религиозных в национальные приведёт к упадку религии и нравственности. Дискуссия по этому вопросу и приобретение общиной «юридического лица» затянулась на долгое время.

28 августа 1928 года в должности председателя Совета еврейской общины Гродно был утверждён Зелик-Лейба Здроевич. Он же получил большинство на выборах в апреле 1930 года. З.-Л. Здроевичу, 47-летнему купцу, баллотировавшемуся от Союза купцов, досталось от прежнего правления тяжёлое наследство. На 1928 год долги составляли 60 000 злотых, а к 1930 году они достигли 80 000 злотых.²⁴⁴ Всеми виной было отсутствие гарантированных доходов из-за того, что община так долго не могла приобрести статус «юридического лица» и, соответственно, взимать налоги. При этом она курировала раввинат, религиозные школы и институты общественного попечения. Положение усугублялось постоянным стремлением магистрата уменьшить субсидию на еврейское образование. В городском бюджете 1931 года она должна была сократиться на 20 тысяч злотых. «Субсидия эта не только не обременяет бюджет города, но наоборот, принимая во внимание факт нехватки школ для детей, еврейские школы уменьшают нагрузку на городской и общегосударственный бюджет, давая образование 2 000 детей за свой счёт»,²⁴⁵ - терпеливо объясняла магистрату община.

Образование органов гродненской еврейской общины произошло только 23 февраля 1929 года. До этого времени кагал не имел никакого бюджета и получал доходы из непостоянных случайных источников. Бывали периоды, когда чиновники работали без жалования по шесть и более месяцев. В этот период все общинные комитеты имели полную финансовую независимость, а кагал осуществлял над ними исключительно религиозный контроль. Но вплоть до 1930 года в Польше не были изданы правила выбора раввинов и формирования общинных бюджетов. Из-за этого налоги не собирались, а местные власти препятствовали кагалу в его работе.²⁴⁶

С тех пор, как община перестала быть «государством в государстве», её члены подлежали государственному единому суду, а значит, из её состава исчезли еврейские судьи. В число работников гродненской еврейской

²⁴³ ГАГО, ф. 662, оп. 3, д. 6, л. 12-15.

²⁴⁴ Там же, д. 3, л. 185.

²⁴⁵ Там же, л. 186.

²⁴⁶ Там же, д. 60, л. 43.

религиозной общины входили: 3 раввина, библиотекарь, курьер, 2 служащих, канцеляристка, бухгалтер, школьный надзиратель и руководитель школы, извозчик, руководитель кладбища, сторож и кассир. Количество членов общины в 1920 году составляло 25 000-30 000 человек,²⁴⁷ под опекой кагала находились 2 синагоги и 40 молитвенных домов.²⁴⁸ Теперь жизнью общины управляли Совет и Правление, избираемые путём всеобщего голосования по спискам от различных политических партий.

Например, на выборах 1932 года религиозный блок получил 1 мандат, сионистская организация в блоке с поалей-цион – 1, хозяйственное объединение – 5, Бунд – 2, а Объединение беспартийных в коалиции с Мизрахи – 1 мандат.²⁴⁹ Партия поалей-цион (Judisze Kommunistischer Arbeiter Verband Poalej Cion) входила в состав Международного союза с центральным бюро в Берлине. Возникла она конспиративно в 1905 году в Полтаве. Поалей-цион противостояла идее решения еврейской проблемы в диаспоре, за которую выступал Бунд. Создатель идеологии этой политической организации, Бер Борохов, отстаивал идеи строительства автономного еврейского государства в Палестине, национальной автономии в диаспоре, классовой борьбы. Программа включала такие пункты, как борьба за социализм на всей земле, установление общественной собственности на средства труда, борьба рабочего класса за власть, поддержка еврейского революционного, профессионального и рабочего движения, помощь еврейской эмиграции в Палестину, которая должна стать коммунистическим рабочим центром мира. В Польше сторонники партии собирались отстаивать национально-культурную автономию для евреев, светский характер кагала, права еврейского языка.²⁵⁰

Бунд (точнее, *Algemeiner Judischer Arbeiter Bund in Polen*) был основан в России в 1897 году. Он являлся старейшей и самой многочисленной еврейской партией в Польше. Это революционно-социалистическая организация, тяготевавшая к коммунизму и отнемавшая Палестинский вопрос как утопический.²⁵¹ Своей задачей Бунд видел низвержение капиталистического строя в пользу социализма, объединение рабочего класса, установление диктатуры пролетариата. Особенно Бунд подчёркивал принципы установления дружбы между народами и государствами, защиты прав национальных меньшинств, право на самоопределение для всех наций. По отношению к Польскому государству партия выступала за его независимость и культурно-национальную автономию евреев на основании еврейского языка (идиш).

Объединение ортодоксальных сионистов Мизрахи (*Mizrachi*), основанное в 1902 году в Вильно, являлось частью одноименного международного движения. Его цель – возрождение рабочей Палестины на основании социальной справедливости и этики Торы.²⁵² Национально-культурное развитие должно было проходить при возрождении иврита и светско-религиозном характере просвещения при неизменности принципа: главный источник нравственного воспитания – религия. Еврейская школа, оставаясь религиозной по духу, мыслилась как источник светских знаний в соответствии с государственной программой. В области экономики организация проводила

²⁴⁷ Там же, д. 12, л. 15-16 об.

²⁴⁸ Там же, д. 3, л. 213.

²⁴⁹ Там же, д. 59, л. 17.

²⁵⁰ Там же, ф. 662, оп. 3, д. 24, л. 59-60.

²⁵¹ Там же, л. 56-58.

²⁵² Там же, л. 75.

работу, направленную на подготовку молодёжи к труду на земле. В Польше партия Мизрахи стремилась к полному равноправию евреев на основании конституции и признавала, что евреи должны быть лояльными гражданами стран проживания. На первый план организация выводила колонизацию Палестины.

Выборам 1932 года предшествовал длительный внутриобщинный кризис. Во внутренние дела общин пришлось вмешаться гродненскому уездному старосте. Вызвав к себе на беседу делегацию от еврейского правления, он указывал, что «община уменьшила свой авторитет, есть впечатление, что много дел происходит без ведома правления и необходимы перемены».²⁵³ Он даже напомнил, что имеет право ввести в состав правления трёх своих представителей, но предпочитает дать евреям возможность самими разобраться с внутренними проблемами. На встрече выступили евреи Рубинраут и Кобринский, которые вину за дезорганизацию возложили на главу правления и совета. Особенно их возмущало стремление этих господ от имени общины делать важные общественно-политические заявления, не спрашивая при этом мнения правления и совета. В результате был вынесен вердикт: отправить правление еврейской общины в отставку и избрать новый орган власти.

По выборам 21 мая 1932 года сформировалось правление еврейской общины Гродно в следующем составе: от религиозного блока купец Вольф Берман (57 лет), от сионистской организации в блоке с поалей-цион приказчик Юзеф Зайцель (33 года), от объединения беспартийных и Мизрахи купец Хаим Бронервайн (38 лет). От хозяйственного объединения прошли 5 кандидатов: аптекарь Абрам Троп-Криньский (50 лет), фотограф Лейзер Гелгор (54 года), купцы Григорий Ашкенази (40 лет), Лейзер Ступель (45 лет), и Самуэль Драйзин (52 года). От Бунда в состав правления вошли мастер Меер Кобринский (38 лет) и служащий Борис Абрамович (38 лет).²⁵⁴

В середине 20-х годов руководство гродненской общины встало перед необходимостью решения серьёзной проблемы. Во время советско-польской войны 1919-1920 годов в Гродно прибыло несколько человек, которые называли себя раввинами и в условиях военной неразберихи действительно выполняли их функции. Жили они в большой бедности, в основном за счёт пожертвований горожан и сумм, полученных от кошерного убоя. Некоторые заводили скромную торговлю дрожжами, солью и т.д. Раввинов тогда не хватало, поэтому мало кто интересовался наличием у них квалификационных свидетельств. Теперь же предстояло «отделить овец от козлищ».

Главным раввином гродненской еврейской общины после возобновления её деятельности при польских гражданских властях стал Абрам Гелборт, бесценно исполнявший свои обязанности с 1882 года. А. Гелборт, родившийся в 1852 году в Гродно, с молодых лет пользовался большим авторитетом среди единомышленников как замечательный знаток Талмуда. Он был любимым учеником знаменитого гродненского праведника Нохума Каплана. После смерти учителя он принял на себя благородную обязанность помощи бедным. В 1882 году А. Гелборт был избран подраввином, а в 1900, когда прежний гродненский раввин эмигрировал в Палестину, стал главным духовным раввином нашего города.²⁵⁵

Кроме него духовной жизнью евреев Гродно руководили Михаил-Давид

²⁵³ Там же, ф. 56, оп. 1, д. 82, 20.

²⁵⁴ Там же, д. 59, л. 17.

²⁵⁵ Там же, д. 79, л. 23.

Розовский (1870-1935, раввин с 1905 года), Хаим-Давид Журавский (с 1905), Хаим Шапиро (с 1917). В 1922 году на пост раввина пришёл Изер Унтерман.²⁵⁶

Традиционно в гродненской общине существовали четыре ставки подраввинов. В 1931 году городское управление, старавшееся сократить расходы, отменило одну из вакансий. В результате оказалось, что Иозеф Раковецкий, в течение 26 лет занимавший пост подраввина, лишился должности. Ситуация была тем более абсурдной, что, согласно правилам, эта должность была ему отдана в пожизненное владение. Раковецкий мог быть смещён с неё только по постановлению суда за серьёзное нарушение.²⁵⁷ Городскими подраввинами, кроме него, являлись: Давид Розовский (в должности с 1905 года), Шимон Шкоп (подраввин Форштата с 1926 года), Арон Робинзон (подраввин Слободки с 1926 года).²⁵⁸

Среди недвижимости общины в 1922 году числилось 23 здания.²⁵⁹ Некоторые из них (например, магазины и склады) сдавались в аренду, в других размещались общинные организации. Это, например, больница по улице Варшавской, 20 (руководитель Е. Суховлянский), дом престарелых на Бонифратерской, 32 (Б. Вольгель), приют для сирот на Скидельской площади, 14 (Б. Абрамович), начальная и ремесленная школы на улице Освобождения, 4 (Шмерель Бадилькес, Михаил Гожанский), начальная школа на улице Козацкой, 12 (Михаил Капельман). Правление общины базировалось на улице Хоовера, 4. В нём работала также еврейская библиотека. Под опекой кагала находились два городских еврейских кладбища: на улице Грандичской (заведующий Гилель Станецкий) и на Форштате (Лейб Орлович).²⁶⁰ Община располагала магазином на площади С. Батория, 9 домами в Гродно и зданием санатория в Друскининкае, 3 резнями и др.²⁶¹

Условия работы на гродненских еврейских резнях были тяжёлыми. Община не могла своевременно разрешать вопросы, связанные с её материальным обеспечением. Поэтому руководитель резни засыпал правление общины письмами. Он жаловался, что «работники работают часто в грязных, разорванных и нестиранных фартуках» и требовал выдать своим подчинённым, как это указано в правилах, по 3 фартука и полотенца, а также обеспечить своевременную стирку.²⁶²

Друскеникская недвижимость приносила правлению общины больше головной боли, чем радости. Право на участок земли в этом литовском местечке принадлежало за гродненской еврейской общине ещё с 1912 года. Там было выстроено здание санатория, куда в летнее время для поправки здоровья на водах приезжали гродненские бедняки-евреи. Во время войны 1919-1920 годов оно сгорело, и охрана руин легла тяжёлым бременем на гродненскую общину. Правление захотело продать участок, но друскеникский раввин воспротивился этому плану. Он считал, что санаторий - подарок благотворителей разных городов для нужд всех евреев, и поэтому не гродненцам распоряжаться его судьбой.

²⁵⁶ Там же, д. 12, л. 13, 15.

²⁵⁷ Там же, д. 81, л. 26, 153.

²⁵⁸ Там же, д. 65, л. 47.

²⁵⁹ Там же, д. 16, л. 4.

²⁶⁰ Там же, л. 63.

²⁶¹ Там же, л. 75-76.

²⁶² Там же, д. 137, л. 32.

Предложение гродненского правления еврейской больницы о разделе дохода между представителями гродненской и друкенинской общин, выраженное в 1932 году, не получило поддержки последней. Друкенинский раввин Шлома Гордон мечтал восстановить санаторий и вернуть ему былую славу. Он обратился к кагалам Беларуси и Польши и рассказал о безвыходном положении, в котором находится его община. Она не могла взять на себя содержание сотен бедняков, прибывавших по-прежнему на воды для лечения. Поскольку здание санатория было разрушено, приезжие останавливались на ночь в синагоге, где многие простужались, и эффект лечения пропадал. Многим беднякам приходилось отказывать в бесплатных ваннах. Обращения Гордона не прошли зря, и многие общины Польши включили в бюджеты 1935 года расходы на восстановление друкенинской лечебницы.²⁶³

Многие здания общины подверглись разрушению в ходе советско-польской войны 1919-1920 годов. Так случилось, например, с молитвенной школой «Хевро мишнайт» на Форштате. Вплоть до середины 30-х годов земля площадью 460 квадратных метров стояла заброшенной. Общество, следившее за состоянием святыни, прекратило работу, а о том, что она вообще существовала, напоминал только голый поросший кустарником фундамент.²⁶⁴

Пути накопления фондов общины были различны. С одной стороны, она собирала со своих членов взносы, с другой, поддержкой магистрата пользовались некоторые благотворительные организации и школы.²⁶⁵ Но поскольку и это не позволяло ей ликвидировать дефицит в бюджете, община обращалась за помощью к различным зарубежным организациям и частным лицам. Чаще всего это были выходцы из Гродно. Например, в 1926 году профессор М. Гильдин из Бруклина сообщал общине, что на её счёт местным дамским благотворительным обществом перечислены 600 долларов. Правда, профессор весьма нелестно отзывается о спектакле, доход с которого и составил этот взнос. «Это пошлая мелодрама из американской жизни,.. наносящая неимоверный ущерб чистому искусству, развращая вкусы нетребовательной и малокультурной публики».²⁶⁶ Но, как говорится, с худой овцы хоть шерсти клок.

Некоторая часть имущества доставалась общине по завещаниям благотворителей. Среди них были богатейшие семьи гродненского купечества. В 1907 году И.Я. Фрумкин завещал общине три деревянных дома по улице Татарской (недалеко от Бригидского монастыря) для размещения там лечебницы.²⁶⁷ В 1921 году Д.И. Шерешевский в своём завещании указал, что после смерти его жены оставляет общине 25 % денег, которые могли быть выручены от продажи принадлежавшей ему недвижимости.²⁶⁸ В 1927 году 300 американских долларов для гродненских еврейских благотворительных организаций оставила по завещанию Х.-Р. Шмигельская.²⁶⁹ Среди организаций, постоянно оказывавших помощь гродненской еврейской общине, вспомним Американский Красный Крест, еврейский распределительный комитет «Джойнт», организацию «ОРТ».²⁷⁰ Однако этой помощи никогда не хватало,

²⁶³ Там же, д. 15.

²⁶⁴ Там же, д. 131, л. 1.

²⁶⁵ Там же, д. 47, л. 10; д. 46, л. 26; д. 62, л. 17.

²⁶⁶ Там же, д. 14, л. 5.

²⁶⁷ Там же, д. 7, л. 1-2.

²⁶⁸ Там же, д. 16, л. 37.

²⁶⁹ Там же, д. 3, л. 167-167 об.

²⁷⁰ Там же, д. 6, л. 3; д. 54, л. 40 об.

настолько много в гродненской общине неимущих евреев едва сводило концы с концами.

По словам Ю. Боярского, в довоенном Гродно числилось не более 200 состоятельных еврейских семей, немногим больше 1000 средних семей. Действительно богаты были только владелец механических мастерских, где производили велосипеды и мотоциклы, Нохум Старовольский, и несколько купцов.²⁷¹ Списки плательщиков общинных налогов за 1933 год называют на имена 3 518 евреев. Из них 1017 платили по 5 злотых, 442 по 8 и только 27 фамилий тех, кто вносил 500-3000 злотых. Среди них аптекарь Саул Шварц, купец Исаак Любич, купцы Михель Позняк, Давид и Якуб Хазаны, домовладелец Бецалель Бобрович и другие.²⁷²

Отношения, сложившиеся между поляками и евреями в межвоенном Гродно, невозможно оценить однозначно. Современники поражались чрезвычайно высокому уровню толерантности, существовавшему в межнациональных контактах. «Могу смело сказать, что в межвоенный период здесь царило согласие, местное население не имело друг к другу никаких претензий и всегда легко договаривались. Если же временами имели место какие-то антисемитские высказывания или движения, то это было делом некоторых тогдашних политических партий, таких, как Народная Демократия или ППС (Польская социалистическая партия – О. С.). Люди же, которые жили по соседству или работали вместе, в общем, дружили, не обращая внимание на различия в вероисповедании», – пишет Ю. Боярский.²⁷³

Городские власти строили взаимоотношения с руководством общины на основании взаимовыгодного сотрудничества. Это давало им возможность обращаться в трудные времена к кагалу за помощью, как, например, в 1919 году, когда правление начальной школы имени С. Батория приняло от евреев мыло для своих 270 учеников. Оно входило в число товаров гуманитарной помощи из США, которую получала гродненская еврейская община.²⁷⁴ Но и магистрат выделял общине 180 000 рублей в год, в тяжёлом 1919 году эта сумма выдавалась частично деньгами, но в большей степени продуктами и дровами.²⁷⁵ Гродненское отделение Государственного комитета помощи детям в июле 1920 года выдало на 15 дней для 900 детей, получавших питание на специальной еврейской кухне, молоко, постное масло, соль на сумму 5 520 злотых.²⁷⁶

Однако середине лета 1920 года в историю гродненской еврейской общины был вписан один из мрачных эпизодов. 17 июля начались бои за город между польскими и советскими войсками, закончившиеся 22 июля отступлением польской армии. В эти дни при попустительстве польских властей в городе продолжались грабежи, насилие и издевательство солдат над еврейским населением. Архив сохранил для потомков свидетельства очевидцев трагедии.

Яков Гайнер (ул. Августовская, 6): «При отступлении польского войска все мы лежали в погребке. В воскресенье ворвались к нам четыре польских

²⁷¹ Bojarski J. *Moje Grodno // Europa nieprowincjonalna. Przemiany na ziemiach wschodnich dawnej Rzeczy Pospolitej (Białorus, Litwa, Lotwa, Ukraina, wschodnie pogranicze III RP) w latach 1772-1999 / Praca zbiorowa pod red. K. Jasiewiczza. – Warszawa-London, 2000. – S. 233.*

²⁷² ГАГО. Ф. 56, оп. 1, д. 110.

²⁷³ Bojarski J. *Moje Grodno. С. 235.*

²⁷⁴ ГАГО. Ф. 56, оп. 1, д. 3, л. 12.

²⁷⁵ Там же, л. 14.

²⁷⁶ Там же, л. 32.

солдата. Всех били, забрали обувь, платье и деньги. Женщину лет около 50 они изнасиловали. Затем они сняли кольца с пальцев. Другую женщину, недавно поднявшуюся после родов, хотели тоже изнасиловать, но ей удалось отпроситься».

Вольф Бурде (ул. Белостоцкая, 80): «В среду вечером, когда русские войска отступили с форштата²⁷⁷, я упаковал все свои вещи и, бросив таковые в погреб, отправился к Шмуелю Бендетсону, дабы скрыться в его погребе, где застал уже около 100 человек. В четверг в 5 утра стали приходить к нам польские солдаты. От первой группы удалось откупиться малыми суммами. Так, получил один солдат 500 папирос и ушёл, трое солдат просили 3 пары белья, угрожая, что в противном случае сожгут погреб с людьми. Когда им принесли только 2 пары белья, они облили погреб керосином, и только когда третья пара белья была им доставлена, они ушли. В третий раз пришло четверо солдат и забрали ценные украшения. У меня забрали обручальное кольцо. Когда я не смог снять такового с пальца, они захотели отрезать мне таковой. Наконец пришёл офицер с шестью солдатами и велели всем выйти из погреба. Нас расставили в два ряда: женщин отдельно, мужчин отдельно. Женщин били нагайками и прикладами и разогнали, а мужчин повели на расстрел. По пути попался нам навстречу форштатский милиционер Искевич, которого я попросил похлопотать за меня и ещё нескольких. Нас освободили, причём каждый получил на прощанье удар прикладом по голове, остальных повели к расстрелу и четверых из уведённых нашли впоследствии убитыми, а тела изуродованными».

Хаим Хозе (ул. Индурская, 7): «Несколько раз посетили меня польские солдаты, забирали у меня деньги, вещи и уходили. В последний раз пришла группа из нескольких солдат и потребовали 1000 марок. Получив эту сумму, обыскали всех, при чём женщинам велели раздеться донага. Окончив работу с нами (все мы лежали в погребе), они поднялись в дом, где в то время находился мой внук и девушка. Юношу они выставили за дверь и закрылись в комнатке с девушкой. У дверей комнаты стали двое солдат с заряженными ружьями и не впускали нас в комнату. Из комнаты доносился вопль, а затем сдавленные стенания, через полчаса они выпустили девушку, всю избитую, окровавленную, со следами на губах».

Нохим Мифелев (ул. Подольная, 43): «В среду 14 [июля] около 10-11 вечера вошли в мой дом четверо польских солдат и потребовали денег. При мне оказалось тогда около 50 с чем-то марок, которые я отдал. Но эта сумма их не удовлетворила, и они обратились с тем же требованием к моей жене. При ней оказалось 40 марок, и она им отдала эту сумму. Но и это не удовлетворило их. Они её ударили несколько раз прикладами и обратились к моей дочери. На груди у моей дочери оказались документы на право проезда в Америку и 15 тысяч марок. Солдаты забрали деньги и захотели изнасиловать, а когда она стала защищаться, они стреляли в неё, после чего она получила 4 огнестрельные раны в область сердца. ... В настоящее время она находится в тяжёлом состоянии в госпитале».

Шимшон Гериуни (ул. Индурская, 7): «В течение четверга 22 июля 1920 года посетили мой дом разные группы солдат, которые забрали у меня лучшее бельё, костюм и всех бывших в моём доме жестоко били. Девушку, дочь моего соседа, солдат увёл в спальню и хотел изнасиловать, но она героически

²⁷⁷ Занеманским форштатом называлась левобережная часть города.

защищалась, и это спасло её от позора, при чём её жестоко избили. Пожаром, возникшим 23 июля 1920 года, мой дом и всё состояние уничтожены. Пожар, по моему мнению, возник от поджога. Доказательством может служить тот факт, что во время пожара канонады почти не было. Несмотря на то, некоторые дома зажигались, даже квартиры, которые ещё не горели».

Абрам Яффе: «Мой пивоваренный завод весь разграблен. Забрали всё имевшееся пиво с посудой и весь материал. Кроме того, разграблено и всё домашнее имущество: бельё, платье, обувь, наличные и прочее, не исключая и книг. Всё это было увезено на подводах. Несгораемую кассу взорвали бомбой. Погром продолжался 2 дня и 2 ночи. В грабежах принимали участие и соседские христианские жители..., и охрана железнодорожного моста под предводительством офицера (мост тот находится в нескольких шагах от моего завода)».

Нисон Столярский (ул. Извозничья): «В пятницу в 8 утра вошли в погреб дома Малки Огородник, где в то время находилось до 100 человек, преимущественно женщин и детей, трое польских солдат. Они забрали у присутствующих: драгоценности, деньги, бельё и т.д., после этого они приказали всем оставить погреб, угрожая в противном случае поджечь его. ... При этом солдаты бронированного поезда жестоко били нас прикладами. Мы пустились бежать по направлению наших жилищ, но солдаты устроили цепь и пропустили только женщин. Мужчин они отвели на шоссе, где находился офицер с солдатами. Офицер осведомился у милиционера Исевича (поляка), кого отвести в поле, а кого можно освободить. Из всех мужчин Исевич указал, что пятерых следует задержать. Их отвели в поле и убили жестоким образом: выкололи глаза, вырезали язык, вырвали бороду с мясом. Свидетелями этого были: Берель Шнайдер, Цодек Фрайман и многие другие».

Яков Подруб (ул. Индурская, 10): «Солдаты польской армии грабили нас несколько раз. Забрали все драгоценности и всё, что только попадало под руку. Одной из моих дочерей они хотели было отрезать уши с серьгами, а другую хотели было забрать с собой. С большим трудом удалось нам отстоять их. От пережитого моя младшая дочь, нервно потрясённая, больна и лежит в постели. Солдаты забрали 1000 марок».²⁷⁸

В сентябре 1920 года Гродно опять стал польским городом. Постепенно восстанавливался порядок, налаживались связи между еврейской общиной и магистратом. Погром 1920 года не разрушил добрососедские отношения между христианским и иудейским населением города, поскольку местные жители почти не принимали в нём участия. Антисемитизм затаился в среде зажиточных поляков, симпатизировавших христианско-демократической партии. Христианские демократы, пользуясь обычным популистским приёмом, пытались создать «образ врага», подрывающего основы польской экономики. Для этого они использовали пропаганду. Примером её может служить серия лекций, прочитанных в Гродно «прекрасным оратором И. Якой-Хамцем» при бывшем бернардинском костёле. Темами были преступления евреев-большевиков в Советской России, подрыв евреями польской нравственности, экономический и международный заговор евреев. Афиши сопровождались надписью: «Дискуссии исключены. Вход только для христиан»²⁷⁹...

Антисемитская кампания продолжилась на страницах гродненского журнала «Новая жизнь» в апреле 1920 года. Особенно возмутила правление

²⁷⁸ ГАГО, ф. 56, оп. 1, д. 5.

²⁷⁹ Там же, л. 24.

еврейской общины статья под названием «Чего хотят евреи». В своём обращении к судье Гродненского окружного суда гродненские евреи писали: «Утверждение, что самым большим врагом Польши являются евреи, что они виновны в господствующей дороговизне продуктов и одежды, и что они стремятся к устранению всех христиан по очереди, и что христиане должны им покориться, чтобы только выпросить себе право на жизнь», разжигает межнациональную рознь. Они просили привлечь редактора журнала и автора статьи к ответственности за нарушение Уголовного Кодекса Польской республики.

20 июня 1920 года прокурор вынес решение. Вот выдержка из него: «Приведённые факты о деятельности евреев в России и на Украине могут служить доказательством, что евреи поступают согласно принципам, указанным в “Протоколах сионских мудрецов” и “Союза евреев в Базеле” и обязанность прессы – открыть глаза широкой общественности на угрожающую опасность. Мотивом этого является инстинкт самосохранения. Так и автор статьи “Чего хотят евреи” как хороший поляк старается предупредить своих земляков о еврейской алчности и призывает их помнить о главных целях, к которым стремятся евреи, не верить слепо в искренность распространяемых ими коммунистических принципов. ... В любом случае, усмотреть в этой статье желание возбудить ненависть между отдельными группами населения в том смысле, в котором это понимает Уголовный Кодекс, нельзя, потому что автор не побуждает христианское население ни к каким активным действиям в отношении евреев»²⁸⁰.

Достаточно много конфликтов возникало вокруг еврейского имущества, оказавшегося в период военных действий в распоряжении польских войск или реквизированного ими в мирное время. Так, например, в октябре 1920 года польский офицер пытался отнять пекарню, где выпекали хлеб для еврейских бедняков, для нужд своей воинской части. Потребовалось вмешательство старосты уезда, чтобы малоимущие евреи снова смогли приобретать хлеб этой пекарни по сниженным ценам.²⁸¹ Было немало случаев бытового антисемитизма, вандализма по отношению к еврейскому имуществу и святым местам. Например, в ночь с 31 декабря 1928 года на 1 января 1929 года некий Александр Кузьмицкий с улицы Липовой палкой выбил 101 окно в молитвенной школе «Кнессет Израэль» на улице Уланской, 10.²⁸² Тем самым не только была сорвана на несколько дней работа молитвенного дома, но и нанесён значительный финансовый ущерб кагалу.

Ещё более дикая ситуация сложилась в декабре 1920 года вокруг гродненского детского еврейского приюта. Самовольно, без какого-либо ордера со стороны польских властей военная часть заняла его здание на Скидельском рынке. При этом помещениям был нанесён значительный ущерб, а жизнь приюта была дезорганизована.²⁸³ В здании еврейской школы на улице Мостовой, 2 долгое время базировалось телефонное отделение Сибирской бригады. После её выселения евреи хватились 75 лавок, 1 буфета, 2 шкафов и другой мебели.²⁸⁴

²⁸⁰ Там же, л. 26.

²⁸¹ Там же, л. 33.

²⁸² Там же, л. 72.

²⁸³ Там же, д. 6, л. 8.

²⁸⁴ Там же, л. 14 об.

В середине 20-х годов продолжалась антисемитская пропаганда христианских демократов, сплотившихся вокруг издателя гродненского еженедельника «Новая жизнь» ксендза Савоневского. Со страниц этого журнала постоянно звучала клевета, инсинуации, призывы к экономическому бойкоту евреев. Но ещё опаснее было влияние на души прихожан, которым обладал этот слуга церкви. Известны были случаи, когда клиенты-католики себе в ущерб прекращали экономические контакты с оптовиками-евреями, ссылаясь на распоряжение Савоневского. Католичка-кормилица еврейского ребёнка, с плачем возвратилась из костёла и объявила хозяйке, что вынуждена уволиться. Когда Министерство Внутренних Дел запретило антисемитские лекции И. Яксы-Хамца и отказало ему в предоставлении помещения, костёл поспешил приютить его в своих стенах.

В середине 20-х годов в польском государстве прошла национализация табачной промышленности. Поскольку на предприятиях этой отрасли издревле трудились в основном евреи, огосударствление табачной фабрики Акционерного общества Шерешевского (одного из крупнейших в стране) вызвало усиление антисемитских действий христианских демократов Гродно. Это выразилось в намеренной дискредитации рабочих еврейской национальности, прежде трудившихся на фабрике с тем, чтобы их места после смены руководства заняли христиане.

В каждом цехе появились люди, симпатизировавшие сторонникам Савоневского. Они доносили своим хозяевам обо всех инцидентах, которые можно было бы использовать против евреев. И вот утром 9 января 1925 года для этого представилась великолепная возможность. В одном из отделений фабрики Шерешевского, где работали 18 евреев и 2 христиан, двое еврейских рабочих начали подшучивать друг над другом. Шмуэль Берел подсмеивался над своим товарищем Хаимом Ральским. Он изображал, как тесть Ральского, пекарь, после обеда в пятницу ставит горшки с субботней трапезой в печь. Ральский не остался в долгу, вспомнив брата Берела, старого холостяка, и спародировал еврейский свадебный обряд. Для этого он взял упаковочное полотно и устроил из него балдахин, в то время как рабочий-христианин, его приятель, изображал музыканта.²⁸⁵ Эта невинная шутка, подсмотренная каким-то «доброжелателем», была раздута до обвинения в оскорблении христианской религии!

В конце 20-х годов разгорелся конфликт по поводу использования еврейского языка. Власти запретили употреблять его при ведении общинного делопроизводства. Как часто бывает, имея своей причиной достаточно частный вопрос, конфликт быстро разрастается. На поверхность выносятся всё то, что долгое время тревожило людей. И вот уже, отвлекаясь от непосредственного повода дискуссии, «Гродненский экспресс» пишет: «Власти стремятся изо всех сил ограничить область их [общин – О. С.] действия до божниц, кошерного мяса и бани... Эта тенденция особенно проявляется... при утверждении бюджетов, когда вычёркивается всё, предназначенное на еврейскую культуру, потому что известно, что народная культура является важнейшим [источником – О. С.] народного [самосознания – О. С.]».²⁸⁶ Несмотря на протесты общины, основанные на том, что Декрет об образовании религиозных общин вообще не затрагивал вопрос о внутриобщинном делопроизводстве, уездный староста Гродно продолжал требовать изменения текста на бланках и печати на польский.

²⁸⁵ Там же, д. 28, л. 15.

²⁸⁶ Там же, д. 3, л. 180.

Страсти разгорелись. Делегация правления общины во главе с Рубинраутом отправилась к белостокскому воеводе, но тот счёл, что дело лежит вне сферы его компетенции. Дальнейшим шагом гродненских евреев было обращение в посольский клуб еврейских делегатов Сейма Польской республики. Дело получило огласку, и теперь уже рассматривалось в Министерстве по делам просвещения и религии. И вот, наконец, 23 апреля 1931 года община могла праздновать победу. Белостокский воевода отменил предыдущее распоряжение и декларировал, что «религиозная еврейская община в Гродно может употреблять бланки с надписями и печати на иврите и идише рядом с надписями на польском языке».²⁸⁷

В марте 1932 года много шума в городе наделал конфликт между больничной кассой и общиной. Кагал задолжал больничной кассе значительную сумму (6 000 злотых). Городские чиновники потребовали немедленной отдачи не только долга, но и текущих взносов. Община не смогла выполнить это требование. Экономический кризис пошатнул её финансовое положение: работники общины получали в это время всего 25-30 % положенных им зарплат. В ответ на отказ кагала ликвидировать задолженность, больничная касса пошла на беспрецедентный шаг. Она конфисковала мебель еврейской начальной школы. Вся документация, тетради, драгоценные школьные коллекции, собиравшиеся десятилетиями, библиотека варварским способом были выброшены из ящиков и шкафов прямо на пол. Вынос мебели вызвал такое возмущение, что полиция вынуждена была вмешаться и остановить грузчиков. Тем не менее часть имущества была уже вывезена, дети шокированы, а учебный процесс приостановлен.

Этого показалось мало. На следующий день, 11 апреля, подводы подъехали к зданию канцелярии общины. Чиновники предложили заплатить, правление отказалось. В ответ документация общины полетела на пол, мебель была вынесена. В некоторых случаях исчезли и бумаги кагала, запертые в столах, потому что у находившихся в тот момент в здании не оказалось ключей от ящиков.²⁸⁸

Антисемитизм в Гродно начала 30-х годов проявлялся иногда в форме осквернения кладбищ. Особенно часто вторжениям подвергалось древнее кладбище на улице Кривой (в центре города недалеко от главной синагоги). Местные жители использовали его как пастбище для скота, дикие оргии устраивали здесь бродяги. Там они проводили время за азартными и спортивными играми. Постоянное нарушение покоя святого для евреев места привело их к необходимости обратиться к городским властям с требованием прекратить безобразие.²⁸⁹

7 июня 1935 года город всколыхнул еврейский погром. Ю. Боярский объясняет его причину следующим образом. Летом в Гродно приехал какой-то моряк с Балтики, чтобы проведать свою семью. Для провинциального города того времени - это настоящее событие. Моряка приветствовали как героя, за ним ходили толпы. В один вечер во время танцев в зале по улице Бригидской он поссорился из-за девушки с одним евреем. Завязалась драка, у еврея был нож, которым он и воспользовался. Удар был точным, моряк умер на месте. Когда его хоронили, ксёндз говорил речь около двух часов, а потом в городе начались беспорядки. Местные национал-демократы призывали отомстить за убитого

²⁸⁷ Там же, л. 218.

²⁸⁸ Там же, д. 82, л. 55, 60 об.

²⁸⁹ Там же, л. 67.

евреями поляка. Молодёжь отправилась бить витрины еврейских магазинов. На Доминиканской улице чёрной краской была нарисована карикатура на еврея, который пытается завладеть земным шаром.²⁹⁰ Разгорячённая толпа погромщиков опустошила еврейские магазины в центре города и двинулась громить дома. В архиве сохранились дневниковые записи еврейской девушки Бати, относящиеся к событиям тех дней.

«Погром... Еврейский погром... Выбивание окон, ножи, палки, камни... Гуманные методы... Цивилизация... Весь мир унился перед горсточкой людей без отечества – вечных странников. Вы выбрали хороший момент, о средневековые варвары! Кто мог защититься от череды озверевших «людей», вооружённых камнями и ножами? Я смотрю на комнату. Стекло... Стекло... Везде стекло... А в середине комнаты лежит камень... Обычный серый камень, слегка испачканный землёй. Ветер веет через пустые оконные рамы. На парапете лежит разорванная занавеска. А на полу разбитый вазон. Кажется, что на камне кровь. Но нет, это только кажется. Во многих еврейских домах лежат раненые. В больницу привезли новых пациентов. Еврейская кровь стекает с ножей и кроваво краснеет на камнях... Не первый раз, не десятый... Поминутно отзывается звонок телефона – везде те же самые слова: «У нас плохо». Везде плохо. Ни одной утешительной весты... Уже поздно... Но ни один из 20 000 евреев не спит в Гродно...»²⁹¹

После трагической смерти Гдалии Бехера в полной нищете осталась его семья, состоявшая из жены и 5 детей. Покойный был бродячим портным, так что с его смертью они лишились единственного кормильца. Смерть Израиля Березовского оставила без достаточного материального обеспечения его старого отца. На лечении в еврейской больнице лежал Шолом Позняк. В его отсутствие родственники впали в абсолютную бедность. Они ожидали выселения за невнесение квартирной платы и существовали исключительно благодаря помощи соседей.²⁹² В марте 1936 года родственникам 8 пострадавших Белостокское воеводство оказало материальную помощь на сумму 1 000 злотых.²⁹³ В конце 1937 года община, желая увековечить память жертв погрома, собирала деньги на строительство мавзолея. Отдельные члены общины, например, Арон Езерский, жертвовали деньги и могильные камни.²⁹⁴

В середине 30-х годов недоброжелатели евреев старались прежде всего нанести удар по еврейской торговле и ремеслу. Это было особенно опасно, поскольку в Польше ширился экономический кризис, а его следствие – массовое банкротство мелких производителей. Евреи отвечали ударом на удар и тайно проводили агитацию среди единоверцев. Они указывали на то, что религия запрещает покупать товары у неевреев и призывали посещать только еврейские магазины.²⁹⁵

В связи с нестабильностью политического и экономического положения в Беларуси в 20-30-е гг. чрезвычайно усилилась еврейская эмиграция. Для того, чтобы облегчить оформление бумаг, необходимых для выезда за рубеж, гродненская еврейская община в апреле 1920 года открыла эмиграционное бюро. Это был филиал Центрального варшавского комитета, состоявший из

²⁹⁰ Bojarski J. С. 235-236.

²⁹¹ ГАГО, ф. 56, оп. 1, д. 147, л. 21 об.

²⁹² Там же, д. 82, л. 295.

²⁹³ Там же, д. 135, л. 67.

²⁹⁴ Там же, д. 148, л. 6, 9, 20.

²⁹⁵ Там же, ф. 551, оп. 1, д. 1218, л. 33.

шести членов и президента Захарии Вайсбрана.²⁹⁶ Это стало большим облегчением для будущих переселенцев из Гродно. Прежде получение заграничного паспорта и виз требовало неоднократных дорогостоящих визитов в Варшаву. Провинциалы, не имевшие опыта в хождении по инстанциям, легко попадали на удочку всякого рода проходимцев.

Чтобы избавить эмигрантов от этой опасности, им предлагало свои услуги международное агентство «Societe general de transports maritimes a vapeur». Фирма начала деятельность на территории Польши с 1 января 1926 года. Благодаря быстрой и хорошим условиям для пассажиров на своих судах она быстро заработала хорошую репутацию. «Societe» перевозила эмигрантов из Центральной и Южной Европы в Латиноамериканские страны. Путешествие из Варшавы в Марсель по железной дороге длилось 2.5 дня, по морю до Бразилии 14 дней, до Аргентины - 18.²⁹⁷ Белорусские евреи, уставшие от бесконечной борьбы за хлеб насущный, от антисемитизма и политической нестабильности, представляли себе экзотические страны как землю обетованную. Сами названия далёких стран звучали таинственно и завораживающе. Они отдавали последние деньги, вырученные от продажи скудного имущества, на оформление документов и билеты.

В Америке оказывалось, что их никто ни ждал, и денег даже на первое время совершенно не было. Обеспокоенное массовой эмиграцией евреев из страны, польское руководство предупреждало желавших уехать в Аргентину, что её правительство действительно выделяет землю для переселенцев, но не бесплатно. На какие-либо кредиты колонистам рассчитывать тоже не приходилось. Земля была не раскорчёвана, покрыта джунглями. Всё, что можно было получить в качестве помощи – это лес для постройки дома. Ни в коем случае не рекомендовалось уезжать семьям с маленькими детьми. От эмигранта требовалось хорошее здоровье и готовность к тяжёлой физической работе. Если он не располагал 300-400 долларами, то, по крайней мере, он должен был представить документ о наличии в Аргентине родственников, проинформированных о его материальном положении и бравших ответственность на себя.

С большим вниманием главы общины относились к организации системы еврейского образования. В межвоенный период в Польше работали еврейские школы двух типов: общеобразовательные и таргуты, где преподавание велось на иврите. В течение многих лет община содержала народные школы на Большой Троицкой, 4 (18 классов), Школьной, 2 (4 класса), Казацкой, 12 (3 класса), Полицейской, 5 (6 классов) и Мостовой, 2 (7 классов). Здесь бесплатно получали образование дети обоего пола в возрасте от 7 до 14 лет. Магистрат давал на их содержание субсидию для выплаты жалованья учителям, ремонт и обслуживание помещений. В период с 20 июля по 25 сентября 1920 года, когда Гродно заняли советские войска, учёба прекратилась. Начать учебный год вовремя не удалось, потому что во всех школьных зданиях расквартировались польские военные части. Могли функционировать только школы на Полицейской, Школьной и Казацкой (всего 13 классов). Они не в состоянии были вместить всех желающих, поэтому примерно 800 еврейских детей не пошли в школу в 1921/1922 учебном году.²⁹⁸ Правление отступило от принципа

²⁹⁶ Там же, ф. 56, оп. 1, д. 148, л. 44; д. 8, л. 123.

²⁹⁷ Там же, д. 36, л. 26.

²⁹⁸ Там же, д. 6, л. 72.

бесплатности образования и ввело взносы по 50 марок в месяц с ученика на отопление. Эта мера снизила количество учеников с 1500 до 1200.

В Гродно в это время работали две талмуд-торы. Первая находилась на улице Освобождения. Она была основана в 1895 году. До приобретения общиной «юридического лица» её бюджет был совершенно самостоятельным и состоял из субсидий магистрата и платы, вносимой учениками. В 20-е гг. ею руководил Исраэль Сасс, содержавший также частную 2-летнюю торговую школу на улице Листовского. Руководителем частных начальных школ еврейской общины в Гродно с 1919 по август 1929 был Шмерель Бадылькес. Одновременно он работал учителем религиозных предметов в Талмуд-торе-1 и занимался частным обучением детей. Несколько уроков в неделю в школе давал музыкант Овсей Шулькес, служивший в Гродно в армии в качестве сержанта.

Задачей еврейской школы было образование еврейских детей на родном языке в соответствии с программой государственной семилетней школы и обучение еврейским предметам. Цель работы педагогов определили следующим образом: воспитать новый тип гражданина, здорового физически и нравственно. Достичь этого предполагалось не только тщательным обучением на уроках, но и организацией специальных бесед, мероприятий, игр, дискуссий. По мнению педагогов-евреев, ученик должен был получить хорошие навыки, стать правдивым, пунктуальным, привязанным к своему народу и государству.

В талмуд-торе дети проводили большую часть дня. С утра были уроки, после обеда один из учеников читал реферат, затем начиналась дискуссия. После этого под руководством учителя дети несколько часов играли. Те ребята, которые из-за плохих жилищных условий не могли готовить уроки дома, после обеда занимались в школе, пользуясь помощью учителей и старших учеников. Во время учебного года проводились экскурсии: природоведческие в лес и краеведческая в Вильно. В феврале 1932 года в городском театре прошли два спектакля, поставленные силами театрального кружка школы. Состояние здоровья детей внушало опасения. После врачебного обследования выяснилось, что 222 человека должны отправиться на амбулаторное обследование, 360 к дантисту, 108 в летние лагеря. Чему удивляться, ведь это были дети бедняков, жившие в плохих условиях от рождения. Инфекционные болезни (тиф, туберкулёз) были выявлены только у нескольких детей безработных. Талмуд-тора взяла на себя предоставление детям завтраков: молоко, кофе или какао и булка. Иногда раздавали обувь.

В соответствии с государственной программой ученики Талмуд-торы-1 проходили Библию, книгу Пророков, иврит, религиозное пение и молитвы, историю евреев, идиш, польский язык, историю Польши, счёт и геометрию, природоведение, географию, рисунок, пение и гимнастику.²⁹⁹ Это учебное заведение состояло в 1928 году из 6 классов и отделений с числом детей обоего пола, равным 309. Программа обучения соответствовала государственной семиклассной общеобразовательной школе. Здесь работали 12 учителей, 2 курьера и врач.³⁰⁰ В начале 1930 года школа состояла из 12 классных комнат, гимнастического зала, учительской. Имелась даже собственная синагога. В то время школу посещали 277 мальчиков и 232 девочки.³⁰¹ Школьная библиотека состояла из 348 томов для учителей и 749 томов для детей (из них 370 на польском, 240 на идише, 139 на иврите). Были собственные коллекции

²⁹⁹ Там же, д. 37, л. 83.

³⁰⁰ Там же, д. 55, л. 46.

³⁰¹ Там же, д. 62, л. 191.

рисунков, минералов, бабочек, чучела зверей и птиц, стенные карты и глобус, таблицы по зоологии и ботанике, даже фортепиано и скрипка.

Талмуд-тора принимала под свой кров представителей беднейших сословий, поэтому Ш. Бадилькес справедливо гордился высокими оценками, которые его учебное заведение получало во время инспекций. Представители магистрата отмечали, что дети в этой школе чистые, ухоженные и хорошо подготовленные в соответствии с программой. Тем не менее дети есть дети. И одетые, и умытые, они продолжают вести себя соответственно возрасту. 18 декабря 1929 года бывший ученик первой талмуд-торы, исключённый оттуда за плохое поведение, Нисен Берелевич Левин, при помощи других учеников открыл окно класса, где тогда проходила репетиция ханукального вечера, и бросил в него петарду. Она немедленно загорелась и взорвалась. Пострадавших не оказалось, только дети были сильно напуганы. Этот милый мальчик прославился за две недели до описанного случая тем, что, проникнув незамеченным в класс во время перемены, засыпал его заранее припасённой известью и песком. Дитя потрудились так славно, что дальнейшие занятия в этом классе до конца дня были невозможны.³⁰² Как ни странно, спустя 70 лет дети развлекаются точно таким же образом...

В 1924 году отдел народного образования предпринял попытку прекратить деятельность талмуд-торы. Основываясь на некоем прошении «части еврейского общества» относительно организации для их детей начальной школы с польским языком обучения, он объявил, что лучше всего для этого заведения подошло бы здание первой талмуд-торы. По заявлению чиновников из министерства просвещения, там имелись меблированные незанятые помещения. Расходы готова была взять на себя казна, преподавание «еврейских предметов» осуществлялось бы в полном объёме. Отстаивая право на существование талмуд-торы, её руководство писало: «еврейская начальная школа имеет задачу 1) создать из своих воспитанников хороших граждан 2) возвращать в них национальные качества. Первая задача решается через тщательное преподавание польского языка, истории и литературы Польши. Вторая – через изучение на родном языке общеобразовательных предметов».³⁰³

Школы, которые не удовлетворяли обеим задачам, не имели, по мнению Ш. Бадилькеса, права на существование. Точка зрения, изложенная в прошении, принадлежала горстке евреев, потерявших национальное самосознание, ничтожному меньшинству. Да и само требование выглядело странно: если они не хотели, чтобы дети учились на идише, то почему было не отдать их в обычную польскую школу? Да и свободные помещения в школе вскоре должны были заполниться новыми учениками, потому что как раз готовилось её расширение. Действительно, в конце 1931/1932 учебного года количество учеников первой талмуд-торы составило 598 человек.³⁰⁴ Согласно школьной статистике, занятия родителей учеников распределялись так: 103 рабочих, 92 портных, 62 сапожника, 60 извозчиков, 54 ремесленника, 50 – неопределённые занятия, 45 торговцев, 42 носильщика, 33 столяра, 26 маляров, 25 врачей, 4 музыканта и 3 учителя – сплошная беднота.

В середине 20-х годов в Гродно функционировали вечерние курсы. На них в 1926 году работали Шмерель Бадилькес (руководитель), Малка-Либе Фенстеровна (польский язык и история), Исаак Каплан (математика), Израэль

³⁰² Там же, д. 62, л. 188.

³⁰³ Там же, д. 63, л. 7.

³⁰⁴ Там же, л. 125.

Левин-Гродзкий (еврейский язык и история), Рубин Гордон (товароведение), А. Рашат (рисунок).³⁰⁵ Эти курсы должны были способствовать повышению квалификации еврейских учителей, поскольку попытки добиться их допуска на государственные курсы не увенчались успехом. Разрешение на открытие этого учебного заведения было получено в декабре 1926 года. Разместилось оно в школьном здании на улице Освобождения.³⁰⁶ На курсах, которые работали в вечернее время, занимались около 60 человек. Параллельно действовали курсы для ликвидации неграмотности в еврейской среде. Для их поддержки община проводила сбор пожертвований среди населения.³⁰⁷

Вторая гродненская талмуд-тора располагалась на улице Уланской, 12. Она также получала субсидии от магистрата и общины. Интересный штрих: в 1936 году учительница этой школы Бася Баньчевская училась в Иерусалимском университете.³⁰⁸ Эта школа находилась в ведении общества «Szaar Hatora» и занималась обучением еврейских мальчиков и девочек в возрасте от 7 до 14 лет. Вторая талмуд-тора располагалась в двухэтажном здании, стены трёх его классных комнат украшали фотографии выдающихся людей гродненского форштата.³⁰⁹

В 1935 году еврейские дети могли посещать следующие национальные школы: «Тарбут» (554 человека), «Явне» (463), «Союза еврейских школ» (210), «Торат эмет» (200), талмуд-тору № 1 (200) и № 2.³¹⁰ Молодые люди, желавшие стать раввинами, посещали иешиву «Шаарей Тора». Для поддержки малоимущих в 1935 году здесь была введена стипендия Хофец Хаима. Она была названа в честь знаменитого радуньского раввина Израиля-Меера Кагана, более известного под псевдонимом Хофец Хаим.

При начальной школе работала ремесленная школа имени Элиезара Брегмана с трёхгодичным курсом. Из её стен выходили квалифицированные слесари, кузнецы и механики. Это учебное заведение было основано в 1902 году на средства, оставленные по завещанию Э. Брегмана при участии обществ, цель которых - распространение ремесла среди евреев. Здание для школы на улице Большой Троицкой спроектировал варшавский архитектор Н. Гартите ещё в 1899 году.³¹¹ Во время эвакуации Гродно в 1915 году инвентарь школы вывезли в Россию, а само учебное заведение перестало существовать. 10 ноября 1920 учебного года школа возобновила деятельность. На это время был открыт только один класс на 40 учеников, а весь персонал состоял из 4 человек.³¹²

Школа постепенно восстанавливала финансовое положение. 21 января 1921 года глава этого учебного заведения, инженер Михаил Гожанский отправился в Варшаву для того, чтобы закупить машины и инструменты. Заслуги этого человека в деле восстановления училища огромны. Немецкие власти переделали здание школы в казармы, оборудование пропало, само здание было значительно повреждено. О возможности восстановления работы ремесленной школы большинство общины перестало и мечтать. М. Гожанский, используя свой авторитет, совершенно бесплатно взялся за это трудное дело. За

³⁰⁵ Там же, д. 37, л. 70 об.; д. 46, л. 72.

³⁰⁶ Там же, д. 46, л. 3.

³⁰⁷ Там же, д. 14, л. 31.

³⁰⁸ Там же, д. 136.

³⁰⁹ Там же, д. 20, л. 10 об.

³¹⁰ Там же, д. 132, л. 19 об.

³¹¹ Там же, д. 1, л. 1.

³¹² Там же, д. 6, л. 84.

четыре года его директорства школа развилась в солидное учебное заведение с количеством учащихся, доходившим до 100 человек.³¹³

В середине 20-х годов здесь работало уже отделение кройки и шитья для еврейских девушек. Оно также получало скромную субсидию магистрата.³¹⁴ Пополнялась библиотека училища. В 1926 году из книжного магазина Белко были поставлены 34 книги на русском, идише, иврите. Это были произведения Г. Гейне, И. Гёте, О. Уайльда, А.С. Тургенева, А.Н. Толстого, М. Твена, М.Ю. Лермонтова, Г. Сенкевича, В. Короленко, Шолом Алейхема, М. Рида, Ан-ского, Ш. Абрамовича и других писателей.³¹⁵ С финансовыми трудностями училищу помогали справиться гродненская еврейская община и организация «ОРТ» (организация поддержки ремесленного и сельскохозяйственного труда среди евреев Польши).³¹⁶

В 1925 году при ремесленной школе открылись профессиональные курсы для взрослых. На них готовили столяров, слесарей и электротехников. Обучение длилось два года и состояло из теоретического и практического курсов. Преподавание велось на идише, на курсы принимали лиц мужского пола старше 16 лет, закончивших как минимум пятиклассную общеобразовательную школу. После окончания занятий сдавали экзамен. Руководителем курсов был назначен бессменный директор ремесленной школы М. Гожанский.³¹⁷ Для того, чтобы оказать этому заведению денежную помощь, 8 июня 1927 года был организован уличный сбор пожертвований.³¹⁸ Какие предметы проходили учащиеся курсов? Это были польский язык, торгово-промышленная корреспонденция, краеведение и хозяйственная география Польши, обществоведение, иудаика (религия и язык), арифметика и алгебра, счетоводство и калькуляция, общая и профессиональная гигиена, эскиз, геометрическое черчение и проектирование, черчение, промышленная физика и профессиональная технология.

После военного лихолетья город постепенно начинал оживать. С 1 января 1921 года в Гродно возобновила работу школа гимнастики. Как и другим еврейским организациям, ей пришлось отстаивать своё здание на улице Мостовой, 2 у польских военных.³¹⁹ Для поддержки фондов школы в апреле 1921 года община устроила музыкально-драматический вечер в здании городского театра.

Воспитание и образование еврейского юношества находилось в сфере внимания политических организаций. Каждая партия имела молодёжные объединения. Одним из самых активных еврейских молодёжных союзов в Гродно в середине 30-х годов был «Акива». Он старался содействовать не только интеллектуальному, но и физическому развитию юношества. Для этой цели постоянно проводились разнообразные скаутские и профессиональные соревнования. Целью была подготовка молодёжи к жизненным условиям, ознакомление с будущими профессиями. «Мы обязаны убедить членов организации в том, что их обязанность – стать продуктивными членами организованного общества, а затем – кибуца», – такую директиву давал гродненскому отделению Главный секретариат.³²⁰

³¹³ Там же, д. 14, л. 35.

³¹⁴ Там же, д. 28, л. 136.

³¹⁵ Там же, д. 36, л. 10-13.

³¹⁶ Там же, д. 54.

³¹⁷ Там же, д. 47, л. 4.

³¹⁸ Там же, л. 26.

³¹⁹ Там же, д. 3, л. 46, 59.

³²⁰ Там же, д. 133, л. 8 об.

Каждый член организации выбирал программу овладения знаниями определённой сферы и занимался несколько лет, периодически сдавая квалификационные экзамены. Программа была разбита на несколько уровней, после прохождения каждого из них молодой человек получал знак различия в виде нашивки. Старшее поколение, направляя молодёжь на изучение того или иного вида деятельности, следило за развитием коллективизма и любви к ремеслу. Предлагались на выбор следующие направления подготовки: умение оказания помощи, физические тренировки, полевое воспитание (туризм), природоведение, профессиональная деятельность, искусство.

Чтобы получить представление о характере этих программ, рассмотрим более подробно первую из них. Первый уровень подготовки включал участие в работе службы скорой помощи. Сначала нужно было осуществить элементарное знакомство с анатомией человека, уметь назвать на иврите наиболее важные органы и части тела, вести тетрадь с их зарисовками, уметь останавливать венозное, артериальное и внутреннее кровотечение, накладывать повязку Эсмарха, биндаж и шину. Участник программы должен был уметь создавать импровизированные носилки из подручного материала, знать правила поведения при газовой атаке, пользоваться основными препаратами из стандартной аптечки, владеть данными об организации больничного дела и системы оказания первой помощи в Палестине.

Второй уровень предполагал основательное знание анатомии и физиологии человека, владение анатомической терминологией времён Талмуда по трактату «Сефер Хаагада», знание всех видов перевязок, мест прощупывания пульса, видов отравляющих газов, умение пользоваться противогазом и превратить помещение во временное противогазовое убежище. Далее молодые евреи готовились стать медицинскими сёстрами, гигиенистами, спасателями на водах, пожарниками или пионерами. Последние должны были уметь разбить лагерь, строить, стрелять, убирать помещение и эстетически организовывать его. Можно было стать трубачом или астрономом, получить знания в области растениеводства и насекомоведения. По каждой из этих программ предусматривалось изучение ивритской терминологии, приобретение теоретических знаний и практических навыков, знакомство с условиями Палестины.

Таким образом, сионистская организация «Акива» объединяла еврейскую молодёжь в возрасте до 18 лет. Целью воспитания считалось пробуждение национального самосознания, знакомство с историей евреев и современным состоянием колонизации Палестины. Скаутский дух объединялся с религиозной традицией, особое внимание уделялось воспитанию в малой группе и организации летних и зимних лагерей. Своих врагов союз «Акива» видел как в гитлеровцах, так и в советских коммунистах.³²¹

Активную деятельность в Гродно развернуло Общество помощи евреям-студентам «Auxillum Academicum Judaicum». Оно организовывало летние лагеря отдыха и назначало стипендии. В связи с введением в вузах Польши правила о немедленном исключении студентов, просрочивших внос денег за учёбу, Общество своевременно организовало акцию помощи. Во время празднования Песаха в общинных домах подавались бесплатные обеды и ужины. Пребывание в лагерях отдыха, которые разбивались в Поплавах, оценивалось в 100 злотых. При этом действовали скидки, которыми

³²¹ Там же, д. 133.

воспользовались 45 % студентов. Питание и условия жизни оказались отменными. По окончании сезона 1933 года руководство «Auxillum Academicum Judaicum» с гордостью сообщало, что в его лагерях молодёжь поправлялась в среднем на 3.6 килограмма.³²²

Многие гродненские учителя состояли членами профсоюза преподавателей еврейских школ в Польше. Организация предоставляла им путёвки в лучшие санатории Польши, Литвы и Украины со значительными скидками. На время зимних каникул учителя вместе с семьями уезжали кататься на лыжах и поправлять здоровье в Закопане в польские горы. На 1935 год в гродненском отделении организации были 42 человека.³²³

Под надзором руководства общины состояли также бани. Это было связано не только с тем, что здание принадлежало общине, но и с тем, что для евреев место, где находится миква (место для ритуальных омовений) приобретает религиозное значение. Еврейская баня в 20-е гг. была единственным заведением подобного рода в городе. На 50 %, согласно статистике, её посещали военные, которые по правилам платили только 1/5 положенной суммы. Значительно было также количество гражданских лиц, посещавших баню. Между тем, содержалась она исключительно на средства для мероприятий благотворительного характера еврейской общины. Посчитав это несправедливым, евреи обратились за помощью в магистрат, но получили отказ.

Плачевное финансовое положение гродненской общины не давало ей возможности содержать это заведение на должном гигиеническом уровне, вовремя производить необходимый ремонт. Санитарная комиссия, состоявшая из врачей-христиан, которая осмотрела баню по переулку Виленскому, 5 июля 1923 года, отметила многочисленные отступления от правил содержания бань. Котельная была пожароопасна из-за наличия деревянных ступенек и дощатой перегородки, прилегавшей к котлу. Краска на лестницах облезла, потолки покрыты потёками, цементный пол давно утратил герметичность, отделение для женщин грязно, стены покрыты плесенью. Особое опасение вызывало состояние канализации, которая сбрасывала стоки прямо в реку Городничанку едва ли не в самом центре города.

Комиссия вынесла решение закрыть баню немедленно для устранения всех перечисленных недостатков, назначив срок до 15 сентября 1923 года. Этот ход городской администрации стал причиной очередного столкновения с общиной. Формально требования санитарной комиссии совершенно обоснованы, но ею было совершено серьёзное нарушение. Осмотр бани был произведён 5 июля, протокол вручен кагалу 20 августа, а приказ о закрытии вступил в силу 18 августа. Чиновники не желали принять во внимание трудное финансовое положение общины. После военных событий и оккупации города то немецкими, то польскими, то советскими войсками баня находилась в страшно запущенном состоянии. Община нашла средства для ремонта в 1921 году. Установили новые эмалированные ванны, починили котлы, что стоило около 10 миллионов марок. В 1922 году доход от бани составляли 3 480 762 марки, а на её ремонт израсходовали 8 000 000 марок. Община не могла позволить себе одномоментное выделение огромной суммы для капитального ремонта, она чинила помещение постепенно.

Неожиданное закрытие бани наносило вред и христианскому населению города, потому что конкуренция в сфере банного бизнеса, как мы уже знаем,

³²² Там же, д. 103, л. 83, 89.

³²³ Там же, д. 134.

отсутствовала. Но хуже всего, без сомнения, пришлось евреям, потому что близились осенние праздники, перед которыми посещение бани является обязательным. Путём переписки с органами власти удалось найти компромисс. Были закрыты некоторые отделения бани, но город всё равно отказывался взять на себя часть расходов по её содержанию. Община предлагала даже такой выход: выплатить деньгами 50 % суммы, которую она задолжала за воду, а остальную часть долга простить, считая её субсидией магистрата на ремонт. И в этом общине было отказано.³²⁴ Когда же баня закрывалась на вынужденный ремонт, в христианской прессе появлялись обвинения евреев в особом коварстве и «борьбе с гигиеной». Особые протесты вызвало, например, закрытие бани перед католическим рождеством 1931 года.³²⁵

Баня обычно сдавалась в аренду частным лицам сроком на 5 лет. Но и им не удавалось сделать работу заведения доходной.³²⁶ Огромный скандал вокруг еврейской бани на Виленской был раздут местной прессой в 1930 году. Следственный отдел гродненской полиции установил, что предприимчивая служащая этого заведения, Хелена Почобутова, устроила здесь тайный дом терпимости. Самым отвратительным было то, что «гостей» обслуживали девочки 10-17 лет, оставшиеся без опеки родственников и средств к существованию. Некоторые из них, обнаруженные «на месте преступления», оказались больными венерическими болезнями. Почобутова, заманив и используя девочек, присваивала деньги себе, а их выгоняла. Оказалось, что арестованная только в 1929 года содержательница борделя задерживалась при аналогичных обстоятельствах по подозрению в торговле собственной дочерью, но была отпущена на свободу, когда поклялась «больше так не делать и жить отдельно от дочери».³²⁷

3 июля 1937 года баня по переулку Виленскому сгорела. Пожар начался в 13.30, его причина так и не была установлена. По всей вероятности, пожар вызвали горевшие дрова, которые из-за недосмотра выпали из-под котла. В мгновение ока огнём были охвачены деревянный помост, потолок котельной, а оттуда по крыше пламя перекинулось на здание бани. К счастью, во время пожара никто не пострадал, но баня, несмотря на усилия пожарных, сгорела дотла. Ущерб, составивший 2 535 злотых, был покрыт страховым обществом.³²⁸

На балансе общины находилась еврейская больница. На момент своего основания она была рассчитана на 60 мест, но во времена эпидемий больнице приходилось принимать до 400 пациентов, как было, например, в апреле 1920 года. Персонал в начале 20-х годов состоял из 48 человек, работавших в трёх отделениях: хирургическом, инфекционных и внутренних болезней. Больница с трудом пережила военные времена. «Гребёж, произведённый большевиками, и недостаток фондов привели к тому, что мы лишены самых необходимых медикаментов, перевязочных и наркотических средств. Мы находимся перед опасностью закрытия больницы, если не придёт какая-либо помощь», - обращались к миссии Американского Красного Креста гродненские евреи 23 декабря 1920 года. Положение было настолько серьёзным, что община просила

³²⁴ Там же, д. 17, л. 34.

³²⁵ Nowy dziennik Kresowy. – 1931. – 16 marca. – S. 4.

³²⁶ ГАГО, ф. 56, оп. 1, д. 67, л. 129.

³²⁷ Gazeta polska ziemi Grodzkiej. – 1929. – 15 grudnia.

Grodner Express. – 1929. – 16 декабря.

³²⁸ ГАГО, ф. 56, оп. 1, д. 105, л. 150.

магистрат вместо просроченной на 7 месяцев субсидии выделить хотя бы 20 пудов фасоли для питания пациентов.³²⁹

Правление общины было обеспокоено положением вокруг больницы. При сложившемся финансовом положении она не могла принимать новых пациентов. Больные питались плохо, не имели обуви и одевались в лохмотья. Нищета и голод создавали благоприятную почву для распространения эпидемий. До некоторой степени проблему предоставления врачебной помощи евреям Гродно решали работавшие при больнице амбулатория и аптека. Для совершенно неимущих посещение амбулатории было бесплатным, остальные вносили 5 марок за визит. В это учреждение приходили 800-900 больных в месяц.

Делами гродненской еврейской больницы ведал Совет. В 1929 году он состоял из 33 человек и возглавлялся Овсеем Суховольским. Для того, чтобы стабилизировать финансовое положение учреждения, совет вынужден был отдать в двухлетнюю аренду магистрату крыло здания больницы на углу улиц Бонифратерской и Ягеллогской. Там было организовано отделение инфекционных болезней городской лечебницы. В конце 20-х годов еврейская больница имела 2 отделения: хирургическое и внутренних болезней, в каждом из которых было по 30 кроватей. Благотворители оказывали больнице посильную помощь. В 1933 году Татьяна Чакторки передала Совету библиотеку и медицинские инструменты, оставленные по завещанию её отцом, доктором Генохом Замковским.

Рассказывая историю гродненской еврейской больницы, А. Троп-Криньский писал, что она основана более 100 лет назад на земле, выделенной одним из королей Речи Посполитой. Здание было построено силами всей общины в 1866 году. Только немецкая оккупация на время прервала существование этого полезного института. В этот период для всех «местных гродненцев» была создана общая лечебница. В 1919 году, когда власть в очередной раз переменялась, в польских кругах зазвучали протестующие голоса. Поляки не желали лечиться в стенах одной больницы с евреями, несмотря на то, что трое лучших врачей этого заведения были именно евреями. В ответ на это больные евреи были посажены на вozy и выдворены вместе со своими врачами обратно в здание еврейской больницы.

В 20-30 годы еврейская больница стала объектом давления со стороны польских властей. Комиссия, посетившая её 9 марта 1923 года, пришла к выводу, что «содержание трёх отделений в еврейской больнице: внутреннего, хирургического и инфекционного, рассчитанного на 100 больных, не отвечает фактическим потребностям, потому что в последнее полугодие значительно уменьшилось количество больных по причине отсутствия эпидемий в Гродно и Гродненском уезде и в инфекционное отделение редко попадают больные, требующие специального лечения».³³⁰

Для того, чтобы уменьшить расходы, считали чиновники, нужно перевести инфекционных больных-евреев в соответствующее отделение городской больницы, а общине организовать для них кошерное питание. Кроме того, комиссия признала целесообразным уменьшение количества персонала на 10 человек. Венцом постановления был заключительный пункт, предписывающий еврейской больнице стать частью городской системы здравоохранения с предоставлением городу всех зданий, оборудования и медикаментов. Документ

³²⁹ Там же, д. 6, л. 19.

³³⁰ Там же, д. 23, л. 1.

завершает ультиматум: если до 1 мая не будет сокращён персонал больницы, то субсидии магистрата больше выплачиваться не будут. Евреям пришлось согласиться.

На этом наступление на еврейскую больницу не завершилось. В начале 1934 года польские власти опять выступили с планами закрытия этого заведения. Протестуя против этого диктата, А. Троп-Криньский приводил следующие доводы в пользу сохранения status quo. «Современная медицина уверена, что результат любого лечения в огромной мере зависит от психического состояния больного. Больной должен чувствовать себя в больнице как в собственном доме с той единственной разницей, что должен чувствовать ещё и заботу о своём здоровье, и улучшение условий. Он должен иметь возможность общаться со всеми в больнице на своём родном языке. Он должен вести тот образ жизни, к которому привык. Он должен в трудные минуты находить утешение в тех традициях, в которых был воспитан, а в случае больного еврея это значит, что ему нужна еврейская больница... Замечание, что с точки зрения общегосударственной нужно стремиться к сближению всех наций государства, неверно, потому что воспитательная работа может иметь место в школе, армии, но не в лечебных учреждениях, где имеем дело с больным человеком, когда мы должны на каждом шагу беречь его физические и нравственные силы».³³¹

С финансовой точки зрения существование еврейской больницы тоже было выгодно городу. Содержание одного больного в городской лечебнице обходилось магистрату в 1200 злотых в год, а в еврейской – только 350 злотых, потому что остальные расходы брало на себя кагал. Достаточно часто звучали обвинения в том, что еврейская лечебница создаёт конкуренцию государственной. Дело в том, что это учреждение имело благотворительный характер. В нём была введена далеко идущая система скидок, так что редко больной полностью оплачивал счёт. Но всё равно находились критиканы, которые заявляли, что больничные цены завышены. Таков, например, был отзыв воеводского делегата доктора Волянского, который в начале февраля 1933 года провёл инспекцию еврейской больницы.

Нарекания инспекторов вызывал недостаточный, по их мнению, уровень квалификации медицинского персонала еврейской больницы. У некоторых медицинских сестёр отсутствовали документы о получении специального образования. Общине приходилось оплачивать их обучение на медсестринских курсах, организованных в Гродно Польским Красным Крестом. В 1938 году при еврейской больнице была открыта ординатура болезней уха, горла и носа.³³²

В планах гродненского еврейского общества было также открытие отдельного от городского хосписа для неизлечимо больных евреев. Без помощи магистрата оно не могло реализовать задуманное. В январе 1932 года городские власти получили официальное предложение участвовать в строительстве этого благотворительного заведения. «Это положение ненормально, потому что недопустимо, чтобы неизлечимо больные, которые прежде чем заболеть, тяжело трудились как полезные члены общества, были так награждены за свой долгий честный труд выброшены на улицу, когда попали в трудное положение», - писали евреи.³³³

³³¹ Там же, д. 7, л. 105-106.

³³² Там же, д. 148, л. 28 об.

³³³ Там же, д. 82, л. 47.

Еврейские сироты Гродно воспитывались в детском приюте. Там же предоставлялось питание и возможность учиться детям беднейших семей, поэтому работали два отделения: собственно приют и часть для приходящих ребят. В декабре 1920 года здесь проживали 143 ребёнка, а персонал составлял 10 человек.³³⁴ Питание было очень скудным. В рацион входили горох, рис, конина, хлеб, консервированное молоко, какао, булки и растительное масло – всё в ничтожных дозах. Бедственное положение детей обращало на себя внимание благотворителей. Например, дирекция кино «Эдем» внесла 3 882 марки в конце 1920 года.³³⁵ Война тяжело отозвалась на судьбах гродненских евреев. После отступления большевистских войск приют для сирот пришлось увеличить от 60 человек до 150, а отделение для «приходящих» полностью прекратило свою работу. По данным на 4 января 1921 года в приюте жили трое детей в возрасте от 1 до 3 лет и сто тридцать три ребёнка от 3 до 12 лет. Нищета дошла до такой степени, что их отправляли на прогулку группами по очереди в зависимости от количества обуви.

Даже в те тяжёлые времена еврейская община не забывала о том, что у детей должны быть праздники и старалась организовать для них пикник или просто загородную прогулку. Например, 9 июня 1921 года широко отмечался «Лаг ба Омер», традиционный детский праздник. Воспитанники всех еврейских школ собрались на театральной площади в 9 утра. Затем с песнями под звуки оркестра праздничная колонна, несущая флажки, направилась через улицу Доминиканскую, площадь С. Батория, улицу Бригидскую и Слободку к лесу. Там для детей были устроены игры. В 14 часов колонна двинулась обратно.

В ведении правления еврейской общины находился дом престарелых. По данным на декабрь 1920 года, здесь было 89 обитателей: 40 мужчин, 43 женщины и 6 человек персонала.³³⁶ Бюджет этого заведения подпитывался за счёт благотворителей и завещаний, но основное бремя расходов несла община. Война существенно увеличила количество престарелых евреев, не имевших средств к существованию. Было много военных инвалидов, погорельцев. Около 2 000 жителей 400 домов на Форштате лишились крыши над головой летом 1920 года. Магистрат, который до войны оплачивал отопление и ремонт здания, отказал общине в помощи из-за дефицита в собственном бюджете.

В первой половине XX века кагал продолжал координировать благотворительную работу евреев. Среди такого рода организаций было общество «Линас гацедек». Оно обеспечивало бедных больных, которые по тем или иным причинам не могли обратиться в больницу и амбулаторию за бесплатной врачебной помощью и медикаментами. Таким видом помощи пользовались в месяц 300-350 человек. Персонал состоял из добровольцев. «Дамен резайв» (Кружок еврейских женщин) обеспечивал неимущих людей, выписавшихся из больницы, продуктами питания. Им выдавали хлеб, суп, вино, молоко. В то время, когда город находился в руках большевиков, это общество прекратило работу. Это обстоятельство огорчало правление общины. Потребность в такой работе существовала, но финансов для восстановления «Дамен резайв» у гродненских евреев не находилось.

Под патронажем гродненского кагала находились народная кухня, экономический ресторан и пекарня. Народная кухня была основана в 1896 году для обеспечения беднейшего населения города бесплатными обедами. Эти

³³⁴ Там же, д. 6, л. 42.

³³⁵ Там же, л. 60 об.

³³⁶ Там же, л. 43 об.

обеда состояли из бульона или каши. До прихода к власти большевиков кухня готовила в день до 1 500 обедов. При советской власти это полезное благотворительное учреждение прекратило свою деятельность, но в начале 20-х годов вновь приступило к работе. Правда, теперь кухня была в состоянии обслуживать только 800-850 человек в день. Она находилась в том же самом помещении более 10 лет безо всякого ремонта. Санитарно-гигиенические нормы нарушались, но переселиться в другое здание за свои скудные средства экономическая кухня не могла и просила поддержки у магистрата.³³⁷

Постоянной заботой кагала было обеспечение кошерным питанием с кухни солдат и заключённых еврейской национальности, по крайней мере, в праздничные дни.³³⁸ Ежегодно перед Песахом община выделяла деньги «на мацу для бедных», оказывала им другую материальную помощь для подготовки к празднику. Дорого обходились организация летних лагерей отдыха для детей еврейских бедняков и систематические отчисления «на палестинские цели» (поддержка колонистов на Святой Земле, организация курсов подготовки для будущих эмигрантов)³³⁹.

Жертвам Первой мировой войны оказывал помощь Воеводский союз еврейских инвалидов, вдов и сирот военных, имевший гродненское отделение. В 1937 году в нём числились 65 человек. Положение их было поистине незавидным. Незначительная часть этих несчастных получала пенсию, которой едва хватало на покрытие самых необходимых расходов. Примерно четверть из их числа утратила трудоспособность более чем на 25 %. Социальная политика польского правительства оставила эту категорию граждан без поддержки. Согласно закону, с 1 апреля 1934 года прекратилась выплата пенсий инвалидам войны с неполной потерей трудоспособности, для остальных категорий рента существенно понижалась. Они, как правило, не имели профессий и не могли исполнять тяжёлую физическую работу и поэтому попросту голодали. Союз не имел средств для помощи этим несчастным, членских взносов хватало только на спорадически проводимые мероприятия. Вследствие этого Союз выступил в конце 1937 года с инициативой создания ссудной кассы и приглашал к участию городские власти.³⁴⁰

Экономический ресторан помогал пережить трудные времена обедневшей еврейской интеллигенции. Здесь можно было получить за минимальную плату бульон, кашу и мясо. До советско-польской войны 1919-1920 годов экономический ресторан посещали каждый день приблизительно 600 человек. Советские солдаты конфисковали не только припасы, но и оборудование кухни, из-за чего её деятельность была остановлена. После восстановления мира в 1920 году ресторан открылся вновь, но масштабы его деятельности сократились.

Еврейская община содержала пекарню, в которой выпекался кошерный хлеб. Отсюда он бесплатно поступал на столы бедняков. Отчёт общины отмечал, что с технической стороны пекарня устроена образцово и является одной из лучших в городе. Хлеб отличался не только качеством, но и дешевизной, что способствовало установлению здоровой конкуренции. Пекарня являлась, пожалуй, единственным общинным институтом, основанным на самоокупаемости и не требовавшим помощи.

³³⁷ Там же, д. 49, л. 113.

³³⁸ Там же, д. 6, л. 333, 366; д. 28, л. 96; д. 56.

³³⁹ Там же, д. 82, л. 31 об.

³⁴⁰ Там же, д. 150, л. 51.

Продолжала деятельность ссудная касса, которая давала деньги под залог имущества. Устав этой организации был утверждён в 1891 году, она размещалась в здании талмуд-торы. Начальный капитал (4 000 рублей) был пожертвован потомственным почётным гражданином Лейзером Брегманом.³⁴¹ В первой половине XX века активную работу развернули еврейские кооперативы. Их деятельность также была направлена на облегчение участи бедных. Кооператив «Шаар хошра», рабочий кооператив с несколькими филиалами не только организовывали дополнительные рабочие места, но и производили недорогие товары повседневного спроса. Для своих работников они заводили ссудные кассы, рабочие рестораны, хлебопекарню, клуб.³⁴²

В межвоенный период гродненские евреи по-прежнему оставались торговцами, а также мелкими и средними производителями. На площади С. Батория находился магазин Винника, где продавались модные тогда патефоны и радиоприёмники. Рядом располагалась лавка Кремера, где можно было приобрести краску.³⁴³ Еврейские магазинчики работали буквально с утра до ночи, часто до времени, когда с улиц исчезали последние прохожие. Крупные капиталисты, число которых было незначительно, поддерживали контакты с зарубежными партнёрами. Из документов архива известно, что в мае 1933 года в Палестину с коммерческими целями отправился приказчик Абрама Лифшица Израиль Антополь.³⁴⁴

В конце 30-х годов еврейскую общественность Гродно особенно волновало распространение национал-социалистического движения в Германии. Благодаря личным контактам, чтению зарубежной и польской прессы евреи Гродно знали о некоторых мероприятиях гитлеровской власти, направленных против их собратьев из этой страны. Сведения доходили противоречивые и тревожные. Гродненская еврейская община принимала участие во всевозможных общественно-политических акциях, направленных на осуждение фашизма. Составлялись воззвания, собирались подписи, публиковались статьи.

Перед лицом агрессии гродненские евреи вспомнили слова пророка Иереми: «Вносите вклад в процветание страны своего изгнания и молитесь за него Богу, потому что его процветание – это и ваше процветание». Совет и Правление общины на заседании 1 апреля 1939 года вынесли решение отчислить на нужды противовоздушной обороны 1 000 злотых, в фонд Народной обороны 500 злотых.³⁴⁵ Но только летом 1939 года гродненцы действительно ощутили дыхание приближающейся войны. Реальная угроза положила конец долгой дискуссии об отношении евреев к польскому государству, о том, являются они гражданами Польши или своей потерянной родины Палестины. Они были с Польшей и спешили на деле доказать это. 8 августа 1939 года гродненская еврейская община выделили 20 000 злотых на покупку самолёта для польской армии.³⁴⁶

³⁴¹ Там же, д. 18, л. 1.

³⁴² Там же, д. 6, л. 88-93.

³⁴³ Bojarski J. С. 233.

³⁴⁴ ГАГО, ф. 56, оп. 1, д. 103, л. 78.

³⁴⁵ Там же, д. 156, л. 23.

³⁴⁶ Там же, д. 164, л. 10.

Иосиф Збар
Михаил Кемеров

ОБЩИНА В 1930 ГОДУ

В июне 1930 года собралось правление Гродненской еврейской общины. Обсуждали обращение “Гродненского союза эмигрантов” в Америке, которое было опубликовано в нью-йоркской газете на идише “Форвертс” и перепечатано 17 июня 1930 года “Гродненским экспрессом” (№ 138). Правление Общины не согласилось с этим воззванием и постановило отправить следующее письмо в редакцию “Форвертса”.

Гродно, 10 августа 1930

В редакцию газеты “Форвертс”, Нью-Йорк

Уважаемая редакция!

В местной газете “Гродненский экспресс” мы познакомились с воззванием “Гродненского союза эмигрантов” к землякам, проживающим в Америке, которое ранее было опубликовано в вашем издании. В этом обращении гродненцев в Америке призывают материально поддержать три существующих в нашем городе учреждения: еврейскую школьную организацию, общество ТОЗ¹ и больницу.

Это воззвание способно создать у наших земляков в Америке впечатление, что только упомянутые выше организации заслуживают того, чтобы получить материальную помощь. Община как единственный представитель всего еврейского населения города Гродно, вне зависимости от партийной принадлежности её членов, считает своим долгом довести до сведения наших земляков полный перечень существующих в старом родном городе организаций. Каждая из них выполняет важные функции в жизни нашей Общины и заслуживает, чтобы её материально поддерживали.

Благотворительная помощь:

Дом сирот, где содержатся 150 детей, мальчиков и девочек. Кроме того, он оказывает помощь на дому нескольким десяткам сирот в городе;

Дом престарелых, где находятся 110 пожилых евреев, которые обеспечиваются всем необходимым;

больница при Общине на 60 коек с отделениями внутренних болезней и хирургическим. Большинство пациентов обслуживаются бесплатно или за минимальную плату;

поликлиника, в течение года обслуживает тысячи больных бесплатно.

Общество ТОЗ. Проводит большую работу по охране здоровья еврейского населения, руководит следующими учреждениями:

консультация для беременных женщин;

детская консультация, где регулярно проходят медицинский осмотр как больные, так и здоровые дети;

“Капля молока”, где бесплатно дают питание для грудных детей;

пункт, где больные туберкулёзом получают консультации;

“Школьная медицина”. Учащиеся систематически обследуются врачами;

¹ ТОЗ — Товарищество охраны здоровья.

зубная клиника для детей от 2 до 16 лет;

кабинет электропроцедур;

детские лагеря;

“Народная аудитория”, где читают лекции об охране здоровья;

“Линат ацадек”. Деятельность этого общества широко известна во всех уголках диаспоры. Сотни больных получают помощь на дому и обеспечиваются лекарствами.

Другие виды помощи:

Общество ОРТ² со следующими организациями:

ремесленное училище для 100 девочек, которых обучают шитью (мужская и дамская одежда);

помощь еврейским огородникам, которым выдают минеральные удобрения, семена, организуют продажу их продукции.

“Спасательный комитет”, где еврейские мелкие торговцы и ремесленники, сильно пострадавшие от кризиса, могут получить беспроцентную ссуду, что позволяет им содержать семьи и обойтись без “Цдаки”.³

Культурные и учебные заведения:

школа “Талмуд Тора” № 1 при Общине, где занимаются 500 мальчиков и девочек и наряду с еврейскими науками проходят и светские по программе правительственных школ;

школа “Явне” с религиозным направлением, около 400 человек. Светские науки проводятся по программе правительственных школ;

“Торат Эмет” — религиозная школа для 194 мальчиков.

Гродненское отделение сионистского общества “Тарбут” в Польше руководит следующими образовательными и воспитательными заведениями (язык преподавания — иврит):

две начальные школы в городе и одна в занеманской части, занимаются по программе правительственных школ;

гимназия;

семинар для подготовки учителей еврейских школ;

летние лагеря для детей на время каникул;

детский сад;

Всего в учебных и воспитательных учреждениях общества “Тарбут” занимаются свыше 900 ребят в возрасте от 4 до 24 лет.

Учебные и воспитательные учреждения с преподаванием на идише:

четыре класса в еврейской народной школе;

детский сад, 200 детей;

школа “Талмуд Тора” № 2 в занеманской части города с религиозным направлением, где обучаются более 100 мальчиков;

иешива “Шаар аТора” — высшее религиозное учебное заведение, которое готовит раввинов и других работников культа. Обучаются несколько сот юношей.

Библиотеки:

библиотека при Общине с большим количеством книг на иврите и идише;

библиотека имени Бренера при Сионистском центре, книги на иврите и идише.

Ремесленные училища:

² Цдака — с иврита и идиша “милостыня”, “подавание”.

³ ОРТ — Общество распространения труда.

училище при Общине с отделениями слесарей-механиков и столяров-мебельщиков, где обучаются до 100 юношей. Язык преподавания — идиш.

Спортивные организации, где несколько сот молодых людей занимаются различными видами спорта — легкой атлетикой, футболом, греблей, велосипедным и другими:

“Маккаби”;

“Фрайайт”;

“Моргенштерн”

Это основные еврейские организации нашего города, которые заслуживают внимания наших земляков, где бы они ни находились.

С уважением,

Председатель Правления доктор Н. Нейман

Секретарь А. Шулькес

Этот документ — один из многих протоколов Правления Общины (с мая 1915 по 20 августа 1939), сохранившихся в Государственном архиве Гродненской области. В нём ничего не сказано о синагогах и молитвенных домах, которых в городе над Неманом было около сорока. Дело в том, что они работали отдельно от Общины и обеспечивались из средств прихожан.

Протокол заседания и письмо написаны на идише и скреплены печатью. На ней изображён “щит Давида” и надпись “Правление Общины в Гродно” на польском и иврите. Община объединяла религиозных и неверующих евреев, сторонников различных партий — ревизионистов, “аШомер аЦаир”, социалистов, бундовцев и других. Она представляла интересы всего еврейского населения города.

Доктор Н. Нейман и А. Шулькес, как и 29 тысяч гродненских евреев, сгорели в огне Катастрофы. 12 марта 1943 года нацисты объявили город “юденсфрай” (“свободным от евреев”). Так исчезла богатая историей и традициями и знаменитая своими раввинами, учеными, поэтами Гродненская еврейская община.

Михаил Кемеров

ГРОДНЕНСКИЕ СИНАГОГИ

Известно, что для религиозного еврея синагога — это не только дом молитвы, но также место собраний и учения. Сердце синагоги — это свитки Торы, самой важной книги нашего народа.

В Гродно, который на протяжении многих лет считался одним из духовных центров литовского и польского еврейства, в начале двадцатого столетия было 43 синагоги. Об этом свидетельствуют документы, хранящиеся в Госархиве Гродненской области. Ниже приводится список синагог Еврейской религиозной общины Гродно, составленный 1 апреля 1932 года в ответ на запрос санитарного отдела магистрата¹.

№ п/п	Название синагоги	Адрес	Имя, фамилия и адрес администратора
1	Бейт Хакнесет Хагодоль	Раб. Нохума, 2	Хоной Лейб Цыпер, ул.Крива, 28
2	Хевро Шас	Раб. Нохума, 2	Самуэль Биргер, Переца
3	Киржнер	Раб. Нохума, 2	Шварц Гирш, Виленска, 10
4	Халвойас Хамейс	Раб. Нохума, 2	Мойжеш Панчош, Рынкова, 16
5	Бейт Хамедреш Хагодоль	Раб. Нохума, 4	Шмайя Любич, Св. Троицы, 16
6	Клойз	Левьуша, 2	Давид Ахун, Менска, 31
7	Хевро Мишнайт	Раб. Нохума, 4	Шамай Лимони, Городничанска, 11
8	Хевро Тхилим	Левьуша, 2	Хешель Любич, Клашторна, 14
9	Хевро Медреш	Кравецка, 41	Ицхок Браверман, Кравецка, 31
10	Хасидим	Левьуша, 3	Вельвель Шниткес, Бригидска, 4
11	Васерфирер	Рынкова, 5	Беньямин Шидельски
12	Кацовим	Гварна, 2	не предоставлено
13	Хайей Одом Хеходош	Крива, 7	Бер Фридман, Крива, 7
14	Поалей Цедек	Крива, 14	Янкель Корович, Белостоцка, 6
15	Альших	Крива, 13	Гирш Шулькес, Крива, 13
16	Шомер Эмуним	Кравецка, 6	Арон Пресс, Мыдьяна, 6
17	Хайотим	Мокра, 4	Иозеф Лapidус, Доминиканска, 1
18	Хайей Одом Хагодоль	Переца, 15	Гирш Фарбер, Св. Троицы, 11
19	Шульхан Арух	Юриздыка, 51	Абрам Хофман, Низка 13
20	Лейб-Арье	Клашторна, 5	Мойжеш Збар, Мещанска, 10
21	Закхайм	Доминиканска, 8	Мойжеш Корин, Плебанска, 12
22	Брегман	Мещанска, 3	Абрам-Гилель Нахбе, Бонифратерска, 3
23	Баалей Аголот	Мещанска, 8б	Хенах Гинзбург, Прохова, 11
24	Рабонис	Мещанска, 5	Якуб Любич, Бригидска, 3
25	Мордхелевич	Сенны рынок, 7	Азриэль Мордхелевич, Сенны

			рынок, 7
26	Глезер	Мостова, 31	Гилель Хешес, Мостова, 31
27	Эйн-Якуб	Смольна, 4	Абрам-Лейб Бурде, Смольна, 4
28	Магид-Мишне	Подгурна, 4	Израель Матус, Подгурна, 4
29	Калецки	Трацка, 4	Гилель Шварц, Плебаньска, 12
30	Раби Элияху	Подольна, 26	Шлома Литман, Подольна, 43
31	Вейсбрем	Подольна, 17	Гирш Ковальски, Подольна, 14
32	Орах Хаим (хоральная)	Витольдова, 14	Шмуель Зеликович, Народова, 7а
33	Фрумкин	Врублевского	Файвел Готкин, пер.Врублевского, 12
34	Курляндски	Злотарска, 2	Арье Бехер, Злотарска, 2
35	Кульбацки	Бонифратерска, 16	Арон Фрейдович, Бонифратерска, 7
36	Слободка	Скидельска, 3	Вольф Рыбак, Скидельска, 3
37	Прудовски	Прохова, 11	Мордух Прудовски, Прохова, 11
38	Грандицки	Скужана, 4	Зелик Сидельски, Грандицка, 19
39	Гиршхорн	Ожешковей, 47	Янкель Шкларовски, Ягеллонска, 48
40	Бейт Хакнесет Хагодоль	Божнича, 51	Арон Орлович, Уланьска, 14
41	Кнесет Израель	Уланьска, 10	Якуб-Пинхос Рубинштейн, Уланьска, 10
42	Хайошон-Хеходош	Божнича, 53	Лейб Танкус, Лева Надбжежна, 23
43	Хайей-Одом (предмесье)	Бажнича, 49	Шолом-Изак, Божнича, 49

ГРОДНЕНСКОЕ ГЕТТО

В ночь с 22 на 23 июня 1941 года гитлеровцы углубились на нашу территорию с запада. Части 3-й армии под командованием генерал-лейтенанта в.и. Кузнецова вынуждены были покинуть Гродно.

Уже в первые дни хозяйничанья захватчики показали своё звериное лицо. В первую очередь они накинлись на партийных и советских активистов, начали расправляться с лучшими представителями интеллигенции. Велась бешеная антисемитская кампания. Лица еврейской национальности преследовались. Все они с 16 до 60 лет были включены в систему принудительных работ в пользу германских властей безо всякой оплаты.

Евреям было запрещено появляться на рынках, ходить по тротуарам. Они могли перемещаться только по правой стороне проезжей части улиц и по одному, должны были снимать головные уборы при встрече с немцем в мундире. Первоначально на левой руке евреи должны были носить белую ленту с голубой шестиконечной звездой, потом заменённой на жёлтые “латки” со звездой, которую пришивали к одежде на груди и на спине.

Вскоре после оккупации города полевая комендатура возложила на бывшего директора гимназии “Тарбут” доктора Бравера обязанность формирования “юденрата” (еврейского правления) из 10 человек. Правление было составлено в соответствии с расстановкой партийных сил в гродненской еврейской общине до сентября 1939 года. В состав “юденрата” вошли Бравер (председатель), адвокаты И. Гожанский и А. Задай, бывшие купцы А. Лифшиц и Я. Эфрон, промышленник О. Косовский, бывший заместитель бургомистра города Е. Суховлянский, Ц. Тарловский, раввин Берман и врач Ш. Бык. В дальнейшем “юденрат” был увеличен до 24 человек путём кооптации.

В начале июля в Гродно прибыла группа гестаповцев. Под угрозой экзекуции нацисты потребовали представления списка наиболее авторитетных евреев. По нему фашисты вывезли и расстреляли 80 представителей еврейской интеллигенции. Среди первых жертв фашистского самоуправства были учителя бывшей коэдукационной гимназии (СШ № 9 в 1939-1941 годах), историк Г. Величкер, математик М. Каминский, выдающийся скрипач и педагог, выпускник Варшавской консерватории И. Вигдорович, адвокаты М. Гликфельд, Р. Лобман, раввин М. Розовский и много других.

В конце сентября евреи были выселены из своих квартир на центральных улицах города (теперь Советская, Ожешко, К. Маркса, Кирова и др.). 1 октября оккупационные власти объявили о создании для евреев двух гетто. Первое находилось в квадрате улиц Замковая – О. Кошевого – Виленская – Советская, исключая дома вдоль улиц с обеих сторон. Центральный вход в гетто № 1 был с улицы Замковой. Гетто № 2 размещалось в квадрате улиц проспект Космонавтов – Лидская – Белуша – Антонова (бывшая “Слободка”). Вокруг обоих гетто накануне переселения туда евреев были сделаны заграждения из колючей проволоки, вход в гетто осуществлялся только через одни ворота, которые охраняли жандармы и гестаповцы. За самовольный выход из гетто угрожали расстрелом на месте или наказанием через повешение.

2 ноября с 12 до 18 часов все евреи были обязаны переселиться в гетто, иметь при себе только то, что можно было довести на тачке, детской коляске или вынести на себе. Все ценные вещи, лучшая одежда, а также мебель

конфисковывались. На очень ограниченную территорию гетто № 1 фашисты согнали около 15 тысяч человек, а в гетто № 2 – около 10 тысяч. Гитлеровцы считали достаточными для проживания 1 квадратный метр жилплощади на человека.

Начальником гетто № 1 стал известный палач, садист и убийца гестаповец Курт Визе. Его руки запачканы кровью десятков тысяч жертв – женщин, детей, стариков – людей не только еврейской, но и других национальностей, которые проживали на территории Белостокского округа. Другим гетто распоряжался такой же палач, человеконенавистник и убийца Отто Стреблев. Подчеркнём, что организаторами, руководителями, активными участниками и исполнителями преступлений в Гродно были фон Плетц – поветовый комиссар, Эрелис – шеф гестапо, Шоп – его заместитель, Шедель – председатель тюрьмы и др.

После того, как еврейское население было сконцентрировано в гетто, несколько улучшилось состояние безопасности его жителей. Тем не менее, террор и убийства не останавливались. В первую очередь началась охота на коммунистов и комсомольцев. Тогда были схвачены и уничтожены учительницы Капланская и Мельцер, уважаемый в народе фельдшер Ю. Шафранский, комсомолец Ш. Аркин и другие. Затем арестовали и расстреляли каждого, кто слушал советское радио. Фашисты старались во что бы то ни стало изолировать узников гетто от внешнего мира, лишить их последней надежды на выживание и возможности сопротивления. Кроме того, убийства евреев безо всяких оснований стали обычным делом.

Под угрозой экзекуции немецкие власти заставляли “юденрат” представлять в виде контрибуции вещи повседневного употребления, тёплую одежду, ювелирные изделия, которые удавалось внести в гетто различными путями. В гродненское гетто начали проникать слухи о зверствах фашистов над еврейским населением в других городах, о погромах и расстрелах в местечках. Естественно, что всё это вызывало необходимость в сношениях с жителями ближайших населённых пунктов. Под угрозой смерти евреям было запрещено ездить по железной дороге и пользоваться автомобильным транспортом. Чтобы преодолеть этот барьер, приходилось добывать документы на арийские фамилии. В конце октября 1941 года некоторым молодым людям гродненских гетто, рискуя жизнью, удалось побывать в Вильно и других местах. Там они узнали об акциях, проведённых гитлеровцами, в частности, о массовом уничтожении людей в Папарах около Вильно. Председатель “юденрата” доктор Бравер и некоторые другие не поверили в это. Но доходившие в гетто всё новые и новые сведения о преступлениях фашистов во многих городах и местечках Беларуси заставляли беспокоиться о будущем, искать выход из тяжёлого положения. Всё это наводило на мысль об организации сопротивления фашистским захватчикам. Занялась этим в первую очередь еврейская молодёжь разных политических направлений и организаций.

По сведениям оставшихся в живых узников гетто и архивных документов, начиная с 1 ноября 1941 года, гитлеровцы приступили к насильственному вывозу узников гетто в большинстве местечек не только Гродненского повета, но и близлежащих к нему территорий других поветов Белостокского округа. Их отправляли в лагеря смерти Трешлинку и Освенцим. Фашисты хотели скорее ликвидировать многочисленные маленькие гетто, на охрану которых требовались большие силы полиции и жандармерии. А они очень нужны были для других целей – участия в карательных акциях, отправки на фронт.

Однако железная дорога в это время получила дополнительную нагрузку: вермахту было нанесено поражение под Сталинградом, одно из самых сильных в той войне, туда срочно направлялись новые подкрепления живой силы и техники, а с фронта шли многочисленные эшелоны с ранеными. Для отправки узников гетто не хватало транспорта. Поэтому орудовавшим здесь фашистам пришлось создать пять транзитных лагерей, один из которых был размещён в Колбасино, в бывшем лагере советских военнопленных. В своих документах оккупанты называли его “промежуточный лагерь в Лососно”. К началу декабря сюда были доставлены около 10 тыс. человек из гетто сельской местности Гродненского повета (Лунно, Скиделя, Озёр, Поречья, Сапоцкина, Голынки, Каменки) и свыше 14 тысяч человек из гетто прилегающих территорий (Домброва, Янова, Нового Двора, Суховоли, Сокулки, Сидра, Кузницы, Корицына, Крынок, Ратницы) и пять тысяч из гетто в Гродно – всего около 30 тысяч человек.

Когда люди прибывали в лагерь, гестаповцы инсценировали у его входа дебош и тут же “наводили порядок”, устраивая массовое избиение женщин (их сгоняли в лагерь отдельно), отнимали всё, что могло им понадобиться. Мужчин озверевшая солдатня избивала с особой жестокостью. Пример показывал сам комендант лагеря, садист Карл Ринтцнер. Мужчин загоняли в изолированные друг от друга бункеры (землянки). Они не имели права встречаться с членами своих семей, с заключёнными других бункеров.

Ежедневно на территории лагеря появлялся сам Ринтцнер, он избивал всех, кто попадался ему под руку из числа жителей гетто. Избивал, расстреливал и этим похвалялся в своём окружении. Любил поиздеваться над молодыми женщинами, заставлял их руками убирать нечистоты, складывать под одежду на грудь и относить на свалку.

Узники лагеря получали по 150 граммов хлеба и похлёбку из остатков гнилой капусты. Не удивительно, что среди них скоро начались эпидемии дизентерии и тифа и, как результат, массовая смертность и самоубийства. Однако Ринтцнер считал, что этого мало. Поэтому он выводил из бункера людей, прежде всего представителей интеллигенции, и расстреливал на глазах у других, в среднем 30-40 жертв за день в ближайшем лесу.

В соответствии с распоряжением гестапо в лагере Колбасино также был организован “юденрат”. Чтобы усыпить бдительность людей, Ринтцнер объявил представителям “юденрата”, что зимовать в этом лагере из-за холода и болезней нельзя. Поэтому придётся переехать на новое место жительства, где будут якобы созданы нормальные условия для жизни и работы. Это был дьявольский план, рассчитанный на наивную веру измученных и обессиленных людей, что они всё же выживут.

В середине декабря 1942 года заключённых Колбасино стали направлять в лагерь смерти. Гитлеровцы разработали точную процедуру своей акции. Ночью в условиях бурана и сильного мороза их пешком гнали на железнодорожную станцию Лососно. При этом Ринтцнер заставлял своих жертв петь еврейскую песню “Идл митн фидл” (“Еврей со скрипкой”). Старых и больных, которые отставали, расстреливали. На станции заключённых запикивали в битком набитые товарные вагоны, и поезда отвозили в последний путь мирных, ни в чём не повинных людей. В Треблинку транспорт прибывал на следующий день, в Освенцим – через 2-3 дня, а там жертв с ходу отправляли в крематорий.

За одну неделю лагерь в Колбасино почти опустел. Оставшихся около 3 тысяч человек по приказу гестапо вернули в Гродно. Окровавленные,

обмороженные, избитые люди прибывали в гетто № 1. Тут старались облегчить муки этих людей, однако всё же многие из них через несколько дней умирали.

Преступления нацистов в отношении евреев гродненских гетто заставили многих искать выход из такого ужасного положения. Встал вопрос о создании сопротивления фашистам. В январе 1942 года в гетто № 1 была создана подпольная антифашистская организация. Прошёл год с момента изоляции гродненских евреев в гетто. За это время, привыкнув к очень тяжёлым условиям жизни, узники не теряли надежды на лучшее будущее. Они считали, что переживут лютого врага, который должен быть разбит Красной Армией. Но осенью 1942 года в гетто начали распространяться упорные слухи о том, что фашисты собираются отослать гродненских евреев куда-то на работы. Эти слухи подтвердились.

В ночь с 31 октября на 1 ноября 1942 года, в годовщину основания гетто в Гродно, его жители были разбужены стрельбой. Гетто окружили эсесовцы, вооружённые автоматами и пулемётами, усилили охрану. Утром никого из гетто не погнали на работы. На исходе дня стало известно, что гитлеровцы выгнали евреев из ближайших местечек повета и под вооружённым конвоем отослали в Колбасино. стало также известно, что евреи из местечка Мартинконцы (в 40 км от Гродно) оказали сопротивление оккупантам, многие убежали в лес, оставив при этом 132 человека убитыми.

4 ноября 1942 года в гетто № 2 объявили, что часть его жителей будет направлена в рабочие лагеря в Верхней Силезии. Было отмечено, какие вещи можно взять с собой (праздничный костюм, зубную щётку, щётку для чистки одежды и обуви), хотя хорошо знали, что их у узников нет. Включили на полную мощность освещение гетто. Жители города нееврейской национальности были предупреждены, что за укрывательство евреев угрожает смертная казнь. Причём это была не просто угроза. Гитлеровцы безжалостно расправлялись с теми, кто прятал евреев. Так, они расстреляли Яскеlevича Ипполита и его жену Марию, которые проживали на хуторе Яскеlevичи Гродненского повета за то, что они прятали евреев, убежавших из гетто. Рабочий города Гродно Николай Уминский был расстрелян за укрывание своей жены еврейки. Многим сбежавшим из гродненских и других гетто спрятаться от преследования было очень тяжело. При чём беглецы плохо знали сельские условия жизни, не имели оружия и опыта подпольной борьбы. Поэтому в большинстве своём они становились лёгкой добычей фашистских гарнизонов и полиции из числа местных предателей. В архивных документах фонда “Гродненский поветовый комиссар” находились доносы жандармских постов о расправе над бежавшими из гетто людьми. В доносах не было фамилий расстрелянных, их пола, возраста, но указывались сведения о скрупулёзно подсчитанных до пфенинга отнятых деньгах, вещах, ценностях. Вот выдержка из одного из таких доносов:

Жандармским постом в Жидомле конфисковано 1 352.42 рейхсмарок.

Жандармским постом в Жидомле конфискованы четыре пары часов ценностью 25 рейхсмарок.

Жандармским постом в Вертелишках конфисковано 35 рейхсмарок. Всего 1 412.42 рейхсмарок...

Однако вернёмся к событиям, которые разворачивались в гетто Гродно и вокруг него. Тут царили самоуправство и вандализм. В день годовщины Октября, 7 ноября 1942 года, начальник гетто № 1 Курт Визе приказал повесить троих: Пренскую, Друкер и Шпиндлера за самовольное оставление лагеря,

причём Шпиндлер был повешен за то, что знал и не донёс о выходе из гетто знакомых.

При исполнении экзекуции Визе с присущим ему садизмом и в порядке “поучения” за нарушение режима гетто заставил присутствовать всех членов “юденрата”, а Браверу, его председателю, приказал поставить на место наказания табуретку. Но палач Визе, выбив табуретку из-под осуждённых, никак не ожидал, что в последнюю минуту жизни Пренская плюнет ему в лицо. Вспоминает С. Жуковский: “Часто в гетто приходил гестаповец Курт Визе. Как я помню, ему было тогда примерно 30 лет. Худощавый, высокого роста. Видел его в форменной одежде. Мы, заключённые, знали его как коменданта нашего гетто.

О злодеяниях Визе Курта могу пояснить следующее. 7 ноября 1942 года, как раз в праздник Октябрьской революции, он повесил трёх заключённых гетто – торговца пуговицами Шпиндлера, парикмахера Друкнера и портниху Пренскую. Казнь совершалась публично на территории гетто на улице Переца. Петля была прикреплена к рельсам балкона одного из домов, в котором находилась раньше пекарня. Я видел, как Визе Курт надел петлю на шею Пренской, при этом она плюнула вешателю в лицо, после чего Визе Курт её повесил.

Осенью 1942 года я вместе с другими заключёнными увидел у входа в гетто убитого человека по фамилии Слеп. Рядом стоял улыбающийся Визе Курт. От его руки погибли также Бравер – председатель самоуправления гетто № 1, его заместитель Исаак Гожанский, Лия Шиейн-Бабун, учительница Мельцер, аптекарь Сарнадский...

Визе Курт принимал непосредственное участие в уничтожении учителей и адвокатов польской национальности. Он расстреливал медицинский персонал и больных в больнице гетто. Под его руководством расстреливали людей и за городом.”

9 ноября нацисты перевели из гетто № 2 в гетто № 1 большое количество специалистов. Так началась ликвидация второго гетто. Она прошла в два этапа. В ночь на 14 ноября около 1600 человек, среди которых старики, женщины, грудные дети, под проливным дождём, сопровождаемые стрельбой, лаем овчарок, были отправлены на товарную станцию Гродно и загнаны в вагоны. Оставшийся в живых. Фрейлихман затем сообщил, что транспорт находился в дороге трое суток. Ни воды, ни еды в дороге не давали, конечный пункт – Освенцим. Там всех загнали в газовые камеры и отравили, трупы сожгли в крематории. В ночь на 21 ноября были вывезены ещё 2 400 человек. Они разделили судьбу своих братьев и сестёр. Таким образом, гетто № 2 было ликвидировано. В гетто № 1 до этого времени находилось в заключении свыше 17 тысяч человек. Теснота в лагере была невыносимая. В конце ноября палачи приступили к ликвидации и этого гетто. Схема проведения каждой акции заключалась в том, что поздней ночью, с немецкой точностью, жертв сгоняли во двор большой синагоги и под конвоем гнали на станцию Лососно или в промежуточный лагерь в Колбасино. Возглавляющему колонну нацисты надевали на голову горшок с колокольчиками. Идущего рядом с ним заставляли бить в барабан, а известный скрипач Скибельский должен был играть на скрипке еврейскую народную мелодию. Под эту “музыку” Визе гнал свои жертвы на смерть.

Первый транспорт из гетто № 1 количеством до 2 тысяч человек был отправлен в конце ноября 1942 года. Скоро второй (3 тысячи человек) – с

“музыкой” вступил на территорию Колбасино. На результаты “точной” работы пришли посмотреть все высшие сановники рейха в Гродно – Эрелис, Шоп, садист и убийца Стреблев, комендант лагеря в Колбасино, преступник Ринтцнер. Все они остались довольными и высказали благодарности палачу Курту Визе, начальнику гетто № 1.

На еврейскую проблему, точнее, результаты деятельности, единства взглядов у оккупационных властей города и повета не было. Предприниматели и в некоторой степени государственная администрация высказывали мысль, что с полной ликвидацией гетто № 1 в Гродно торопиться не стоит, проводить её нужно поэтапно, с учётом интересов производства на предприятиях. Поветовый комиссар Эрелис в своём письме обер-президенту Белостокского гражданского управления 9 декабря 1942 года писал: “В гетто № 1 по состоянию на сегодняшний день находятся 12 418 евреев, в основном ремесленников, которые были распределены на маленькие отряды из-за ограниченных возможностей транспорта... Нецелесообразно сразу брать евреев с предприятий, потому что всё производство находится в руках евреев”.

В том же письме предлагалось: “Чтобы получить необходимый человеческий материал вместо выбывших евреев, необходимо выполнить по ходу дела большую операцию по переселению. Человеческий материал может прибыть только с ближайших территорий.”¹

В следующем документе от 10 декабря того же 1942 года предлагалось “человеческий материал” взять из сельской местности, за счёт малоземельных крестьян, выселения с лесных хуторов и деревень и отправления их в бывшие гетто”, что они широко практиковали.²

В гестапо, жандармерии и других карательных органах планировали разрешить “еврейскую проблему” по-своему. Они торопились покончить с гетто в Гродно и начали готовить грандиозную акцию в отношении оставшихся в живых заключённых. Нацисты захватили картотеку статистического отдела “юденрата” и на её основании составляли списки людей, которые подлежали отправке в крематории. Из письма поветового комиссара известно, что в гетто находились в это время 12 418 человек. Под диктовку фашистов “юденрат” должен был написать призыв, что попытки побега из гестапо или укрывательства бесперспективны, а чтобы избежать эпидемии, нужно очистить территорию гетто от жителей. Было сказано, что население гетто отправляют в трудовые лагеря, где они встретятся со своими ранее вывезенными родственниками и знакомыми, и там будут созданы нормальные условия для их жизни и работы. Это был циничный обман.

18 января 1942 года в Гродно стоял сильный мороз. До вечера приход Визе и его подручных в гетто сопровождался интенсивной стрельбой. На улицах падали первые жертвы этой акции. Люди в панике скрывались в убежищах, но спастись было практически невозможно. Со списками в руках полиция выгоняла людей из квартир и “малин” (тайники) всех без разбора – и старых, и молодых.

На сборный пункт во двор большой синагоги они загнали 1 700 человек. На протяжении следующих 4-х суток – 19, 20, 21, 22 января – из своего жилья была выгнана основная масса жителей гетто. Все были вывезены в лагерь смерти (Треблинку и Освенцим) и уничтожены. В названные январские дни в гестапо были застрелены 76 человек. Это те люди, которые сопротивлялись

¹ Там же, ф. 1, оп. 1, д. 180, л. 18-19.

² Там же. Л. 20-21.

выходу из своих квартир. Гестаповцы убивали также больных и слабых, всех тех, кто отставал в пути на сборный пункт. Расстреливали они и пациентов больницы. Людей расстреливали просто ради каприза, ради забавы. Несколько дней трупы лежали на улицах. Только 23 января гестаповцы разрешили похоронить жертв своего произвола и садизма. В гетто осталось около 2 500 человек, так называемые легально проживающие и некоторое количество тех, кто прятался. В результате январской 1943 года акции территория гетто была сокращена на две трети. Воспоминает Г. Хосид: “В один из январских дней 1943 года я и ещё четверо заключённых находились у ворот дома по улице Переца. По дороге шёл Курт Визе. Увидев нас, он снял с плеча автомат и, ничего не говоря, стал стрелять. Мы разбежались. При этом был убит мой товарищ Моисей Копельман, а Танкус ранен.

13 февраля 1943 года по указанию коменданта Визе были вывешены объявления о явке всех оставшихся в гетто № 1 заключённых на сборный пункт для отправки в город на работу. Я и другие в назначенное время прибыли на место. Сюда же явились Визе и Стреблев. Вместо того, чтобы направить на работу, они приказали всем идти в синагогу. По пути Визе и Стреблев из автоматов беспричинно расстреливали людей. Они убили примерно 20 человек, и среди них моего товарища по школе Зильберблата. Курт Визе руководил отправкой узников гетто в лагеря смерти и при этом, как правило, убивал несколько человек.”

Между тем нацисты сообщили, что больше транспорта не будет. Они заставили руководителей “юденрата” успокаивать людей и выходить на работу, чтобы усыпить бдительность оставшихся в живых евреев, немецкие власти улучшили обеспечение продуктами питания, ослабили охрану. Всё это должно было свидетельствовать о “стабилизации” жизни в гетто. Для такого поворота событий была причина. Основной палач Визе отбыл “в командировку” в Белостокское гетто, где он как “специалист” продолжил свои кровавые дела. В Белостоке Визе участвовал в ликвидации гетто. С его помощью в лагерь уничтожения было отправлено около 9 500 человек. Но вот Визе снова в Гродно и тут же начал осуществлять свой дьявольский план окончательной ликвидации гетто. 12 февраля он потребовал, чтобы “юденрат” дал 400 человек для работы на объектах за пределами гетто. По причине того, что не хватало мужчин, эту квоту людей заполнили женщинами, которые на следующий день пришли на сборный пункт. Однако тут же появились Визе, Стреблев и их подручные. Началась стрельба, людей загоняли в большую синагогу. Женщины, которые шли сзади, пробовали убежать, но их тут же расстреливали. Трупы 100 женщин устлали улицы гетто. Фашисты ворвались в здание “юденрата”, вывели оттуда его членов и персонал, забрали наиболее квалифицированных рабочих с фабрик по производству валенок и крахмала. Всех их загоняли в большую синагогу. Тех, кто пытался убежать, фашисты расстреливали на месте.

В 10 часов вечера Визе собственноручно застрелил доктора Бравера. Оставшихся членов “юденрата” фашисты отправили на станцию Лососно вместе с другими узниками, чтобы потом уничтожить в газовых камерах. Свидетельствует В. Глембоцкий: “В начале 1942 года мне довелось быть недалеко от еврейского кладбища. Я видел, как Курт Визе и ещё два гестаповца вели заключённого Бравера, бывшего директора одной из школ Гродно. Визе застрелил его, а потом ещё двух человек, у которых обнаружили продукты. В ноябре 1942 года меня перевели в деревню Колбасино. Там пробыл месяц, после чего меня отправили в Освенцим.

Визе Курт навещивался и в Колбасино, где также злодействовал. Помнится, это случилось в ноябре 1942 года, вскоре после моего перевода в деревню. Целый день мы перевозили картофель. Некоторые, конечно, положили в карман пару картофелин. Предполагали, обойдётся, а не обошлось. По инициативе Визе всех нас тщательно обыскивали. Первым попался Букин. Визе приказал выбросить картофель и тут же перед строем заключённых, выстрелил в спину Букина. Тот упал замертво...”

В гетто воцарилась смертельная тишина. На работу уже никого не отправляли. Немногие спрятанные в бункерах и “малинах” жители пробовали убежать. Отдельные жители города выдавали немцам беглецов из гетто. Визе расстреливал их на месте пулями “дум-дум”, так что тела убитых невозможно было опознать. В городе вылавливали ежедневно то 20, то 30 человек. Трупы должны были лежать целый день.

50 мужчин и женщин, которые бежали из гетто и спрятались в Пышках и на Меловых горах, были схвачены. Большая часть их тут же была расстреляна: 18 человек, раненых, обессиленных, оборванных, избитых, Визе направил обратно в гетто (среди них женщина с грудным ребёнком), чтобы устроить “спектакль” для своих подручных. Всех он ставил к стене и расстреливал из автомата.

Последний транспорт из Колбасино был отправлен в Треблинку 14 февраля в 3 часа утра. Он насчитывал 2 500 человек. По дороге многие заключённые прыгивали из вагонов, но абсолютное их большинство было расстреляно гитлеровцами и раздавлено колёсами поезда. О том, как этот транспорт прибыл в Треблинку, рассказывали двое узников, которые чудом уцелели. Перед входом в газовые камеры гитлеровцы приказали всем раздеваться. Однако гродненцы отказались выполнить это требование, многие бросились с ножами на убийц. Но тут же в ход были пущены автоматы и гранаты, и заключённые были “умиротворены”. И все же никто не разделся. Оставшихся в живых загнали в газовые камеры.

После ликвидации “юденрата” гетапо через несколько дней расправилось с начальником еврейской полиции в гетто Серебряником. Это был лишённый чести и совести человек. Гродненское гетто было ликвидировано. 12 марта 1943 года в городе появилось объявление о том, что Гродно очищено от евреев. Жестокий палач и убийца Визе праздновал победу. В результате количество жителей Гродно в то время уменьшилось на половину. Спасти удалось только немногим. Визе был уверен, что живых свидетелей его преступлений больше нет. Но тут он вспомнил, что сохранился архив гетто, в котором были картотеки с фамилиями его жителей. Очевидно, что уже тогда (в начале 1943 года), когда великая армия фельдмаршала Паулюса была окружена советскими войсками и обречена на уничтожение, Визе задумался над возможной ответственностью за совершённые преступления. Архив гетто мог быть убедительным свидетельством против него. Поэтому он тут же вернулся в гетто, забрал архив и совершил аута-да-фе его бумаг. Теперь этот палач, выродец, убийца был уверен, что смог ликвидировать все следы преступлений. Но зря.

В Государственном архиве Гродненской области сохранился документ о количестве жертв еврейской национальности из города Гродно и 9 местечек. Это докладная “О ходе еврейской кампании” поветового комиссара Гродненского повета от 5 марта 1943 года на имя начальника гражданского руководства Белостокского округа. Хотя заключённые гетто в преобладающем большинстве были уничтожены, но оккупантов всё ещё волновала “еврейская

кампания”. Она теперь сводилась к дальнейшему ограблению гетто, к точному учёту награбленного имущества, которое раньше принадлежало гражданам еврейской национальности. В циркулярных письмах обер-президента провинции Восточной Пруссии, разосланных по округам и поветам, включенным в провинции, говорилось:

“Найденная пригодная мебель, речь идёт в целом не о больничной мебели, может быть использована немецкими гражданами рейха...”

Предметы одежды и другое еврейское имущество, в определённой степени предназначенная для немецких граждан и служащих, смотри п. 1 абзац 2 циркулярного письма от 19.12.42 г., могут быть сданы господам ландратам, бургомистрам и волостным комиссарам после согласования с господами поветовыми комиссарами, поскольку дальнейших указаний не будет... В заключение я прошу господ начальников административных округ передать списки, благородных металлов и других ценных вещей (золотых и серебряных) по возможности скорее.”

А с мест бывшего размещения гетто доносили о полученных прибылях от реализации имущества. Из Лунно 23 января 1943 года сообщали: “Прибыль от ранее проданного еврейского имущества составляет 76 309.75 рейхсмарок. Расход (охрана гетто) – 1 183.00 рейхсмарок. Это сумма переведена сегодня на Ваш счёт в кассу повета”.

Вот такой была одна из самых страшных страниц геноцида гитлеровского фашизма на белорусской земле – у нас на Гродненщине.

Я.Маращ, А.Плешевеня. Гродненское гетто. /Гродно в годы Великой Отечественной войны, Гродно, с.

Соломон Жуковский **Я СВИДЕТЕЛЬСТВУЮ!**

В о время немецко-фашистской оккупации, до 14 февраля 1943 года, я находился в гетто № 1 города Гродно, и мне лично известны многие злодеяния начальника гестапо Эррелиса. Вот некоторые из них.

В первых числах июля 1941 года по личному приказу Эррелиса были взяты по списку и расстреляны 30 мирных жителей города Гродно. Среди них были адвокаты Гликфельд, Глиценштейн, Лобман, Лайт, Штатман, Галичер, Сыгаль, учителя Веричкер, Каминский, Фрухтерман, Выгдорович, Каплан, служащие Лабендзь, Гэткин и другие. Я был на 16-м месте в этом списке и уцелел только потому, что в это время находился за пределами города.

За малейшее непослушание Эррелис уничтожал людей. Так, за городом, на фортах, были расстреляны учительница немецкого языка Мельцер, адвокат Кон Лазарь, мясник Липский и другие.

В июле 1941 года был создан лагерь военнопленных в деревне Колбасино, близ города Гродно. Здесь Эррелис и его подручные уничтожили свыше 18 тысяч советских военнопленных. Летом 1942 года Эррелис приказал

расстрелять спокойного по характеру начальника еврейской полиции Натана и 12 полицейских за то, что один из них разрешил внести в гетто № 2 кусок мяса.

19 декабря 1942 года, во время перевода последних жителей колбасинского гетто в Гродно, гестаповцы во главе с Эррелисом так издевались над еле передвигавшимися переселенцами, что на мостовой осталось около трех десятков мёртвых.

Во время очередной так называемой “акции” (облавы) в гетто № 1, продолжавшейся с 18 по 22 января 1943 года, гестаповцы загрузили в вагоны на станции Лососно и вывезли в лагерь смерти Освенцим около 10 тысяч человек. В эти дни палач Эррелис и его подручные расстреляли 100 человек.

За время немецкой оккупации фашисты руками Эррелиса и его подручных истребили (убили, вывезли в лагерь смерти) 33 тысячи мирных жителей города Гродно, из них 28 тысяч евреев.

По мере приближения линии фронта в 1944 году гестаповцы откапывали и сжигали трупы убитых. Так, во дворе гродненской тюрьмы этим путём были уничтожены тысячи трупов.

“Гродненская правда” 5 марта 1966 года

Семен Липец

В ОГНЕ КАТАСТРОФЫ

Я родился в 1912 году и вся моя жизнь связана с Гродно. Правда, во время первой мировой войны наша семья уехала на Украину. Там умер мой отец, а мать с детьми после войны вернулась в Гродно. Она тоже долго не прожила, и мы с сестрой воспитывались в еврейском сиротском доме. Этот дом стоит и сейчас: здание со шпилем по проспекту Космонавтов, напротив кинотеатра “Восток”.

Живя там, я окончил начальную школу, а затем ремесленное училище. Потом работал мастером в училище, обучал ребят слесарному и токарному делу. В 1931 году перешёл работать на фанерную фабрику братьев Браунов за Неманом, с 1935 по 1937 год отслужил в польской армии и вернулся на фабрику. С сентября 1939 года опять работал в ремесленном училище почти до самого начала Великой Отечественной войны. Незадолго до войны женился.

Повестка в Красную Армию не застала меня в Гродно. Я был мобилизован только через несколько дней, когда вернулся в город. Всех опоздавших к призыву посадили в автомашины и повезли вдогонку основному контингенту призывников. И тут-то, в дороге, нас застала война. Фашисты обстреляли нас с воздуха. После первого обстрела мы остались живыми и поехали дальше, но где-то уже в Брестской области попали под сильнейшую бомбёжку. Машины были разбиты, люди разбежались. Неделью или больше я скитался, не зная, что мне делать и куда идти. Наконец в какой-то хате выпросил гражданскую одежду и побрёл обратно в сторону Гродно.

А в Гродно уже хозяйничали фашисты, и я до него не дошёл. По дороге напоролся на немецкий обоз и был пойман. Меня передали в промежуточный лагерь, где была собрана большая группа задержанных и военнопленных. Кто был в гражданской одежде, того повезли дальше, кто в советской военной форме - расстреливали. А повезли нас в концентрационный лагерь а Белосток. Здесь я и узнал, что значит у фашистов быть евреем.

Задержанных вначале кормили. Мы бродили по лагерю, спали в конюшнях. Потом я наткнулся на большую яму-воронку, в которую немцы собрали евреев. Среди них было много знакомых, и я присоединился к ним, так как понимал, что всё равно во мне распознают еврея.

Вскоре пришли немцы, вывели нас из ямы и тут началось... Фашисты решили позабавиться. Привезли тачку и заставили людей по очереди взбираться на неё и держать речь. Чуть человек собьётся, запнется, его отводят за конюшню и на месте расстреливают. Когда это развлечение надоело, придумали другое: голодным, измученным людям приказывали бегать наперегонки. Эта забава надоела, оставили ненадолго в покое. Когда караул сменился, всё началось сначала.

Примерно через неделю моего пребывания в лагере нам объявили, что тех, кто живет близко от Белостока и докажет это документами, отпустят домой. У меня уже не было никаких документов, но с помощью фотографии, на обратной стороне которой было написано "Гродно", мне удалось попасть в число отпущенных.

Нас завели в конюшню и выстроили по парам, а потом начали выпускать. Перед воротами конюшни выстроились две длинные шеренги солдат, между которыми должны были проходить выпускаемые. И здесь началось избиение. Били винтовками, кулаками, сапогами, чем могли и сколько сил. Люди выходили еле живыми. Нам с напарником, тоже гродненцем, поскольку мы шли последними, досталось ударов меньше, так как солдаты устали, или им надоело. Тем не менее, когда мы вышли из лагеря, наш вид был страшен. Мы были черными от синяков, в изорванной в клочья одежде, грязные, заросшие. Мы были истощены, и дорога тянулась бесконечно. В какой-то речке мы помылись. В Сокулке - на половине пути между Белостоком и Гродно - нас пустили в одну хату и накормили. После многих дней голодовки я так наелся, что потом тяжело от этого заболел.

Пришли мы в Гродно в прекрасный летний день. Люди ходили по улицам спокойно, некоторые даже весело. Они с удивлением смотрели на двух оборванцев, похожих на призраков. На нынешней улице Советских Пограничников немецкий регулировщик узнал в нас евреев и стал допрашивать, почему мы ходим по городу без еврейских знаков на одежде. Я сказал, что мы только пришли и ни о каких знаках не знаем. Разговаривал я, по его мнению, слишком смело и он замахнулся, чтобы ударить, но я увернулся, и мы ушли. На площади, на том месте, где теперь стоит танк, мы распрощались с товарищем, с которым делили все невзгоды пути. Больше я его не видел, через неделю узнал, что он повесился. К сожалению, я не помню его фамилии.

Когда я пришёл домой, а жил я по улице Бригидской (сейчас Карла Маркса № 13), в квартире были мои сестра и жена. Но когда я вошёл, они меня не узнали. Две недели я проболел и пошёл работать. Наше училище теперь называлось "Индустриверк". Работающих там специалистов-евреев пока всех оставили на работе. Позже, когда уже было гетто, мы имели бронь и могли ходить туда на работу.

2 ноября нам пришлось с семьёй покинуть квартиру и переселиться в гетто № 1. С собой разрешалось брать то, что можно было унести на себе или увезти на тачке, ценные вещи и лучшую одежду отнимали сразу. Я с семьёй поселился в домике моей сестры по сегодняшней улице Олега Кошевого (сейчас уже Большая Троицкая). “Индустриверк”, где я работал, находился за чертой гетто, но прямо напротив дома сестры и на той же улице. Вокруг гетто накануне переселения евреев были сделаны заграждения из колючей проволоки, вход в гетто осуществлялся через ворота на Замковой улице, которые охраняли жандармы и гестаповцы. Для грузовых потоков были еще одни ворота со стороны улицы Виленской. Нам, работающим в “Индустриверк”, полагалось выходить через ворота и попадать на работу, обогнув часть гетто. Но мы так не ходили. Около домика моей сестры по негласной договоренности с директором “Индустриверк” была сделана незаметная калитка, через которую мы выходили на работу и возвращались с неё.

Когда в гетто было организовано сопротивление, наша калитка служила для связи с городом и внешним миром. Через неё ночью перевозились продукты, одежда, горючее и другое, что удавалось раздобыть для людей гетто. Я тоже перебрасывал иногда семье кое-что через забор. Возможно, так же ночью - я точно этого не знаю - через калитку выходили из гетто и люди. Конечно, риск был большой. За самовольный выход из гетто угрожали расстрел на месте или казнь через повешение. Я был свидетелем, как фашисты повесили двух мужчин и женщину за то, что они вышли из гетто. Перед тем, как умереть, женщина плюнула палачу в лицо.

Хотя я был целый день на работе, многие страшные сцены проходили у меня на глазах. Я был свидетелем того, как около двадцати человек без всякого повода были расстреляны, а их трупы не разрешали хоронить несколько дней. Среди расстрелянных был мой учитель... Однажды фашисты велели всем, кто не имеет работы, явиться на площадь около синагоги. Вышло около тысячи человек, а когда они собрались, гестаповцы начали по ним стрелять. Сколько тогда погибло, я не знаю.

В одном из помещений гетто было устроено что-то вроде больницы. Снесли кое-какую мебель, кровати, положили туда больных и раненых, и их лечили еврейские врачи. Несмотря на расстрел почти всей еврейской интеллигенции города в начале оккупации, несколько врачей осталось. Через некоторое время расстреляли всех - и больных, и врачей. Хоронить их велели там же, где они были убиты.

Как известно, фашисты ликвидировали гродненское гетто в двух больших акциях. 12 марта 1943 года евреев вывели из гетто № 1 отправили в лагеря смерти. Однако и после них в гетто оставалось немало евреев, которые сумели укрыться. Поэтому была проведена ещё одна акция, распространившаяся и на работающих в “Индустриверк”.

Ночью забрали всех, а нас прямо с работы, и повезли в синагогу. Здесь была уже моя семья. Набралось около тысячи человек, и нас повели из синагоги. Шли по Бригидской улице. Раньше я не расставался со своей семьёй, зная, что без меня её ждет гибель. Но теперь я понял, что ничем ей помочь не смогу. Я оставил жену с ребёнком и сестру жены. Пользуясь темнотой, бежал и вернулся обратно в бывшее гетто.

Там оказалось ещё некоторое количество людей, сумевших опять хорошо спрятаться. Фашисты об этом знали, но, поскольку Гродно был объявлен “юденсфрай” (“свободно от евреев”), делали вид, что нас не замечают. Целый

месяц нас не трогали, но затем собрали и отправили в Белостокское гетто. Потом меня, как квалифицированного слесаря, на какое-то время вернули в Гродно, но в конце концов отправили в Белостокскую тюрьму.

13 мая 1944 года из тюрьмы вывели 40 человек, меня в том числе. Нам обещали, что оставят в живых, если мы выполним порученную работу, не будем общаться с посторонними. Посадили всех в машину и вывезли в лес, в окрестности Августова. Там стоял сарай, где мы и жили. Утром нас вывели на поляну, дали лопаты, приказали копать. Грунт не поддавался, мы копали с трудом, и вдруг увидели мёртвых. Крюками, которые мы привезли, нам велели доставать убитых людей и сжигать на кострах. Этой работой нам пришлось заниматься два месяца, кочуя с места на место. Копали мы также и около Гродно. Помню захоронение на “Собачьей горке”, восточнее урочища “Секрет”, а также большое захоронение в районе обувной фабрики.

13 июля 1944 года, когда мы закончили свою “работу” в лесу около деревни Грабувка, что в 7-8 км. от Белостока, нас собирались расстрелять, но по команде кого-то из наших: “Ребята, бегите!”, мы бросились в разные стороны. Мне удалось спастись. Снова начались скитания. Когда пришла Советская Армия, пошёл на фронт, служил в ремонтно-восстановительном автобатальоне. Дошёл до Берлина. Демобилизовавшись, вернулся в Гродно и много лет проработал на прежнем месте — ныне Высшем электротехническом профессиональном училище имени И. Счастливого.

Гродно в годы Великой Отечественной войны (1941 — 1945), Гродно, с. 92 — 95.

ИЗ АРХИВА

Об организации хозяйственных работ в связи
с проведением акции в отношении евреев

Крайскомиссар округа города Гродно
Хозуправление округа

Гродно, 9 декабря 1942 года

Господину обер-президенту гражданского
управления в Белостоке

Касается: хозяйственных работ в отношении еврейской акции

Ссылка: распоряжение от 4 ноября 1942 года

Концентрация евреев в промежуточном лагере Лососно около Гродно осуществляется из сельских районов округа. В городе Гродно существовало два гетто. Гетто № 2 совершенно пустое. В гетто № 1 по состоянию на сегодняшний день находится еще 12 418 евреев, в основном ремесленники, которые были распределены на малые отряды из-за ограниченной возможности транспорта.

В округе Гродно были заняты в целом 3 597 еврейских специалистов и 2 553 еврейских рабочих без образования. Отдельные предприятия, которые находились в зависимости от еврейских специалистов, должны ограничить назначение временно незаменимых еврейских специалистов высокого качества работы.

Производство находилось в руках евреев. Польские рабочие проявили себя в большинстве случаев посредственными работниками и показали плохие результаты.

По отдельным вопросам было принято следующее постановление:

1) промышленность:

а) и б) Предприятия не должны останавливаться во время отъезда евреев. Исключение возможно на индустриальном предприятии и кожевенном заводе в Гродно. На этих предприятиях работают преимущественно евреи в качестве специалистов токарями, столярами, портными и т. д.

На этих предприятиях специалисты должны оставаться до тех пор, пока не будут обучены польские рабочие. Поскольку по отдельным предприятиям речь идет не о специалистах, то евреи должны быть заменены поляками немедленно. Остановка производства должна быть краткосрочной.

в) Чтобы заменить бывших специалистов-евреев на всех предприятиях, необходимо около 4800 польских специалистов. Результаты работ евреев намного выше, чем поляков. Здесь необходим баланс в замене: трех поляков вместо двух евреев.

г) Чтобы получить необходимый человеческий материал вместо выбывших евреев, необходимо произвести по ходу дела большую акцию по переселению. Человеческий материал может прибывать только из близлежащих территорий.

д) Немецкий рабочий фронт, занимающийся профессиональным воспитанием и руководством промышленными предприятиями, соорудил непосредственно в Гродно лагерь по обучению строительным профессиям. Здесь непрерывно обучаются специалисты для строительных ремесел. Обучение длится 16 недель. Дана гарантия о надлежащем обучении под руководством инженера Вестермайера и 10 немецких полировщиков, так что эти поляки

превзойдут в дальнейшем после обучения профессиональные возможности евреев. В будущем Немецкий рабочий фронт построит учебно-строительное предприятие для обучения металлообрабатывающим профессиям, которое будет пущено в конце января 1943 года. Здесь существует гарантия надлежащего образования, так что по этим профессиям будут подготовлены необходимые специалисты в течение следующего года. Строительная мастерская будет присоединена к строительному учебному лагерю в Гродно. В дальнейшем будут организованы строительные учебные лагеря в округе Белосток, в Ломже и Бельске с возможностью обучения 180 человек. На всех предприятиях округа Белосток будут приняты широкие меры по обучению специалистов и квалифицированных рабочих Немецким рабочим фронтом.

2) Промысел и ремесло.

а) Из-за проводимой еврейской акции остаются не затронутыми промысловики, это касается и ремесленников.

б) Ремесленное обучение местного населения должно быть таким же, как в промышленности и торговле, так как не существует различия между этими хозяйственными факторами. Молодые кадры для ремесленных профессий должны пройти через учебные предприятия Немецкого рабочего фронта, а затем распределены по специальностям: строительство, дерево, металл.

ГАГО, ф. 1, оп. 1, д. 180, лл. 18-19.

Об уничтожении евреев в Гродно и Гродненском повете

Поветовый комиссар Гродненского Гродно, 5 марта 1943 года
 повета фон Плетц Шефу гражданского управления
 Белостокского округа в Белостоке

Обзор исполнения еврейской акции с 5 февраля 1943 года

Город Или волость	Общее число евреев	Последовавший приток	Конечный итог	Направлено в лагеря уничто- жения
Сопоткино	539	-	539	539
Лунно	1 549	-	1 549	1 549
Скидель	2 330	-	2 330	2 330
Озеры	1 370	-	1 370	1 370
Гольинка	109	-	109	109
Каменка	417	-	417	417
Острино	1 969	-	1 969	1 969
Поречье	234	-	234	234
Друскининкай	805	-	805	805
Гродно	20 577	14 100	34 677	34 677
Всего:	29 899	14 100	43 999	43 999

Бежало	300	Конечный убыток	700
Расстреляно	238	Оттранспортировано	41 700
		Остаток на 5 марта с/г	1 061

ЦГАОР РБ, ф. 845, оп. 1, д. 8, л. 31; ГАГО, ф. 1, оп. 1, д. 54, л. 38.

Михаил Кемеров
Ольга Соболевская

ПРАВЕДНИК ИЗ ГРОДНО

Старая еврейская традиция, восходящая к Талмуду, учит, что в каждом поколении народа есть 36 цадиков (праведников), которые втайне творят добро. На них мир держится.

Раввин Нохум Каплан (1812–1879) из Гродно жил как настоящий праведник. Он родился в семье бедняков Узиеля и Мейды в маленькой деревне, возле местечка Брайсогала Шауляйского уезда (Литва). Нохемке был очень развитым ребенком: в пять лет умел рассуждать разумно, как взрослый; гуляя на улице, пел псалмы.

Юношей Нохум оставил деревню и начал выступать в хоре кантора. Вскоре он поступил в иешиву в местечке Мир. Учителя восхищались его успехами в изучении Торы. Доброта и честность Нохума были хорошим примером для других.

Прошло немного времени, и Нохум стал известным законоучителем. Многие общины с радостью приняли бы его в качестве раввина. Но Нохум предпочел не зависеть от бремени официальных функций и посвятил себя главной цели — помогать людям.

Он переехал в Гродно, где изучал и преподавал Тору. Большую часть скромного заработка раби Нохум отдавал старикам, больным, сиротам, ученикам иешив, бедным вдовам и бесприданницам. И делал это тайно, чтобы не ставить людей в неловкое положение. В любую погоду Нохум приходил в дома к тем, кто нуждается в его поддержке, сам приносил дрова, растапливал печи, помогал, чем только мог. Собственная его семья жила очень бедно (ребёнок занимал должность служки при синагоге), приходилось сводить концы с концами. Но Н. Каплан всегда приглашал на обед и ужин нищих, поддерживал учеников Талмуд-торы и иешивы, помогал разорившимся торговцам. И все это он делал мягко и деликатно, чтобы не оскорбить ничью гордость. Рассказывали, что помогать бедным он начал еще тринадцатилетним мальчиком.

День Н. Каплана начинался очень рано: сначала он шёл на богослужение, затем читал лекции по истории и практике иудаизма в трёх школах. Позавтракав, начинал обход города для сбора пожертвований в пользу бедных. Не однажды бывало, что в его полотняный мешочек бросали деньги люди не иудейского вероисповедания. Все были уверены, что пожертвования пойдут на добрые дела. В пятницу вечером, уже надев свою праздничную одежду, Нохум еще раз обходил еврейские улочки, стучал в окошки и предупреждал о начале праздника. Однажды, проходя по Школьной улице, он постучал в оконце бедного ремесленника. Сказав ему, что пора уже заканчивать работу, раби Нохум двинулся дальше, но услышал злые слова жены ремесленника, брошенные ему в спину: “У него шабат, а мне не за что даже свечи купить!”. В ту же минуту он вернулся назад, опять повторил: “Шабат!” и, бросив в окно деньги, исчез.

Многие солдаты-евреи, расквартированные в Гродно, не имели родственников в городе и были лишены возможности встречать наступление

субботы в кругу семьи. Н. Каплан взял на себя сложную миссию распределения солдат по зажиточным еврейским семьям. Однажды с ним произошел такой случай. Богатый еврей на предложение реба Нохума пригласить солдата на субботнюю трапезу три раза подряд отказывал. Он говорил, что как раз сегодня ожидает к ужину бедного родственника. Н. Каплан догадался, что неимущий родственник — только отговорка. Тогда он сам попросил разрешения поужинать в семье этого еврея. Тот чрезвычайно обрадовался, принимать у себя праведника, да ещё и в праздничный день — большая честь. И все же удивился и спросил, чем же так обидела его семья, что он решил покинуть её в субботу ради общества чужих. Н. Каплан ответил, что, действительно, ему нужно разделить трапезу со своими детьми, но пообещал оставить себе замену — друзей. Ими, конечно же, были солдаты-евреи.

Гостиницы, где останавливались приезжие купцы, были для раби Нохума источником постоянных пожертвований. Однажды в тёмную ночь он зацепился за камень и больно ударился ногой. Заметив это, к нему в тот же момент подъехал еврей-извозчик и предложил отвезти домой. После долгих уговоров реб Нохум сел в дрожки, но отправился в гостиницу собирать благотворительную помощь.

Как-то вечером Н. Каплан оказался в богатом еврейском доме. Там молодые люди играли в карты, и на столе лежала толстая пачка денег. Реб Каплан сгрёб её сословами: “Господа, я выиграл!” — и те не только не обиделись, но и добавили еще денег с благодарностью за то, что он напомнил: всегда заботься о тех, кто несчастен.

Тем, кто спрашивал, где он находит силы всё время работать для других, реб Нохум Каплан отвечал: “Если бы вы были уверены, что если пойдёте в лавку, и не останетесь в накладе, то разве не оставили бы вы свой обед, чтобы бежать туда? Так и я не хочу потерять барыш, потому что благотворительность — моя торговля”.

Терпеливо и настойчиво раби Нохум посещал богатых евреев, чтобы напомнить им о благотворительности. Его встречали с уважением и пониманием. Но иногда раввин сталкивался с отказами и даже с оскорблениями. Как-то раз один богач дал ему пощёчину. Нохум спросил: “Это для меня, а для бедных что?” Известны случаи, когда он выручал семьи своих обидчиков, которые оказались в трудном положении. Главной его заботой была помощь людям, а не их осуждение.

Раби Нохума почитали не только евреи, но и христиане, многим из которых он также помогал. Даже высокие чины царской администрации, и сам губернатор уступали его требованиям и просьбам, когда это касалось защиты интересов евреев. Губернатор был антисемитом, и он удивился, когда узнал, что евреи молятся о его благополучии. Он пригласил Нохума и поинтересовался, действительно ли иудеи искренны в своих молитвах. “Да, — ответил раввин, — мы хотим, чтобы вы пошли на повышение, стали генерал-губернатором или даже министром. Тогда вы уедите из Гродно, что совпадает и с нашими желаниями”.

В непогоду или во время болезни раби Нохум никогда не позволял себе пропускать молитву и раньше всех приходил в синагогу. Однажды он прибыл так рано, что знавший Нохума шамес, который только растапливал печь, спросил: “Что случилось? Вы, наверное, ошиблись? Еще слишком рано! А может, вам приснился плохой сон?”. “Оба твои предположения неверны. Мне сегодня ничего не снилось, и я знаю, который час. Я воевал с йцер хара (злым

началом). Когда я проснулся, захотел взглянуть на часы. Но йцер хара говорит мне нежно: „Нохум! На улице холод, метель, скользко. Укутайся получше и поспи ещё пару часов“. И я почувствовал, как эти речи действуют на меня. Мне ужасно захотелось спать. Но внезапно я понял, что его слова сводят меня с праведного пути. Я вскочил с кровати и закричал: „Ты не поленился встать так рано, чтобы заставить меня спать! Ты хочешь уговорить меня! Не выйдет!“ Я быстро оделся и прибежал в синагогу. Слава Богу, я сумел победить!” В другой раз извозчик нашел раби Нохума лежащего без сил на снегу. Он привел раввина в чувство и предложил отвести домой. Нохум отказался и продолжил путь к людям, которые ожидали его помощи.

13 октября 1879 года на 68 году жизни Нохум Каплан ушёл из жизни. Человек, который собирал на дела благотворительности от 100 до 150 рублей в неделю, оставил свою жену и детей в абсолютной бедности. Поэтому, чтобы поддержать его семью, общество собрало 3 000 рублей. Огромная толпа в 15 тысяч человек, евреев и христиан, провожала в последний путь человека, про которого даже иноверцы говорили, что если он дотронется до больного, то тот выздоровеет. В это время в городе была прекращена всякая работа, опустела Сенная площадь, были заперты лавки, прекратилась учеба в хедерах и еврейских училищах, закрылись фабрики.¹ Город прощался с праведником. Спустя многие годы приходили люди молиться на могилу раби Нохума, прося его о заступничестве перед Всевышним.

О его жизни написано много произведений. Известная польская писательница Элиза Ожешко увековечила память о Нохуме в новелле “Дай цветок”. Его имя носила улица, на которой находится Большая синагога. В 1996 году в Гродно был создан Еврейский благотворительный центр, который называли “Нохум”.

¹ Гурвич О. Смерть настоящего праведника // Рассвет. — 1897. — № 7. — С. 256.

Сергей Пивоварчик

“ВИРТУОЗ ЕВРЕЙСКОЙ ПОЭЗИИ”

Лейба Найдус прожил всего 28 лет, из которых 11 посвятил поэзии. После него остались стихотворения, песни, переводы европейских поэтов, литературоведческие статьи. “Его песни были своего рода перепевом мировой поэзии, не копия, только достижение, доказательство возможности, что он и сделал еврейским стихом. В течение 11 лет, которые он писал и переводил мировую поэзию, этому молодому гродненцу удалось доказать наши возможности в области изысканной еврейской поэзии, которая до него была в пелёнках”, — отзывался о поэзии Найдуса литературный критик Я. Гладштейн. Лейба Найдус был певцом радости и оптимизма. Он принёс в еврейскую поэзию богатую палитру красок, неповторимую красоту природы.

Его эстетические вкусы сформировала не городская еврейская среда, типичная для “черты оседлости”, а природа гродненского края. Лейба провёл детство в усадьбе Кустин, которую его отец Исаак Найдус арендовал с 1870 года. Имение находилось в живописных местах в 20 километрах от Гродно. В творчестве Л. Найдуса нет места корчме, торговцу “мылом и повидлом”, ремесленникам с их проблемами. Его поэзия — это гимн природе, воспевание её гармонии и красоты.

Лейба Найдус родился 6 ноября 1890 года в богатой семье. Его отец, Исаак Найдус, был человеком образованным, в молодости интересовался литературой и пробовал писать стихи на иврите. Женился в конце 60-х годов XIX века на красавице Рахель из Граево, которая знала несколько языков и была великолепной пианисткой. Лейба был последним, седьмым ребенком в семье Найдусов.

Исаак Найдус был крупным фабрикантом. В просьбе дать торговый кредит в гродненском отделении государственного банка он указал, что имеет кожевенный завод в Кустине, часть кожевенного и кирпичный заводы в Гродно. Приблизительный доход составлял: кожевенной продукции — на сумму около 100 тысяч рублей в год, сельскохозяйственной — 10 тысяч. Товары продавались в Москве, Одессе, Бердичеве, Курске, Ростове-на-Дону. Чтобы получить кредит, необходимо было указать недвижимость и её стоимость. Исаак заявил, что владеет вместе с братом каменным домом на Соборной улице в Гродно (ныне ул. Советская), стоимостью 7 000 тысяч рублей, а также собственными домами на улице Станиславовской — 6 000 тысяч рублей и в Хлебном переулке — 7 400 тысяч рублей (современные улицы Тимирязева и Найдуса). Последний дом указан как место постоянного жительства.

Много внимания Исаак Найдус уделял образованию детей. В одной из комнат в усадьбе он устроил школьный класс, а учителем стал приглашенный студент. Весной дети экстерном сдавали в государственной школе экзамены и зачислялись в следующий класс. В возрасте 13 лет дети получали свидетельство об окончании школы. Девочек (Анна, Мария, Рахель) отдавали в женскую гимназию, а мальчики должны были приобрести практическую специальность. Так, старший брат Герман был помощником и преемником отца, поэтому пополнял знания в области сельского хозяйства и торговли. Два других брата, Давид и Шимон, были учениками аптекаря, затем один стал медиком, другой — химиком.

Не подчинился воли отца только младший из сыновей — Лейба. До 10 лет он воспитывался в Кустине под опекой родителей и бабушки, которая была очень религиозной, любила природу и передала это чувство маленькому Лейбе. Когда он родился, в доме уже не было детей, чтобы организовать учёбу на месте. Поэтому его отправили в Гродно в начальную школу. В 11 лет Лейба поступил в коммерческое училище в Радоме, затем в реальную школу в Белостоке, откуда в 1905 году за участие в социалистическом движении был исключён. Недолго пробыл будущий поэт и в Ковно. В начале 1908 года Лейба поступил в реальную гимназию Павловских в Вильно. Особого рвения к учёбе он не проявлял. В 1911 году, не дождавшись результатов выпускных экзаменов, вернулся в Кустин и, вопреки воле отца, полностью посвятил себя литературной деятельности.

Сочинять стихи Лейба начал рано, в 10 лет. Писал по-русски, пробовал по-польски, на идише и иврите. Часть его русского сборника “Полевое панно” была опубликована в журналах и газетах в Вильно и Гродно. В дальнейшем, под влиянием любимой девушки Нины Табачник, Лейба перешёл на идиш. Его дебют на идише — песня “Молодая арфа -- состоялся в 1907 году в варшавской роман-газете. После этого Лейба публиковал оригинальные песни и переводы в журналах “Жизнь и наука”, “Новая страна”, “Еврейский мир”. Писал Л. Найдус и лёгкие юмористические произведения в стихах и в прозе — “Лебке Райхлес”, “Леонардо”, “Леля” и другие, которые публиковал в виленской еженедельной газете и в “Последних новостях”.

С началом Первой мировой войны Л. Найдус выехал с родственниками в Екатеринославль. В 1915 году он издал первую книгу — сборник песен “Лирика”. Однако Лейба не смог распространить её из-за войны и немецкой оккупации. Его первое выступление в литературе прошло без реакции критиков. Молодой поэт удовлетворился откликом молодежи, для которой он выступал с чтением своих произведений, а затем как лектор на литературные темы на “Эстетических вечерах”.

После возвращения в Гродно и до смерти Лейба Найдус много работал. Он не только писал стихи, но и много выступал с лекциями в различных городах и местечках Гродненщины и Виленщины (что сильно сказалось на его здоровье). В это время открывались светские еврейские учебные заведения. Для них издавались учебники, хрестоматии, другая учебная литература. Туда вошли и произведения Лейбы Найдуса. Дети легко запоминали мелодичные спокойные стихи и песни молодого поэта. Еврейских ребят он манил из душных комнат в сад, на природу.

Опасностью для культурной элиты небольших городов был провинциализм, запоздалая реакция на всё новое. Такая ситуация поддерживалась царскими властями, а позже советскими, которые ревниво смотрели на всякое, в том числе культурное, влияние Запада. В годы войны положение ухудшилось. Л. Найдус старался противостоять этому, переводя на идиш наиболее значительные произведения европейской литературы. Ему принадлежат переводы Перси Шелли, Генриха Гейне, Эдгара По, Александра Пушкина, Михаила Лермонтова. Его перевод “Сказки о мертвой царевне и семи богатырях” был издан в 1917 году в Вильно в журнале “Киндерфрай”. Лейба много переводил французских поэтов: Альфреда Мюссэ, Теофиля Готье, Шарля Бодлера, Эдмона Ростана, Поля Верлена. Л. Найдус дал возможность читателям познакомиться с произведениями передовых поэтов, но и сам изменялся под их влиянием.

В 1918 году в Гродно вышла вторая и последняя при жизни поэта книга поэзии — “Флейта Пана”. Она представляет собой весеннюю симфонию — 48 восьмистрочных песен, переплетённых друг с другом. Гродненский литератор и близкий друг Найдуса Абрам Зак так характеризовал эту книгу: “Это 48 лёгких, крылённых, по-весеннему возвышенных стихов — интимный весенний дневник. Поэт нашёл счастье в свободном, неограниченном, вечноцветущем, вечно молодом царстве полей лесного бога Пана”.

Ещё один сборник “Интимные мелодии” поэт сам подготовил к печати. В 1919 году ближайшие друзья Л. Найдуса издали его в Гродно уже после кончины поэта. Эти песни написаны в более мягком ритме, они внутренне оптимистичны.

Высокой ступени творческой зрелости Найдус достиг в поэме “Земля пробуждается”, которая была написана в последнюю весну его жизни в Кустине (май 1918 года). Поэт определил её как “Патетическую сонату”. Это глубокое выражение радости, очарования и слияния с природой.

Источником его вдохновения были родная земля Гродненщины, берега Немана. С сердечным теплотой он говорил: “Люблю песчаные поля Литвы”. Отметим влияние Мицкевича, который в стихах называет Литвой свою Родину — Беларусь. Сборник “Литовские арабески”, изданный в Варшаве после смерти Л. Найдуса, проникнут народными мотивами. В стихотворении “Мой народ” поэт говорит о своей надежде на лучшую людскую долю.

В начале 1918 года Л. Найдус почувствовал себя плохо. Врачи советовали ему на время прекратить писать и отдохнуть. Но Лейба не хотел сидеть без работы. Его жизнь в Гродно была напряженной. Иногда без сил он лежал дома, не в состоянии даже разговаривать. Но как только поэт чувствовал себя лучше, он снова возвращался к обычной жизни, к лекциям, визитам, литературе. Однако настроение у него было подавленное. Другам Найдус говорил, что он серьёзно болен и скоро умрёт, и поэтому спешит написать как можно больше. Чтобы никто ему не мешал в работе, он нашёл комнату у старика-еврея, куда никто не заходил. Одиночество, оторванность от литературного окружения, разлука с любимой девушкой и её смерть, почти полное уничтожение родного Кустина — все это тяжело повлияло на жизнерадостного поэта. Предчувствие близкой смерти нашло отражение в его стихотворениях. Смерть поэт желал встретить в лунную ночь, в саду, на скамеечке под деревом. Но произошло всё по-иному.

Умер Лейба Найдус в Гродно в конце 1918 года — 23 декабря. В этот месяц он много ездил с лекциями по различным городам. В переполненном холодном вагоне поэт заразился дифтерией. Приняв недомогание за простую простуду, он не пригласил врача, потому что хотел быстрее закончить работу над переводом “Евгения Онегина”. И когда Абрам Зак на санках привез его в госпиталь, было уже поздно. Сердце не выдержало. На стуле возле кровати остались лежать законченные рукописи: “Литовские арабески”, “Книга поэм”, “Интимные мелодии”, перевод Бодлера “Цветы зла”. На похороны Лейбы Найдуса пришли тысячи поклонников творчества поэта. Современники вспоминали, что людей было не меньше, чем на похоронах Э. Ожешко в 1910 году.

В 20-х годах в Варшаве при Союзе еврейских литераторов и журналистов был создан Комитет имени Л. Найдуса с целью издания его произведения и установки памятника на могиле. В 1923 году издательство “Левин-Эпштэйн” по заказу Комитета приступило к публикации собрания сочинений поэта. Но

вышел только один том под названием “Книга поэм”. В 1924 году уже в издательстве Ячковского появились “Литовские арабески”, куда вошли “Флейта Пана”, “Мой народ”, “Интимные мелодии”, “Что-то восточное”, “Из письма”. С переходом издательства к Х. Бжозе в 1926–1928 годах были напечатаны: “Лирика”, “Русская поэзия” (41 стихотворение А.С. Пушкина, 4 главы “Евгения Онегина”, “Сказка о мёртвой царевне и семи богатырях”, 43 стихотворения М.Ю. Лермонтова), “Жемчужное ожерелье” (поэзия, миниатюры, статьи, фельетоны), “Из мира Парнаса” (Ш. Бодлер, “Плоды зла” и антология французской лирики, а также цикл песен Э. Верхарна, Ж. Роденбаха, Г. Гейне, Гёте, П. Шелли, Э. По). Запланировали издание ещё нескольких томов с лекциями, эссе, статьями по литературе, однако экономический кризис помешал этому. Рукописи Найдуса его близкие передали в Еврейский институт в Вильно. Дальнейшая их судьба неизвестна.

В годы войны часть архива института погибла, а уцелевшую часть вывезли в США. Редакторами всех томов были А. Зак и Х. Житницкий. Именно Заку принадлежит характеристика поэта — “виртуоз еврейской поэзии”. Воспоминания А. Зака под таким названием вышли в 1956 году в Аргентине. Там же в 1972 году вышли избранные поэтические произведения Л. Найдуса. Десятая годовщина смерти поэта (1928 год) была отмечена переименованием улицы Песчаной, где он жил до смерти, в улицу имени Найдуса. Она и сейчас носит это имя.

Судьбу рукописей разделила и могила поэта. Л. Найдус был похоронен на древнем еврейском кладбище между тогдашними улицами Резницкой, Калиновского, Грандичской. В 1925 году на могиле поставили памятник, созданный известным варшавским скульптором Абрамом Остреге — фигура ангела с опущенной головой и печально поникшими крыльями (этот скульптор был также автором надгробия писателя Переца и погиб в газовой камере в Трешлине). При закладке этого памятника П. Маркиш сказал: “Если бы Найдус сегодня был жив, он был бы главной фигурой в нашей поэзии”.

В 50-х годах советские власти ликвидировали кладбище, построив на его месте стадион, известный гродненцам под названиями “Красное знамя” и “Неман”. Останки людей куда-то вывезли, памятники уничтожили. Говорили, что их использовали для постаментов памятника Ленину. В 1992 году по инициативе почитателей поэзии Найдуса в Варшаве на еврейском кладбище было установлено надгробие в память о поэте вместо того, что было уничтожено в Гродно. Часть суммы для него прислали землячества гродненцев из Израиля и Аргентины, остальную пожертвовали частные лица из Варшавы.

Нет могилы поэта на гродненской земле, не сохранились рукописи, а изданные книги стали библиографической редкостью. И только таблички на улице его имени напоминают о том, что в Гродно жил и создавал новую литературу талантливый “виртуоз еврейской поэзии” Лейба Найдус.

Из Книги Лейбы Найдуса “Осень”

*Дождик осенний в окно монотонно
Бьётся в бессильи немом
Ветер по улице глухо рыдая
Носится в мраке ночном.
Ночь молчаливая смотрит уныло
Взором застывшим в окно
Тянутся чёрные тени по стенам
Жутко...тоскливо...темно...*

Где вы весенние дивные грёзы?
Где вы минувшие дни?
Канули в мрачную бездну надежды
Умерли жизни огни.
Грустно...с тоскою сижу у стола я
В думах о счастье былом
Ветер ночной безнадежно рыдает
Плачет с мольбой под окном.

Солнце с дождём, солнце с дождём!
И капли звенят золотистым огнём.
Смеются, кружатся и падают вниз—
На шёлковых нитях мерцающих искр.

Солнце с дождём, солнце с дождём!
И в травах зелёных дороги проём.
И ветреный ветер целует цветок—
Улыбка ребёнка— сквозь слёз ручеёк.

Солнце с дождём, солнце с дождём!
И с берегом речка танцует вдвоём.
И капают капли, и тонут легко—
Круги золотые бегут далеко.

Солнце с дождём, солнце с дождём!
А в тебе, грохочущем и голубом,
Построен цветком удивительный мостё—
К бездонному счастью, мерцанию звезд.
(Перевод с идиш Светланы Аксеновой-Штейнград)

Федор Игнатович
ДОКТОР ЭСПЕРАНТО

Учёные насчитывают не менее 700 попыток создания искусственного языка. 110 лет назад в Варшаве под псевдонимом Д-р Эсперанто вышла книга “Международный язык. Предисловие и полный учебник”, которой было суждено большое будущее. Но поначалу автор, видимо, не надеясь на успех, не решился назвать своё настоящее имя. Однако со временем предложенный им новый язык, получивший название “эсперанто”, стал признанным средством международного общения.

А псевдоним Эсперанто (“надеющийся”) придумал для себя врач Л.М. Заменгоф. Родился Лазарь (Людвиг) Маркович 3 (15) декабря 1859 года в Белостоке в семье учителя. Тогда это был небольшой уездный город Гродненской губернии, в котором проживали поляки, евреи, белорусы, русские, литовцы и немцы.

Когда Лазарь учился в реальном училище, он увлекся собиранием новых слов, но и сам стал сочинять их и использовать в разговоре со сверстниками. Этим детским забавам суждено было в дальнейшем перерасти в серьезное увлечение.

После переезда родителей в 1873 году в Варшаву, Лазарь продолжил учёбу в гимназии № 2. Он стал задумываться над тем, как сделать более доступным общение между людьми, которые говорят на разных языках. В пятом классе Лазарь увлёкся идеей создания международного языка. К этому времени он уже неплохо знал немецкий и французский, начал изучать английский. Лазарь обратил внимание, что часто произношение и написание одних и тех же слов в разных языках совпадает. Ему пришла в голову идея: используя корни, с помощью суффиксов и окончаний создавать новые слова, которые были бы понятными всем. В 1878 году, уже будучи учеником выпускного класса гимназии, Лазарь представил грамматику и словарь “общего языка” на суд товарищей по учёбе. Их мнения разделились: было и признание, но не обошлось без насмешек.

Отец хотел, чтобы сын стал адвокатом или врачом, и поэтому не одобрял увлечение языками. По его настоянию Лазарь поступил на медицинский факультет Московского университета. Из-за того, что он был занят учёбой, идея создания нового языка отошла на второй план. К тому же приходилось зарабатывать на жизнь репетиторством. Зато в Варшаве, куда он перевёлся в 1881 году, наряду с учёбой Лазарь завершил создание языка. Написал даже первые стихи на нём.

Получив в феврале 1885 года диплом, молодой врач отправился на работу в местечко Вейсей, в 160 километров от Белостока. В сельской глуши он закончил создание нового языка. Только в 1887 году он решился выпустить в свет за собственный счёт учебник. В том же году автор переиздаёт его на немецком, французском и польском языках, а в следующем 1888 году — на английском.

Первые 5 лет были трудным испытанием для эсперанто. У него имелся весьма серьёзный предшественник — тоже искусственный язык “воляпюк”, предложенный в 1878 году немецким священником И.М. Шлейером (1831–1912). На 1889 год выпал пик его популярности. Но этот язык усваивался с

трудом, имел сложную грамматику.

Л.М. Заменгоф переехал в Варшаву и стал работать врачом-окулистом в госпитале. Он стал усиленно пропагандировать эсперанто. Уже к 1891 году его учебник был издан на 17 языках. Одновременно Заменгоф вел работу по расширению словаря, составлению хрестоматии. На эсперанто Л. Заменгоф публиковал художественные произведения, как переводные, так и собственного сочинения. С 1889 года в Нюрнберге стал выходить журнал “Эсперантист” под редакцией Л. Заменгофа и Х. Шмидта. Вскоре у нового языка появились сторонники во многих странах мира.

Из-за увлечённости эсперанто Л.М. Заменгоф мало внимания уделял врачебной деятельности, и семья испытывала нужду. В поисках выгодной медицинской практики в 1893 году он переехал в Гродно. Первые документы о его пребывании в городе над Неманом были найдены Е.И. Еременко в 1984 году в историческом архиве. В частности, в “Памятных книжках Гродненской губернии” 1896 и 1897 годов он значился в списках частных врачей. Но в “Российских медицинских списках” его фамилия называлась в числе врачей, работавших в Варшаве и Херсоне.

Потребовались дополнительные поиски, чтобы не только подтвердить факт пребывания Л.М. Заменгофа в Гродно, но и получить новые данные о его деятельности. В архивном фонде врачебного отделения губернского правления нам удалось обнаружить регистрационную карточку на врача Лазаря Марковича Заменгофа от 22 октября 1893 года. Он заполнил её, когда обратился за разрешением работать в Гродно. В карточке, кроме уже известных данных о времени рождения и окончания университета, указано, что его специальность — глазные болезни. Было также отмечено, что недвижимым имуществом не владеет, женат и отец двоих детей.

Получив от властей разрешение на частную практику, Л.М. Заменгоф открыл приёмную в квартире, которую арендовал, на улице Полицейской (ныне — ул. Кирова) в доме Рахманина. Как известный врач он не испытывал недостатка в пациентах. Несмотря на занятость, Л.М. Заменгоф участвовал в работе общества врачей Гродненской губернии. В связи с тем, что широко распространились глазные болезни среди школьников города, общество решило выяснить причины. По его заданию в 1896 году Лазарь Маркович совместно с коллегой В.К. Шенбергом обследовал детей. Действительно, они выявили много школьников с нарушениями зрения, что было следствием неудовлетворительных условий жизни и учёбы. Результаты этой работы обсудили на заседании общества и направили во врачебное отделение для принятия мер.

Л.М. Заменгоф не стоял в стороне и от других проблем города. Его фамилию мы нашли в списке присяжных заседателей Гродненского окружного суда. Участвуя в процессах, он проявлял твердость и принципиальность. А когда военное ведомство стало уточнять списки врачей для возможной мобилизации, он подал 20 июня 1896 года рапорт: “Нижеподписавшийся обязуюсь в случае войны исполнять обязанности врача по месту жительства в Гродно”.

На годы жизни Л.М. Заменгофа в Гродно приходится второй, не менее трудный период в становлении эсперанто. Некоторые из его последователей развернули дискуссию о необходимости реформирования эстеранто. На основе поступивших предложений в 1894 году Лазарь Маркович составил анкету, которую опубликовали в журнале “Эсперантист”. Большинство участников

опроса высказалось за то, чтобы язык оставить без изменения. Часть несогласных покинула ряды эсперантистов.

В Гродно Л.М. Заменгоф продолжал редактировать журнал “Эсперантист”. Как редактор и администратор он много сил и времени тратил на организацию подписки, поиск денежных средств. По мере возможностей Лазарь Маркович занимался переводческой деятельностью. Он надеялся когда-нибудь издать на эсперанто “Библиотеку всемирной литературы”. В частности, с согласия Элизы Ожешко Л.М. Заменгоф перевел на эсперанто её повесть “Марта”.

К сожалению, в издательской деятельности возникли осложнения. После перевода и публикации в “Эсперантисте” статьи Л.Н. Толстого “Вера и благоразумие” начались преследования цензуры. Это стало, наряду с материальными трудностями, причиной закрытия журнала в 1895 году.

Вместе с семьёй Л.М. Заменгоф прожил в Гродно 4 года. Во врачебной карточке имеется запись от 16 сентября 1897 года, что он выбыл в Варшаву. Сохранилось в архиве и его письмо во врачебное отделение от 27 октября: “Честь имею заявить, что я оставил город Гродно и переехал на постоянное жительство в Варшаву. Лекарь Лазарь Заменгоф”.

Возвращение в Варшаву содействовало установлению более тесной связи Л.М. Заменгофа с международным движением эсперантистов. Немалая его заслуга в подготовке и проведении в 1905 году первого международного конгресса. Его участники одобрили подготовленное Л.М. Заменгофом новое руководство по эсперанто, а также высказались за неизменность основ языка. Достижение единства способствовало росту числа последователей эсперанто. В 1910 году в мире насчитывалось уже около 1 500 объединений и групп знатоков нового языка.

Мировая общественность ещё при жизни высоко оценила заслуги Лазаря Марковича Заменгофа. И после его смерти, наступившей 14 (27) апреля 1917 года, они не преданы забвению. Ему посвящено несколько монографий. На языке эсперанто выходят десятки журналов и книг. Его имя носит около тысячи улиц, площадей во многих странах мира.

Помнят о Л.М. Заменгофе и в Гродно. 15 лет назад создан и действует в городе клуб любителей эсперанто. В 1985 году Гродненское научное общество историков медицины провело заседание, посвященное 125-летию со дня рождения коллеги. На доме по улице Кирова, где жил создатель эсперанто, в 1991 году установлена памятная доска. В 1991 и 1993 годах в Гродно состоялись международные конференции эсперантистов.

Илья Куксин

МАГ ПРЕСТУПНОСТИ

В пятом номере журнала “Мишпоха” за 1999 год есть материал, в котором рассказывается о двух евреях-эмигрантах из черты оседлости царской России. Они приехали в Америку и стали там крупными фигурами в мире организованной преступности. Гигантская волна еврейской эмиграции, преимущественно из Восточной Европы, давшая США известных учёных, писателей, артистов, врачей, генералов и адмиралов, государственных деятелей, выбросила на американский берег и тех немногих, которые вызвали головную боль у представителей правоохранительной системы.

Одного из них звали Меир Лански, хотя настоящая фамилия его была Суховлянский. Он родился в Гродно, откуда в 1911 году в девятилетнем возрасте вместе с родителями эмигрировал в США.

Когда Суховлянские заполняли эмиграционные бумаги, его мама, испуганная строгими вопросами чиновника и плохо понимая английский язык, никак не могла назвать дату рождения сына. Происходило это 4 июля, и рассерженный чиновник записал эту дату как день рождения Меира. Впоследствии американский патриот Меир Лански всегда торжественно отмечал День независимости США, но не отмечал его в этот день.

Поселилась семья Суховлянских в Нью-Йорке, Меир пошел в школу, но среднего образования не получил, ограничившись восьмью классами. Самостоятельную жизнь он начал с работы инструментальщика, затем, подучившись, стал работать автомехаником. Жил Меир в районе, где процветал подпольный игорный бизнес, на улицах постоянно дрались и стреляли друг в друга крупные и мелкие банды. Меир присматривался ко всему: и к игорному бизнесу, и к деятельности гангстеров. Присматривались и к нему, а когда владелец автомастерской предложил ему перекрашивать и слегка переделывать краденые машины, то Меир, ни на секунду не задумавшись, согласился. Стал понемногу играть, и в шестнадцатилетнем возрасте попал на три месяца в тюрьму за участие в запрещённых законом азартных играх. С тех пор властям США больше никогда не удалось упрятать его за решётку. Арестовывали его много раз, но тут же выпускали под залог, до суда дело не доходило. Он раз и навсегда запомнил поправку к конституции США, которая гласит, что можно отказаться давать показания, которые могут быть использованы против него.

Уголовная деятельность началась, когда Лански познакомился с Беном Сегалом, впоследствии крупнейшим воротилой и создателем игровой империи Лас-Вегаса. Они организовали банду, которая на первых порах занималась обычными криминальными делами — кражей автомобилей, вымогательством, немного бутлегерством (контрабандой алкоголя).

Именно Меир Лански убедил главарей ряда банд, а в первую очередь влиятельного гангстера Лучиано по кличке “Счастливчик”, создать объединение. Его назвали Восточный Синдикат (позднее просто Синдикат). Затем Меир сумел уговорить гангстеров других городов США присоединиться к Синдикату. Так была создана крупнейшая в мире уголовная организация с единым руководством. В ней Лански был контролёром, через его руки проходили все полученные преступным путем деньги. Самым сложным было пустить их в оборот. Лански сумел организовать целую индустрию “отмывания” этих “грязных” денег. “Отмытые” деньги поступали на счета в банки

Швейцарии, а оттуда как иностранные капиталы возвращались в США и вкладывались в недвижимость, банковский капитал и некоторые области вполне легального бизнеса, принося Синдикату несметные прибыли. Всем эти руководил Меир Лански. Он обладал блестящими организационными способностями, хорошо разбирался в вопросах бизнеса, как легального, так и преступного. Его авторитет был непререкаемым.

Отмена сухого закона нанесла преступникам существенный урон, и Синдикату пришлось быстро переориентироваться на игорный бизнес. Управлял деятельностью Синдиката узкий круг людей. Дисциплина была железная. Малейшее отклонение от установленных руководством Синдиката правил каралось смертью. Была создана специальная организация, которая занималась исключительно заказными убийствами. Лански, как считается, играл в ней ключевую роль. После отмены сухого закона власти Нью-Йорка взялись за гангстеров. Руководители Синдиката перебрались в Калифорнию, но Лански до середины пятидесятых годов держал в Нью-Йорке квартиру, куда частенько наведывался для контроля и руководства затаившимися членами Синдиката.

В начале Второй Мировой войны Лански и Лучиано подали заявления на вступление в армию США. По неофициальным данным, они были зачислены в секретное подразделение военно-морской разведки. В его задачи входила борьба с немецкими и итальянскими шпионами в крупных портах США. Предполагается, что наиболее удачной диверсией фашистов был пожар на самом крупном пассажирском лайнере мира “Нормандия”. Лайнер переоборудовали для перевозки американских солдат в Англию. После этого случая до конца войны не было ни одной диверсии.

О том, что это заслуга Лански и Лучиано, говорит следующий факт. Когда в шестидесятых годах в ряде американских газет была затеяна шумная компания по лишению Лански и Лучиано американского гражданства и депортации их из страны, то вдруг, как по мановению волшебной палочки, она была прекращена. В ответ на недоуменные вопросы некоторые редакторы сообщили, что их ознакомили с секретными документами. Из них следовало, что и Лански, и Лучиано внесли существенный вклад в военные успехи США, и требовать их депортации просто несправедливо. После войны Лански обосновался во Флориде и обратил внимание на Кубу. Тогдашний кубинский диктатор Батиста быстро нашёл общий язык с Лански и за соответствующее, несомненно, приличное вознаграждение дал ему возможность делать деньги на острове. Так, Синдикат, а точнее Лански, полностью контролировал игорный бизнес и проституцию, что приносило гигантские доходы, которые сразу же вкладывались в строительство отелей и другой легальный бизнес.

Но произошла революция, власть перешла в руки Фиделя Кастро. Недвижимость на Кубе, принадлежавшая Лански, была конфискована, запрещены азартные игры и проституция. Лански попытался найти общий язык и с Кастро, но ничего не получилось. Разъярённый Меир пообещал миллион долларов тому, кто убьёт Кастро, но потом одумался и отказался от своих слов. Он полностью перешёл на подпольный игорный бизнес. Явные и подпольные казино успешно функционировали в Нью-Йорке и Новом Орлеане, в Майами и других городах. Особое внимание Лански обратил на Багамы и прочие курортные места Карибского моря. Сеть его игорных заведений достигла и Англии, где самый шикарный закрытый клуб, в котором процветали азартные игры, номинально принадлежал известному английскому актёру, а фактически его руководителем был Меир Лански.

К концу шестидесятых годов тучи начали сгущаться над Лански. Несмотря на глубокую конспирацию, властям США стало известно многое о его деятельности, за что Лански могли отправить в тюрьму. И он решил переселиться в Израиль, где по закону о возвращении Меиру Лански было бы гарантировано израильское гражданство. Но против предоставления ему гражданства резко выступило Министерство внутренних дел Израиля. Министр внутренних дел кое-что знал о нелегальной деятельности Меира и вполне резонно опасался, что с переездом Лански сюда из США переместится центр организованной преступности.

Лански нанял лучших адвокатов и затеял процесс против Министерства внутренних дел. Адвокаты Лански настаивали на предоставлении ему гражданства Израиля. Они утверждали, что у их клиента нет уголовного прошлого, что если его однажды и арестовывали, то это было давно, в юношеском возрасте. Почти сорок лет власти США так и не могли доказать принадлежность Лански к преступному Синдикату, а кроме того, Меир из личных средств многие годы вносил крупные пожертвования в пользу Израиля. Казалось бы, чаша весов стала склоняться в пользу Лански, но Министерство юстиции представило на закрытом заседании суда некоторые документы. Процесс Лански проиграл, но подал апелляцию в Высший суд справедливости Израиля. Дело его вёл известный израильский судья Габриэль Бах.

Он обратился за помощью к тогдашнему министру юстиции США Джону Митчелу. Баха пригласили в Вашингтон и на первой же встрече предупредили, что Лански может создать в Израиле центр организованной преступности. Затем его ознакомили с массой документов, где Лански фигурировал как крупнейший организатор подпольного преступного мира. Ознакомившись с делами специальной следственной комиссии сената США по вопросам организованной преступности, Бах ужаснулся. Деятели, вернее, руководители Синдиката, сами назначали себе следователей и судей, за деньги выбирали шерифов и других должностных лиц, которые вместо борьбы с организованной преступностью охраняли её от закона. Его ознакомили и с допросом Лански в этой сенатской комиссии. Так, на вопрос, знаком ли Лански с Капоне, тот ответил утвердительно. На второй вопрос о том, заключал ли он с ним какие-либо сделки, Лански, сославшись на поправку к конституции США, отвечать отказался, заявив, что не собирается заниматься разоблачением самого себя. Всё, что Бах узнал в США, было представлено в Суд справедливости. А в это время Интерпол сообщил властям Израиля, что Лански намерен провести в Израиле “совещание на высшем уровне” крупнейших главарей организованной преступности, и рекомендовал не мешать этой встрече, чтобы установить за её участниками наблюдение. Израильские власти отказались это сделать и приняли по делу Лански решение об отказе в предоставлении гражданства и высылке его из страны. Меир очень не хотел возвращаться в США. Он обратился к ряду стран с просьбой предоставить ему убежище, сулил большие деньги некоторым руководителям стран Латинской Америки, но имя его после процесса в Израиле стало настолько одиозным, что никто не решился на это. Пришлось возвращаться в США. У трапа самолёта Лански был арестован, а затем выпущен под большой залог. На все вызовы в суд он предоставлял медицинское заключение о плохом состоянии здоровья.

Министерство юстиции назначило свою медицинскую комиссию, которая подтвердила прежние заключения. Лански, перешагнув семидесятилетний рубеж, действительно страдал многими недугами. Он поселился во Флориде и

вёл жизнь обычного пенсионера. Кроме агентов ФБР, никто не мог предположить, что это - самый крупный уголовный авторитет мира.

В самом конце 1982 года Лански почувствовал себя плохо. 31 декабря он был доставлен в госпиталь в Майами, где 15 января 1983 на восемьдесят первом году жизни скончался. Согласно медицинскому заключению, причиной смерти был рак. Его похоронили на еврейском кладбище Майами Бич. Провожали Лански в последний путь около сорока человек, за многими из которых следили агенты ФБР.

Разумеется, никто, кроме самого Меира Лански, не знал подлинных размеров его богатства. В биографии, опубликованной через восемь лет после смерти, его состояние оценивается в 300 миллионов долларов. Деньги хранились в банках Швейцарии, а недвижимость и акции в США были оформлены на подставных лиц.

Авторы биографии Меира задают вопрос, но не отвечают на него — для чего этому, как они утверждают, финансовому магнату преступного мира все это было надо. Он не жил во дворцах, не имел яхт, шикарных лимузинов, вёл скромную жизнь, но более полувека не давал покоя американской юстиции.

Михаил Кемеров

МАЛЕНЬКИЙ УЗНИК

Это случилось во время Второй Мировой войны. В марте 1943 года нацисты объявили Гродно городом, “очищенным от евреев”. Были уничтожены 44 тысячи жителей города и окрестностей, прекратила существование Гродненская еврейская община.

Гетто не являлось лагерем для военнопленных. И не от бомбежек горел в Освенциме целых четыре года страшный огонь, уничтожавший человеческие тела. Жертвами ужасной, неизвестной до той поры в истории цивилизации охоты на людей стали мужчины и женщины, старики и дети, беременные, больные и здоровые.

Ещё до того, как их вывезли и лишили жизни в газовых камерах Освенцима и Трешлинка, этим людям уже был вынесен приговор — жить в безграничном унижении и умереть в отчаянии.

В сердцах людей, согнанных в гетто, не угасала надежда. С утра они благословляли новый день, ожидая чуда. Но откуда могло прийти избавление? Соседи, рядом с которыми их семьи жили из поколения в поколение, часто оказывались равнодушными наблюдателями. Обречённых окружали друзья, добрые знакомые из одного двора, компаньоны по бизнесу, школьные товарищи. Тех, кого фашисты решили истребить, отличало одно — принадлежность к еврейству.

Но в море безграничной жестокости и преступного равнодушия, понять и простить которое невозможно, встречались люди — русские, поляки, белорусы, — спасавшие евреев. Житель областного центра Петр Александрович Наумюк хорошо помнит то страшное время и еврейского мальчика, которого его семья прятала.

— Мы познакомились ещё до войны, — рассказывает Петр Александрович. — Иона Зарецкий учился в гродненской еврейской школе. Я

был старше на четыре года и помогал ему по математике. Роза Абрамовна Зарецкая вместе с моей мамой Надеждой Ивановной окончила Гродненскую русскую Мариинскую гимназию.

Пинхус Зарецкий работал аптекарем, имел свой склад медицинских препаратов, его жена была неплохим дантистом, и наша семья лечила у неё зубы. В сентябре 1939 года после присоединения Западной Белоруссии к СССР Иона перешёл в обычную среднюю школу, а Роза Абрамовна стала работать в поликлинике.

В июне 1941 года фашисты захватили Гродно, и семья Зарецких, как и все остальные евреи города, была отправлена в гетто. Их загнали за колючую проволоку и заставили работать за жалкую похлебку. Моя мама поддерживала контакты с Розой Абрамовной, передавала ей через ограду продукты. Однажды ее остановил немецкий солдат и проверил сумочку. Он нашел мясо и подозрительно спросил, не несёт ли она его обитателям гетто. Мама ответила: “Евреи свинину не едят. Это запрещено их религией”. Но немец не согласился. “Сейчас для них это всё равно”, — уверенно сказал он, но маму отпустил.

В феврале 1943 года нацисты приступили к окончательной ликвидации гродненского гетто. Ночами узников вывозили на станцию Лососно, грузили, словно скот, в вагоны и отправляли в Трешлинку. Тех, кто пытался бежать, расстреливали на месте.

Поздней февральской ночью в дверь нашей квартиры по улице Студенческой постучался Иона. Он весь дрожал. Мама разбудила нас с отцом. Мы решили спасти мальчика. Иона сообщил, что немцы увезли отца, и тогда Роза Абрамовна сказала ему: “Убегай и, если удастся, иди к тётке Наде”.

Иона скрывался у нас в крохотной кладовке под лестницей, которая вела на мансарду. Мы жили тогда в маленькой двухкомнатной квартире на первом этаже дома, построенного ещё до первой мировой войны моим дедом и отнятого у нас в 1940 году. Кладовка, в которой прятался Иона, была такой маленькой, что стоять в ней было невозможно. Он выходил из своего убежища, чтобы немного размяться, только по вечерам.

Про то, что Иона прячется у нас, знали лишь два человека: его бывшая няня Мелания, простая белорусская женщина, преданная семье Зарецких, а также подруга Розы Абрамовны по гимназии Вера Владимировна Макаль. Спасая мальчика, мы, конечно, рисковали. Оккупационные власти развесили по городу приказы, распоряжения, запрещавшие какую-либо помощь евреям, а заканчивались они словами: “наказание”, “смертная казнь”, “расстрел”. Мне известен такой факт: летом 1943 года шофер Козляра, поляк по национальности, с которым я вместе работал в транспортной конторе, был отправлен в концлагерь Штуттгоф лишь только за то, что хранил у себя вещи еврейской семьи.

Мы не могли оттолкнуть человека, которому грозила гибель. Дважды подвергались смертельной опасности. Однажды неожиданно в кухню вошёл полицейский с собакой. В другой раз к нам вломились двое гестаповцев, которые искали нашу соседку, торговавшую самогонкой. Один из них, палач и садист Курт Визе, был начальником гетто, другой — Карл Ринцлер, здоровенный громила, который жил в доме напротив нас. В обоих случаях мы отделались испугом.

После освобождения Гродно от фашистов в июле 1944 года Иона наконец вышел из своего убежища, прожив там почти полтора года.

Примерно в сентябре 1944 года он отправился в Вильно искать своих

родственников, а когда началась репатриация местных поляков и евреев в новую Польшу, уехал туда, оставив нам благодарственное письмо. Примерно через год мы получили открытку из Парижа, в которой Иона сообщал, что жив и здоров.

В то время наша семья переживала трагедию. В декабре 1944 года мой отец, Александр Варфоломеевич Наумюк, был арестован по ложному обвинению в измене Родине, а мать выселили из города под тем предлогом, что она - бывшая домовладелица. Она пряталась в деревне у знакомых. К слову сказать, всё наше домовладение составляло 138 квадратных метров жилой площади. Меня выселили из квартиры. Тогда я учился в Гродненском педагогическом институте. В августе 1945 года отца освободили решением Особого совещания, а матери разрешили вернуться домой. А в декабре 1945 года по вымышленному обвинению в вооружённом бандитизме и антисоветской деятельности арестован был уже я сам. Через восемь месяцев меня освободили из тюрьмы, а впоследствии реабилитировали. Мы не смогли ответить на письмо Ионы, потому что знали: за этим последуют новые обвинения — “в связях с границей”. Надзор за нашей семьёй продолжался. В 1949 году перед дипломными экзаменами меня исключили из института, обвинив в выполнении религиозных обрядов. Позже я поступил и окончил в Москве Всесоюзный институт промышленности стройматериалов. По иронии судьбы в 1970 году стал преподавателем Гродненского пединститута, а затем, после его переименования, университета...

В семидесятые годы, Петр Александрович попытался узнать о дальнейшей судьбе Ионы через Красный Крест, но ему ответили, что разыскивают только близких родственников. Лишь в 1991 году уехавшая семья Коганов, соседей по дому, в котором живут Наумюки, предприняла по их просьбе поиски. Им удалось разыскать друга Ионы, также бывшего гродненца, Иосифа Старовольского, который в письме рассказал, что Иона в Париже окончил школу кинорежиссёров, женился и уехал с семьёй в Израиль. Всю жизнь, до своей смерти в 1988 году, он делал короткометражные фильмы, снял один большой фильм. Иона Зарецкий был известным и признанным деятелем культуры Израиля.

Петр Александрович Наумюк по-прежнему живёт в Гродно, преподаёт физику в школе-гимназии и вспоминает иногда худенького еврейского паренька, который поздней февральской ночью 1943 года постучался в дверь его дома...

ДВА БРАТА

На самом деле они не были родственниками, хотя и носили одну фамилию — Александровичи. Ещё их объединяло то, что они родились в Гродно, в рабочих семьях, в годы войны партизанили в белорусских лесах и так подружились, что их называли “братья Александровичи”.

До 1939 года город Гродно входил в состав Польши. Родные братья Хаима и он сам были коммунистами. Когда полиция выяснила это, Хаима решили арестовать. Партия нелегально отправила его в Советский Союз, в Москву, учиться в институте национальных меньшинств. Затем по “партийной тропе” Хаим вернулся в Гродно, чтобы бороться за свободу и социальную справедливость. За свои коммунистические взгляды он сидел в польских тюрьмах.

Абрам был простым человеком, без образования. Он спокойно относился к “измам”. Его отец Израиль делал надгробия, и сын перенял эту профессию. Когда Красная Армия вошла в Гродно, Абрам начал работать в похоронном бюро. Он изготавливал памятники для советских граждан, которые оставляли “рай” товарища Сталина, чтобы искать его на небесах. У Абрама было горячее сердце, и он всегда защищал слабых.

Истории из жизни “братьев Александровичей” записал их друг **Болеслав Ротблат** — уроженец Варшавы, командир разведки партизанского отряда во время войны, а в мирные годы ученый-химик, директор завода. В 1957 Болеслав уехал из Советского Союза и обосновался в Англии, в Ливерпуле. Б. Ротבלата уже нет в живых, а его воспоминания сохранила бывшая жена Хаима Александровича **Софья Абрамовна Померанц**.

ХАИМ АЛЕКСАНДРОВИЧ ПОХОРОНЫ

Было это 8 марта 1948 года. Процессия медленно двигалась по холодным улицам Вилейки. Мало людей сопровождало гроб. Впереди процессии, как и положено, когда умирал член партии, плёлся оркестр. Вышли на Советскую улицу и остановились перед домом управляющего спирт-трестом, где работал Хаим. Народ ждал высокого начальника, а в это время оркестр исполнял странную мелодию, не печальный марш Шопена, а что-то похожее на украинский гопак. Наконец отправили делегацию в дом управляющего. Скоро она вернулась и сообщила, что начальство не в настроении идти на похороны. “Вы забыли, — заявил управляющий, — что сегодня 8 Марта, женский праздник, и в такие дни веселятся, а не хоронят.”

Продрогшие, мы добрались до кладбища. Похоронили Хаима. Партийный секретарь прочитал его биографию, и народ с удивлением узнал, что Хаим, который в тресте был маленькой “шишкой”, снабженцем, раньше занимал важное место в коммунистическом движении Западной Беларуси, был секретарём Центрального Комитета, воевал с фашистами.

В тот же вечер мы, несколько друзей Хаима, собрались и с болью помянули нашего дорогого товарища.

ДЯДЯ ВАСЯ

Из всех партизанских бригад отряд “Народные мстители” был самым большим и хорошо организованным. Командовал им майор Василий Воронянский. Бойцы звали его “дядя Вася”. Человек сильного характера,

требовательный, он имел опыт и знания в военных делах. Дядя Вася всегда держался особняком. Он был выходцем из украинских казаков и не очень-то любил евреев, хотя никогда этого открыто не высказывал. Был только один человек в отряде, Хаим Александрович, для которого дядя Вася делал исключение. Когда командир появлялся среди партизан, звучала команда “смирно”. Дядя Вася шёл, высоко держа голову, и ни на кого не смотрел. Около Хаима он останавливался, дружески пожимал ему руку, о чём-то спрашивал. Бывало, в свободное время командир приглашал Хаима сыграть в шахматы, и за игрой они обсуждали разные темы...

Хаим был политруком роты, потом — отряда, заместителем и “правой рукой” командира. Большую часть отряда составляли солдаты, попавшие в плен и сумевшие убежать от немцев. Не все они хорошо относились к советской власти, а некоторые рассматривали “партизанку” только как шанс выжить. Хаим редактировал воззвания, издавал газету, сообщал партизанам новости, которые удавалось услышать по радио из Москвы. Он всегда призывал товарищей к сознательной борьбе с нацистами, и дядя Вася это особенно ценил.

Вспоминается один случай. Немцы решили уничтожить нас, и, зная это, партизаны начали отходить в глубь леса. Одна фашистская часть незаметно преследовала партизан. Она уже была недалеко от лагеря, как вдруг раздался крик: “Немцы!”, — и три роты бросились в лес, в панике оставив часть орудий. Только Хаим не потерял голову. Он схватил крупнокалиберный пулемет и открыл по немцам огонь. Фашисты остановились. Они и не думали, что стреляет только один человек. Когда дяде Васе доложили об этом, он поблагодарил Хаима Александровича, спасшего бойцов от гибели и защитившего партизанскую честь.

ЧУЖИЕ

В первые дни в отряде я познакомился с Хаимом Александровичем. Мы любили играть в шахматы и обсуждать мировые проблемы. Как бывший студент Варшавского университета, я знал обстановку в довоенной Польше и других странах, а оценки Хаима меня очень интересовали. Только одну тему мой товарищ обходил молчанием — еврейский вопрос. Он считал, что в коммунистической системе нет места антисемитизму, и не понимал, почему некоторые партизаны плохо относятся к евреям, называют их не иначе, как “жиды”. В начале войны двое еврейских юношей 16–17 лет уснули на боевом посту. Их расстреляли на глазах у всего отряда. Тогда Хаим считал, что у войны свои законы.

Это случилось в 1943 году. Мы атаковали немецкие гарнизоны у местечка Илья. Вдруг услышали отчаянный крик партизана Фридмана: “Не могу двигаться. Спасите!” Под огнем его вынесли из боя и доставили в медпункт, и там оказалось, что Фридман не ранен. Антисемиты устроили скандал: они кричали, что евреи — трусы, и даже в гетто шли, как овцы на заклание, требовали для Фридмана смертной казни. Хаим молчал, ушёл в себя. Он знал этого парня — умного и отважного партизана, в неполные 20 лет потерявшего всех родных, которых уничтожили в гетто, и думавшего лишь о том, как отомстить нацистам. Через два дня Фридман умер от паралича, полученного во время боя и сопровождавшегося сильными болями. Диагноз поставил врач. Хаим сказал: “И с неевреями это случалось. Но никто не поднимал такой шум”. Вспомнили мы и про расстрелянных ребят и решили, что приговор был бы менее жесток, но их подвела национальность.

Однажды Хаим обратился к капитану Маникову с жалобой на антисемитские выходки нескольких партизан. Коммунист Маников отреагировал так. Он собрал роту и держал перед ней речь в духе Геббельса: “Предостаточно нам еврейского нахальства. Окончится война, а с ней и еврейская гегемония. Хватит терпеть евреев”, и ещё, и ещё... Хаим побледнел, руки у него тряслись. Он ничего не сказал. Но этот случай на многое открыл ему глаза.

РАЗОЧАРОВАНИЕ

После освобождения Беларуси нас демобилизовали. Хаима и меня наградили орденами “Красного Знамени”. Как специалист я сразу получил на предприятии место инженера. У Хаима все складывалось не просто. Многие товарищи с меньшими военными заслугами попали в партийные органы, наркоматы, исполкомы. В Центральном Комитете партии Хаиму предложили работу в торговых организациях. Не помог аргумент, что он никогда этим не занимался, принадлежал к рабочим. Просто Хаим относился к “западникам”, тем, кто до 1939 года жил в Польше, таким людям советская власть не доверяла.

Так Хаим стал снабженцем фабрики в Минске. Он страшно переживал: на работе требовалось обманывать, давать взятки в трестах и министерствах. Жизнь в Минске была тяжёлой: дороговизна, всё необходимое — только на черном рынке. Чтобы получить квартиру, нужно было “подмазать”. Это противоречило натуре Хаима и его жизненным принципам.

Но больше всего его угнетали антиеврейские действия власти. Секретная директива из ЦК предписывала не выставлять евреев кандидатами на выборах в советские органы. В военные школы не приняли еврейских ребят, сирот, смело воевавших в партизанских отрядах. Комиссариат решил устроить этих детей так, чтобы они ни в чём не нуждались. Все формальности выполнили, и ребята были на седьмом небе от счастья. Но в последнюю минуту пришел секретный приказ, и нашего партизана, еврейского паренька, не приняли на учёбу, хотя он больше других отличился в боях. Хаим обратился с протестом к партийному секретарю. Но тот обругал Хаима и заявил, что Александрович не понимает линии партии. После этого случая Хаим решил оставить Минск. Он поехал в Вилейку, где работало тогда много бывших партизан.

ГИБЕЛЬ

Новая работа в Вилейке ещё меньше устраивала Хаима. Управляющему спирт-трестом не нужны были честные служащие. Начальник хвастался, что он родного отца объявил кулаком и отправил в Сибирь.

Последний раз я видел Хаима незадолго до его гибели. Он пришел ко мне в гости. Мы разговаривали допоздна, и я ощутил всю безнадежную глубину его разочарования. Хаим прозрел. Он ясно увидел, что юность и молодость были отданы лжи, которая только рядилась в одежды правды. Ночью я посадил его в скорый поезд. В Молодечно, откуда Хаим должен был поехать в Вилейку, ему стало плохо. Пассажиры пытались отвести его на вокзал, но милиционер не разрешил, сказал, что это пьяница. До утра Хаим пролежал на улице. Утром его увидел знакомый, вызвал “Скорую”. Но было слишком поздно. Хаима парализовало, отняло речь. Пару месяцев он промучился в минской больнице и умер 7 марта 1948 года.

АБРАМ АЛЕКСАНДРОВИЧ ПЛЕН

Когда вспыхнула война, Абрам ушел в армию. Как и многие бойцы дивизии, попал в плен. В лагере немцы удивлённо смотрели на него — высоченный, с широкими плечами и чёрными усами, словно сказочный герой. Ещё он отличался серьёзностью и независимостью — ни перед кем не склонял голову.

Немцы пытались унизить Александровича, сломить его волю. Однажды эсэсовец принялся избивать Абрама. Но в ответ получил такой удар, что, обливаясь кровью, свалился без сознания. Абраму грозила смерть, но не лёгкая, а мучительная, после пыток. У фашистов в лагере было развлечение, которое они называли “футбол”. Абрама посадили в узкую яму так, что из земли виднелась лишь голова. Немцы подходили и били по ней, как по мячу. Вскоре Абрам потерял сознание. Его вытащили из ямы, облили водой и бросили в подвал. Посреди ночи он очнулся. Благодаря своей великой силе поднялся на ноги. Абрам выбрался наружу, схватил сзади часового, задушил его и забрал оружие. По дороге в лес он расстрелял ещё трех фашистов. К партизанам Александрович пришёл вместе с пятью советскими солдатами, также убежавшими из плена.

ПАРТИЗАН

В отряд Абрам и его товарищи пришли с оружием. Их хорошо приняли. Александровича определили пулемётчиком. Раньше это оружие обслуживали три человека: один нёс пулемет, второй — диски, а у третьего была сумка с патронами. Но Абрам справлялся сам. Александровича назначили старшиной отряда. В его функции входило распределение трофейной одежды, обуви и других вещей, необходимых для жизни в лесу. При этом он ничего не оставлял себе. Всё время в отряде, и даже после войны, он носил одну и ту же выдавшую виды кожаную куртку и поношенные брюки.

Про его силу и смелость ходили легенды среди врагов. Авторитет Абрама Александровича среди партизан был очень велик. Полицаи рассказывали друг другу, что в районе появился громадный партизан-пулемётчик с чёрными усами, с которым лучше не встречаться. Абрам был одним из организаторов нападения на немецкие гарнизоны вокруг Вилейки. Он проявил героизм при разгроме немцев в Илье, Любани, Катчиковичах и других местах.

Немцы решили ликвидировать партизан. В боях с нашими отрядами фашисты использовали танки, артиллерию и авиацию. Нас окружили, каждый день кольцо сжималось, партизаны могли навечно остаться в болотах. Был только один путь — под покровом ночи прорваться через немецкие гарнизоны. 6 июня 1944 года наш отряд вырвался из окружения. Через три дня блокаду прорвал отряд, в котором воевал Александрович. При этом командир был ранен в обе ноги. Инстинкт жизни гнал партизан вперед, на раненых никто не оглядывался. Абрам взял командира на руки, вынес его через болота и так спас ему жизнь.

ЗАЩИТНИК

В лесу находился еврейский лагерь. Его обитателями были беглецы из гетто, в основном, старики, женщины и дети. Мужчины, которые приходили в лес с оружием, воевали в партизанских отрядах. Абрам Александрович стал защитником еврейского лагеря. Он не только помогал продуктами и одеждой,

но и оберегал от хулиганов, которые могли напасть на евреев. Парни, которые убегали в лес без оружия, также находили у него защиту. Случалось, что молодые евреи, избежав одной опасности, подвергались другой: называли их “немецкими шпионами” и расстреливали, чтобы забрать хорошее пальто или обувь.

Как-то раз осудили на смерть за “шпионаж” двух еврейских девушек. Узнав про это, Абрам схватил пулемет, ворвался в штаб и заворчал своим басом: “Руки вверх! Все к стене! Не допущу расстрела безвинных!” Штабисты попросили его успокоиться, заверили, что никто девушек не тронет. За такое поведение в военное время полагалась смерть. Но, зная авторитет Александровича, и то, какое впечатление его казнь произвела бы на партизан, Абрама не тронули.

АДЪЮТАНТ

У Абрама появился “адъютант” — тринадцатилетний мальчик из еврейского лагеря. Звали его все Лазарка, а фамилия мальчика была Визенфельд. До войны его отец учительствовал, хорошо знал языки, а также историю и философию. В марте 1943 года семью Визенфельдов, семь человек, нацисты вывезли в местечко Илья. Вместе с сотнями других евреев их расстреляли на местном рынке. Лишь Лазарке и его сестре Поле удалось спрятаться и затем убежать в лес.

Абрам жалел Лазарку и относился к нему, как к сыну. Перед моими глазами картина: маленький Лазарка сидит на подводе, рядом шагает Абрам, в руках у него пулемет, Абрам учит мальчика управлять лошастью...

МЕСТЬ

После войны Абрам Александрович поставил перед собой цель — найти и предать суду тех, кто помогал нацистам “окончательно решать еврейский вопрос”. Случалось, он расправлялся с ними сам, за что мог легко поплатиться.

Как-то Абрам отправился в Молодечно. В вагоне один из тех, с кем Александрович в мирное время продолжил борьбу, узнал его. Вместе с друзьями он напал на Абрама. Ему набросили на голову мешок и принялись избивать. Абрам вырвался, выхватил у одного из нападавших металлический прут и ответил ударами. В драке Александрович получил несколько серьезных ран. Он попал в госпиталь, где провёл много времени. После этого случая Абрам помрачнел, перестал улыбаться. Этому способствовали и другие неприятности, особенно смерть “брата” Хаима, которого он очень уважал.

Со временем на богатыря Абрама напали болезни. Он страдал от диабета. Абрам начал заглядывать в рюмку, и ему стало ещё хуже. Умер он в июле 1959 года в возрасте 60 лет и был похоронен в Вилейке рядом с Хаимом Александровичем.

СИОНИСТЫ

Лёша никогда сионистом не был. Более того, гордился своей принадлежностью к русскому народу, а что касается сионизма, и вовсе не знал, что это такое, а все остальные небезопасные “измы” старался обходить.

Изучал Лёша в Гродненском университете математику, занимался кик-боксингом, любил девчонок, в общем, делал всё, что нравилось. Лёша знал, что его бабушка -еврейка, но это не волновало его. Несмотря на свои семьдесят девять лет, бабушка работала в университете и жила русской культурой и “великим и могучим языком”, да ещё двумя внуками, Лёшей и его сестрой.

И вдруг Лёша удивил семью: засобирился в Израиль. а на вопрос “почему” ответил просто: “Мне это в кайф”. Больше других поразила бабушка, но перечить не стала, и начала складывать свои книги и рукописи, чтобы завершить новую научную работу на “земле обетованной”.

...За много лет до Лёшиного рождения жил в Гродно бедный сапожник Берл-Мотке по фамилии Паес. Его хата стояла на улице Фурманской, что в занеманской части города, недалеко от железнодорожного переезда. Дом состоял из трёх комнат и веранды. Если зайти через широкую дверь, можно было увидеть большую комнату. На стенах находились полки с колодками разных фасонов обуви, а в углу лежали подошвы и куски мягкой кожи. На гвозде висели длинные бумажные мерки. Посреди комнаты за столом сидел невысокий округлый еврей с добродушной улыбкой. Это и был Берл-Мотке. Мастерская кормила его семью из десяти человек. Семь детей было у Берл-Мотке, и всем он дал образование, а один сын даже стал инженером.

В общественные дела Берл-Мотке не вмешивался, потому что всё его время занимала работа. Но когда на фортштате выбирали раввина или кантора, тут уже Берл-Мотке вступал в дискуссию в защиту своего кандидата. При этом он выходил из себя, кричал, жестикулировал, один раз даже потерял сознание.

Надо было видеть, как в субботу Берл-Мотке шел в синагогу. Он был одет в новый пиджак и высокую шапку, чтобы казаться выше, и шагал в сопровождении свиты парней, как будто весь мир принадлежал ему.

Берл-Мотке был ярким сионистом и так же воспитал своих детей. В 1920 году в первой группе халуцим уехали в Израиль двое его сыновей. Через некоторое время ещё двое совершили “алию”. Тогда Берл-Мотке продал мастерскую, дом и с семьёй репатриировался в Израиль.

Когда он получал документы для поездки в паспортном отделе магистрата, начальник отдела пани Жонголович спросила: — Ваш род занятий?

— Я — фокусник, — Берл-Мотке посмотрел в удивлённые глаза начальницы, достал свой молоток и объяснил:

— Если я сумел таким молотком добыть пропитание для десяти ртов, то я фокусник.

Пани Жонголович рассмеялась, затем задумчиво произнесла:

— Мудрый еврей. Почему он уезжает?

Берл-Мотке сапожничал в Израиле до конца своих дней.

...Израильский “стаж” Лёши — всего полгода. Он серьёзно изучает иврит и уже не называет его “китайской грамотой”, а ещё он планирует учиться и помочь бабушке и сестре, которые скоро приедут. У Лёши впереди большая жизнь, и, дай Бог, чтобы он нашёл себя и полюбил страну, которую выбрал, как когда-то бедный сапожник Берл-Мотке по фамилии Паес.

МЕЖДУ ДВУХ ЗВЕЗД

В судьбе Софьи Абрамовны Померанц, насыщенной радостными и печальными событиями, дорогами, встречами и прощаниями, ярко и своеобразно отразились некоторые странности XX века.

Она родилась в 1905 году в Гродно в бедной еврейской семье. У её родителей было трое детей. Отец и мать верили в Бога, в доме выполнялись все предписания иудаизма: соблюдали кашрут, в пятницу вечером зажигали свечи и молились, отмечали еврейские праздники. Ещё одно воспоминание Софьи Абрамовны сохранила с детства: зимними вечерами мама собирала детей у печки и они ждали, когда появится свет в окнах синагоги стекольщиков, которая находилась на улице Мостовой. Только после этого зажигали свет в доме.

К ним в гости часто заходил известный еврейский поэт, чьим именем назвала одна из улиц Гродно, Лейба Найдус. По выражению Софьи Абрамовны, это был “простой и симпатичный молодой человек”. Лейба дружил с её братом Александром Померанцем, который впоследствии уехал в Соединённые Штаты и стал там журналистом.

Отец Софьи Абрамовны был медником и получил даже медаль от царя за работу. Его родные братья жили в Америке. Как-то и он собрался попытаться счастья за океаном. Желая подзаработать, отец перепробовал много профессий, но в Америке ему не везло. Тогда он вернулся в Гродно, открыл мастерскую и со временем встал на ноги.

Когда началась Первая Мировая война, мама “ходила с животом”, в семье ждали прибавления. В те дни отца забрали в армию, а семья переехала в местечко Косово, что недалеко от Бреста. В 1914 году после родов мама умерла. Родственники и знакомые помогали детям, чем могли. Соню и её брата родные забрали к себе в Слоним.

В 1918 году отец вернулся с войны. Из его мастерской немцы забрали весь материал и кожаные ремни, и работать как прежде он уже не мог. Тогда отец стал общественником. Его избрали в профсоюз ремесленников, в городское управление. Однажды в Гродно собрался приехать театр оперетты, и следовало найти деньги, чтобы принять артистов. В городском совете отец выступил против того, чтобы транжирить средства, так необходимые для решения серьёзных проблем Гродно. Он говорил по-русски, хотя хорошо знал только идиш, эмоционально жестикулировал, и его красноречие победило.

В 1926 году начался новый этап в жизни Софьи Померанц: она отправилась в Палестину. Это сейчас из Минска до “Бен-Гуриона” можно добраться на самолёте за три часа. А её дорога была долгой, через Польшу, Чехословакию, а затем из Франции на корабле по Средиземному морю до Хайфы. В кармане было немного денег, которые прислал дядя из Америки, да адрес родственников, живших недалеко от Иерусалима, которых она прежде никогда не видела.

“Земля обетованная” встретила дождём и быстрой арабской речью. Какой-то еврей, выяснив, что она — член профсоюза, дал пять долларов “на обустройство”. Двое парней, с которыми Соня сразу же познакомилась, предложили работу: две недели она убирала в общежитии и за это получила крышу над головой и еду. А потом Соня Померанц отправилась к родственникам, которые её хорошо приняли, накормили и предложили остаться

жить у них. Но Соня отказалась. В Палестине она встретила двух девушек из Косово — портниху Хеньке и каменщицу Соре-Малке, и они втроём поселились в Иерусалиме. Хеньке шила, а Соня ей помогала, она обрабатывала изнаночную сторону изделий.

...Иерусалим — необычный великий город. Своими хлопотливыми буднями он похож на другие места. Но, возможно, как ни один другой город на земле, Иерусалим способен даровать внутреннюю цельность и просветлённость.

Больше двух лет прожила Соня в Иерусалиме и собралась покинуть его. После смерти мамы она потеряла веру в Бога. Сочувствовавшая коммунистическим идеям, Соня хотела жить в “стране будущего” — Советском Союзе. Её жених Хаим Александрович писал Соне: “Я учусь в Москве, в университете. Приезжай, и у тебя будет такая возможность”.

Она написала брату в Америку и попросила помочь ей отправиться в СССР. Вскоре из Америки пришли деньги. Через некоторое время Соня Померанц оказалась в Барановичах. Оттуда без вещей, “по партийной тропе” она перешла границу. На другой стороне Соню задержали, потом были следствие, минская тюрьма, соседки-воровки. Через три недели Соню освободили.

Горком партии помог устроиться на швейную фабрику “Октябрь”. Выяснилось, что Соня знает грамоту (В своё время окончила подготовительный класс гимназии, помимо русского и идиша, владела немецким и французским). Ей предложили редактировать фабричную стенгазету. Позже в её жизни была Высшая школа профсоюзного движения, факультет журналистики. По окончании учёбы она вернулась на предприятие в качестве редактора многотиражной газеты.

...Шёл 1936. Подруги с фабрики иногда тихо спрашивали Соню: “Ты ещё здесь?”, а имели ввиду “Ты ещё не арестована”, ибо многие уже томились за решеткой. Дошла очередь и до Софьи Померанц. Её взяли в один день с сестрой, которая жила в Ленинграде. Схватили мужа сестры и расстреляли по вымышленному обвинению.

“В тюрьме были тяжёлые допросы. Молодые следователи говорили на каком-то особом языке и отборно матерились. И по головке не гладили”, — вспоминает Софья Абрамовна. -- Когда в первый раз зашла в камеру, показалась, что попала в сумасшедший дом): 80 полуголых женщин в лифчиках и трусах. В камере, которая была рассчитана на 20 человек, страшная жара. Все орут: “Ой, редактор здесь. Соня, давай, рассказывай, какие новости”. В камере было много работниц с фабрики, и меня сразу же узнали. Одна женщина, как потом оказалось, жена репрессированного маршала, подошла ко мне и предложила: “Пойдём со мной” и показала мне место на нарах рядом с ней”.

Софья Абрамовна ненадолго задумалась и продолжила: “Сколько камер я прошла. И сколько интересных людей встретила. Если бы не то время и не тюрьма, в жизни бы их не увидела. Вместе со мной сидели выдающиеся учёные из Академии наук, умные, симпатичные люди. Они читали другим заключённым лекции по математике, электричеству, другим наукам. Я не всё понимала и больше всего любила слушать рассказы о литературе, о Пушкине и Некрасове.

Многое пришлось увидеть и пережить. Когда одну мою подругу уводили на расстрел, она крикнула: “Прощай, Соня!” Заключённые закрыли мне рот. Они знали, если бы я ей ответила, то ушла бы вслед за своей подругой.

В чём меня обвинили? В том, что я помогала мужу шпионить в пользу Польши. Я не могла понять, мой муж учился в Москве, я жила в Палестине, как мы в это же время занимались подрывной деятельностью против Советского Союза?! Как не добивались от меня следователи, я не подписала ни одного протокола.

Два года провела я в неволе, но от меня не добились признания вины и вынуждены были отпустить. Куда, на ту свободу, где «врагам народа» не было места? Куда? На улицу, ведь в нашей квартире уже жила семья следователя НКВД? В кабинете начальника тюрьмы я заявила, что никуда не пойду. Мне сказали: “Но мы вас ни в чём не обвиняем”, а в конце концов дали справку, где записали, что нет за мной никакого преступления.

Прежние жильцы освободили нашу квартиру, в опечатанном диване я нашла свои вещи. Видимо, выглядела я совсем неважно, и когда пришла в первый раз на фабрику, на меня взглянули и ... сразу же дали путёвку в Сочи. Там я поправилась на восемь килограммов”.

В годы войны Софья Померанц работала в колхозе в Свердловской области, затем заведовала детским садом и яслями. Была политруком роты противохимической обороны. После войны она вернулась в Гродно. И здесь узнала, что многие её родные погибли в огне Катастрофы.

Софья Абрамовна стала заведующей библиотекой в Гродненском пединституте. Отправляла письма во все инстанции с просьбой прислать книги по различным специальностям, в которых нуждались и преподаватели, и студенты, и в результате собрала хорошую библиотеку. А однажды к Софье Абрамовне Померанц зашло начальство и без объяснения причин сообщило, что в её услугах больше не нуждаются. Может быть, вновь засомневалось в её благонадёжности.

Сейчас Софье Абрамовне Померанц 95 года. Она уже не выходит из дому, но живо интересуется всем, что происходит. Ещё Софья Абрамовна ведёт обширную переписку с знакомыми — бывшими гродненцами, которые давным-давно разъехались по разным странам: в Израиль, США, Аргентину. Основной язык общения этих людей — идиш, основная тема -воспоминания о днях прошедших, и сегодняшние стариковские заботы. Если кто-то из далёких друзей приезжает в Гродно, побывать на кладбище, постоять молча у дорогих могил, пройти по улицам города, где когда-то прошло детство и юность, то обязательно зайдёт в гости к Софье Абрамовне Померанц.

Мы сидит в её квартире и беседуем, листаем журнал “Гроднер опклангер”, который наши бывшие земляки выпускали в Буэнос-Айресе. На столе стоит фотография. На снимке, который сделан много лет назад в Иерусалиме, Софья Абрамовна совсем молодая. Она смотрит на свою фотографию, затем переводит взгляд на зеркало и говорит: ”Как я сильно изменилась. Как быстро время пролетело”...

МИЛЫЕ ЛЮДИ

Всю жизнь я оказывался в еврейских компаниях. В школе, в девятом, я влюбился во второклассницу, стал вожатым в её группе. Я водил её за руку и вдохновенно рассказывал о русских писателях. Это была удивительно красивая еврейская девочка с чёрными блестящими глазами. Сейчас Полина живет в Петах-Тикве, работает в детском саду и воспитывает своего малыша.

Позже я узнал, что нашу школу называют “жидовской академией”, а её директор переманил многих евреев-учителей из других мест (из 56 педагогов восемь были евреями). Самого директора за глаза, а нередко и в лицо, называли “жидовской мордой”, а он молчал и терпел потому, что знал: на чужой роток не накинешь платок. Ещё одно воспоминание: он лежит в гробу, почётный пенсионер Яков Ильич Злотник, и те же люди, которые ему много крови попортили, превозносят до небес его заслуги.

В 1989 году власть немного ослабила пальцы на горле, и группа гродненских евреев решила создать свое общество. Точнее, воссоздать, ибо история евреев моего города насчитывает не одно столетие, она интересна и трагична. Первое собрание в университете: со сцены читает стихи Лейбы Найдуса бородач в тёмных очках Семен Шамус, психиатр по профессии и чудаков по жизни. Это было время, когда евреи без милицейской охраны боялись вместе собираться.

Первый наш председатель до выхода на пенсию был военным, майором, политработником. Когда евреи слишком шумно вели себя на собрании, он хорошо поставленным голосом кричал: “Идн, тихо!” Помню одну такую встречу и речь председателя: “Святое дело для нас убрать кладбище. Поэтому объявляю субботник”. Старый еврей из президиума что-то тихо сказал ему. Чётко, по-военному, председатель поправился: “А так как евреям по субботам работать запрещено, всё дело переносится на воскресенье”. Вскоре председатель уехал в Бостон, и Бог знает, на каком поприще нашел себя в далекой Америке.

Другая история приключилась со знакомым религиозным боссом. Этот профессиональный еврей отправился в Минск на совещание таких же боссов. Во время обеденного перерыва на первое подали борщ на мясном бульоне со сметаной, и он за милую душу съел. Но другой босс из Минска (тоже в ермолке) подозвал официанта и попросил: “Если можно, мне без сметаны”. На второе принесли курицу с гарниром, политую каким-то жиром. Мой знакомый задумался. Затем пригласил официанта и сказал ему: “Курица — хорошо, а масло уберите”.

Милые люди, гродненцы, осколки большой общины, которая имела многочисленные синагоги, молитвенные дома, школы, больницы, приюты для детей-сирот и престарелых. В Гродно жили евреи, половина всего населения города, так же горячо спорили, и, как свидетельствуют архивные материалы, не всегда использовали только дипломатические выражения. Жаботинцы ругали на чём свет стоит антижаботинцев, против кого-то ополчались бундовцы...

В 1989 году в Гродно проживали примерно полторы тысячи евреев. Но как быстро мы сумели создать организации и лидеров, “построить синагоги”, в которых молились, и другие, в которые — ни ногой! Зато сколько замечательных людей встретились в этих организациях, чтобы вспомнить о своём еврействе!

Боря Едич, добряк, который вечно заикается, и поэтому больше молчит. Он помешан на евреях. “Все люди — евреи”, — считает Боря (комплекс представителя национального меньшинства). Принёс как-то книгу “Знаменитые евреи мира”. В другой раз, когда шли выборы президента Польши, заявил:

— Квас-сневс-ский — ев-рей.

— Да нет же, — возразил я.

— Н-не в-вер-ришь? — спросил Боря и показал вырезку из газеты. На фотографии — демонстрация в Польше и плакат “Квасневский — вон в Израиль!”.

Павел Фейгин, с пятидесятилетием, дорогой! До ста двадцати дожить здоровым и благополучным!

Павел много лет проработал в театре, а сейчас готовится к новой жизни на “земле обетованной”.

— Скоро получу звание “Заслуженный деятель культуры”, и всё.

— Но для чего оно в Израиле?

На этот вопрос Паше нелегко ответить. Но и так понятно, непросто ему прощаться со спектаклями, которые делал, особой атмосферой, в которой жил.

Пять лет назад мы впервые решили отметить в Гродно веселый праздник Пурим. Сняли небольшое частное кафе, пригласили гостей. Но кто-то перекупил зал, заплатив больше, и перед нами даже не извинились. В течение нескольких часов Паша всё устроил. Сорок молодых ребят собрались в банкетном зале ресторана “Старый город”, чтобы отпраздновать победу над злым Аманом.

Недавно Павел пригласил на премьеру. Обычно после спектакля мы встречались в его кабинете заведующего художественно-постановочной частью. Отмечали новую работу театра, за рюмкой коньяка говорили “за жизнь”. Все наши разговоры незаметно переходили на еврейские темы. Но в этот раз Павел попросил:

— Я пригласил пять врачей. Они лечили меня, когда я лежал в больнице. Давай сегодня обойдемся без еврейских разговоров.

Я согласился. Мы пили за здоровье докторов и их пациента Павла Семёновича Фейгина. Вскоре к нам присоединился главный администратор театра. Налили ему и попросили произнести тост. “Зайт гезунд!” — сказал главный администратор и выпил. Врачи не поняли, но также “приняли”. Через некоторое время появился главный режиссёр. Оглядев меня, Павла и главного администратора, он радостно сказал:

— А, евреи собрались. — Затем поднял рюмку. — Лехаим!

Сёма Ледерман, мой добрый друг, как ты? Большой привет городу Сан-Франциско. Еще полгода назад ты сидел у меня в квартире и мучительно решал: ехать — не ехать. Стрелки часов приближались к четырём утра. На столе стояли пустые бутылки и кое-что из еды, а ты (в который раз?!) спрашивал меня:

— Так ехать?

— Наверное, да.

— Но ведь там я уже не буду врачом.

— Не едь.

— Но и здесь на свою врачебную зарплату я не могу прокормить семью, и вынужден подрабатывать санитаром в морге.

— Вот видишь. Надо ехать.

— Но тесть не хочет.

— Тогда не едь.

— Но детям там будет лучше, а что я, я — навоз для них.

— Сёма, едь!

— Так что ты мне всё-таки посоветуешь?

И, как в известном анекдоте, я ответил ему:

— Сёма, крестись и дури голову попу, а не мне. Я хочу спать.

В другой раз Сёма вопрошал: “Как я могу здесь дать детям нормальное образование, когда учительница моей Аньки подчёркивает в её тетради ошибку и рядом пишет: “Ты что издеёшься?”

Когда Сёма наконец-то решился ехать, он пригласил моего хорошего друга Сашу Мосейкова, талантливого художника и скульптора, который живет сейчас под Хайфой, нарисовать его двор. Сёма водил его по двору и просил:

— Напиши это дерево и эту песочницу. Вот моё окно. Нарисуй меня в окне. Я смотрю вдаль, я думаю о дороге, которая мне предстоит.

И Саша, вечно улыбчивый Саша, вдруг совсем по-одесски спросил:

— Сёма, я художник. Но, может быть, тебе нужен фотограф?

Саша выполнил заказ. На небольшой картине был и Сёма в окне, и его жена Люся с детьми Анькой и Ильюшей. Люся всё недоумевала: “Ну почему он нарисовал меня с кривыми ногами? Разве это справедливо? Разве это правда? Ну, сравни с оригиналом”.

Недавно я получил письмо из Сиднея. Юля Париж (Париж из Сиднея) написала: “Ты помнишь те времена, когда мы собирались вместе. Брели одну курицу на десятерых, бутылку хорошего вина или русской водки (если финансы не пели романсы). Нам было весело и хорошо. Многие ребята впервые встретились в нашей компании, и мы сыграли три еврейские свадьбы, а сколько проводили в далёкую заграницу”.

Милые, добрые люди. Мои друзья, гродненцы, и те, кто рядом, и кто далеко — в Израиле, Австралии, Америке, Канаде. Если я не звоню и не пишу вам, простите. Просто не о чём — серая жизнь и надежда на лучшее. Но я помню и люблю вас.

ИСТОРИЯ В ХОХМАХ

Во дворе Гродненского исторического музея лежит камень. Несколько лет назад доставил его туда один археолог, зачарованный странными буквами на камне. Тогда же в городе над Неманом проходил какой-то околонучный семинар. Сотрудники музея пригласили заезжего “светилу” осмотреть находку. Гость напустил много дыма, но не приблизился к разгадке. Оказалось, что это могильный камень с еврейского кладбища, предположительно XVI века. О нём быстро забыли, оставив рядом с мусорными баками.

Историей еврейской общины Гродно за границей интересуются куда больше, чем в Беларуси. Из Англии приезжал исследователь, который собрал и записал, что и как говорили в различных жизненных ситуациях гродненские евреи. В Израиле вышли в свет шесть томов документов и воспоминаний, рассказывающих о гибели 29 тысяч узников гродненского гетто. В годы перестройки и в Гродно на одном из домов, что по улице Замковой, появился знак в память об этой ужасной трагедии. На нём вскоре кто-то нарисовал свастику.

В Буэнос-Айресе издавался журнал на идише “Гроднер опкланген” (“Гродненские отголоски”), который рассказывал о прошлом еврейской общины города, её выдающихся представителях. В одном из номеров журнала напечатаны оригинальные истории, собранные в Гродно ещё до войны Хаимом Шескиным. Это остроумные рассказы, в которых смех и шутки переплетаются с назидательными наставлениями. Они сопровождали евреев в весёлые и грустные минуты их жизни и приобрели право гражданства в устном народном творчестве. В этом материале мы использовали как истории, опубликованные в журнале, так и собственные записи.

*** **

Особенно любимыми и популярными у гродненских евреев были анекдоты. Их рассказывали не только хохмачи из простого народа. Учёные и благочестивые люди пользовались анекдотом для назидательных целей. Хохмой украшали и религиозный диспут, она была к месту в деловом разговоре и на семейном торжестве.

Почти каждая еврейская община имела своего остряка, шута или простака, являвшегося неиссякаемым источником шуток (Гершеле Острополер, Мотка Хабат, Шайка Фарфель и другие). О таком человеке в Гродно говорили: “Сыплет хохмами, как коза бобками”. До войны в городе жила торговка курами, женщина по-своему красивая, острая на язык, с моментальной реакцией. Звали её Мария. Как скажет что-нибудь, хоть стой, хоть падай. Эти “речения”, шутки передавались из уст в уста, люди добавляли к ним “как Мария сказала”. Когда нацисты пришли в Гродно, Мария оказалась в гетто, где её ждала смерть.

*** **

Каждая группа еврейского населения имела свои анекдоты, характеризующие её быт и образ жизни. Например, у воспитанников религиозных школ (иешив) был обширный цикл хохм. Жили “иешивебохерим” очень бедно. Кормили их по очереди в еврейских семьях, чтобы иешиботники могли всё время посвящать Богу. Называлось это “эсентег” — “кушать дни”. Так вот, поспорили два иешиботника: что лучше есть — лапшу или фарфель, если на столе у семьи, которая их пригласила, и то, и другое, а затем они

согласились, что лапша лучше. Ведь фарфель — только в ложке, а лапша — и в ложке, и вокруг неё. (Для фарфеля готовилось такое же тесто, как и для лапши. Разница была лишь в форме, которую придавали с помощью крупной тёрки, или просто рубили тесто на мелкие кусочки, размером с ячменное зерно. Фарфель, как и лапшу, подавали в бульоне, супе, или в качестве гарнира).

*** **

В своё время в хедере или иешиве была популярна песенка “Курица квохчет”:

*Эер лейг их,
Борвес гей их,
Трог их апор хадакес.
(Кладу яйца,
Босиком хожу,
На ногах у меня пара ходаков).*

Начинали её петь во время перерыва между занятиями. За одним учеником подхватывал другой, за классом класс. Сначала пели медленно, а потом — всё быстрее и быстрее, да так, что слышалось только квохтанье. Ни раввин, ни глава иешивы не могли его остановить, пока все не переставали “квохтать”. Иногда кому-то “везло”, и он получал несколько огненных пощёчин.

*** **

Во время Первой Мировой войны немцы оккупировали Гродно. Все жители обязаны были зарегистрироваться и сообщить свой род занятий. Однажды пришёл к чиновнику, который ведал регистрацией населения, меламед. А был у этого меламеда свой хедер, и на вопрос о том, чем он занимается, меламед ответил:

— Я меламед, и у меня 40 детей.
— Как? 40 детей? У одного?!

— Нет, — сказал меламед. — У меня есть помощник.

*** **

Ещё одна интересная страница из жизни гродненских евреев. Связана она с одним из самых веселых праздников — Ханукой. Его история известна: сирийский царь Антиох IV вторгся в Землю Израиля, разграбил и осквернил самое святое для евреев место — Иерусалимский Храм. (Там он приносил в жертву свиней). В 167 году до нашей эры началось народное восстание под предводительством Матитьягу. Евреи изгнали завоевателей, вернули себе контроль над Храмом и решили его освятить заново. Но нашли только кувшинчик оливкового масла, на котором сохранилась печать первосвященника. Его хватало на один день, а по традиции требовалось восемь таких кувшинчиков. Но случилось чудо: масло горело восемь дней.

В память об этом Хануку празднуют восемь дней, в каждый из которых зажигают свечу. С этим удивительным событием связана и детская игра, которой развлекаются в праздник. Для нее используют дрейдл — четырёхсторонний волчок. На каждой из его сторон изображены четыре буквы еврейского алфавита: “нун”, “гимель”, “hey” и “шин”, составляющие фразу на иврите “Нес гадоль хая шам” — “Чудо великое свершилось там” (в Земле Израиля).

25 числа месяца кислев по еврейскому лунному календарю (ноябрь–декабрь) и в Гродненской общине начинали праздник: зажигали первую свечу, ели картофельные оладьи и пончики, так как чудо Хануки связано с маслом. В дни праздника дети играли в дрейдл, только с некоторыми нововведениями. Для

каждой из букв они придумали другое слово — на идише. Заключалось пари, какая буква будет сверху, когда дрейдл остановится. Если “нун” — “нем” (“бери”), “гимель” — “горништ” (“ничего”), “hey” — “helф” (“половина”), “шин” — “штел” (“ставь” опять на кон). Так, идиш, на котором говорили с пелёнок (маме лошн), конкурировал с ивритом, бывшим в основном языком молитвы и Священных Книг (тате лошн).

Но и это еще не всё. Вместо выражения “Нес гадольт хая шам”, в Гродно сочинили другое “Нотэ ганев хакт шлесер” (с идиша — “Нотэ вор рубит замки”), которое было гораздо понятнее.

Вообще многие шутки гродненских евреев построены на каламбуре, на игре слов из идиша и иврита, и поэтому непередаваемы на русский язык. Но и представленные хохмы, хотя и сохраняют парадокс, к сожалению, теряют мелодичность и своеобразие языка идиш.

*** **

Давно замечено, что богатый бедного не понимает. Одним из известных людей в Гродно был богач Брегман. В центре города стояла синагога. Её называли “синагогой Брегмана”, так как он жертвовал на неё деньги.

Рассказывают, что однажды его остановил на улице один бедняк и попросил подаяние.

— Уже пятница, скоро Шабес, а у меня за душой ни копейки, и дом мой пуст.

— Не понимаю, — воскликнул Брегман, — как может еврей выйти из дома без двадцатипятирублёвки в кармане. (По тем временам это были большие деньги).

*** **

Шёл как-то Довид из бани Сидранского. Он очень спешил. Дело было в пятницу, после полудня. Через несколько часов на небе появятся три звезды, и наступит Суббота. Как назло, Довид встретил Менделя, своего знакомого. Мендель поздоровался с Довидом. Но тот вначале ничего не ответил, а потом так грубо сказал: “Куш мир ин тохес”. (Поцелуй меня в задницу).

На следующий день они встретились в синагоге. После молитвы Довид подошел к Менделю и сердечно его поприветствовал. Тут возмутился Мендель:

— Только вчера ты меня обхамил, а сегодня предлагаешь дружбу!

— Пойми меня, — сказал Довид. — Сейчас зима, на улице холодно. Я шел из бани вспотевший, разгоряченный. Если бы я остановился поговорить с тобой, ты бы, конечно, спросил: “Ну, как баня? Было ли тепло? Горячая вода, пар? Как парщик? Хорошо ли он шлёпал?” В это время подул бы холодный ветер, я мог бы простудиться и умереть, а так я здоров, ты здоров, и у нас приятная Суббота. Гуд Шабес!

Во многие сборники анекдотов вошли ставшие классическими хохмы о предусмотрительном еврее. Этот оригинальный анекдот, родившийся в Гродно, построен на том же парадоксе: в результате сложной цепи рассуждений еврей приходит к неожиданному для окружающих выводу, что и вызывает нашу улыбку. В таких типичных фигурах народного юмора своеобразно отразились и особенности уклада жизни, и еврейская история.

*** **

Первое письменное упоминание о гродненских евреях относится к 1389 году: великий князь Литовский Александр Витовт “жаловал” им грамоту: “божница и кладбище освобождены от налогов”. Спустя два столетия в городе уже существовала большая община со своими раввинами, синагогами,

многочисленными учебными и прочими учреждениями. Евреи занимались различными ремёслами — портняжное дело, деревообработка и другие, много строили, торговали сельскохозяйственными продуктами. “Население города в 1891 году состояло: православных — 11 497, католиков — 8 243, протестантов — 281, иудеев — 29 779, магометан — 152” (“Энциклопедический словарь” Брокгауза и Эфрона, С.-Петербург, 1893, т. 18, с.752). Остается догадываться, сколь богатым и интересным было еврейское устное творчество, все эти смешные и поучительные истории (“хохмес” и “майсес”), притчи, пословицы и поговорки, своеобразно и колоритно рассказывавшие о времени и людях, живших в нём.

На одной из встреч в Гродненской большой хоральной синагоге мы услышали такую хохму:

“Бедный еврей после работы у пана принёс домой петуха и много вкусной еды. Жена удивилась.

- Где ты взял всё это богатство?

- Мне пан дал.

- За что?

- Я сказал ему, что за год научу петуха говорить.

Жена в слёзы.

- Ой, горе! Что ты наделал? Пан велит убить тебя!

- Успокойся, — сказал бедняк. — За год либо пан помрёт, либо петух...”

Этот анекдот — одна из немногих сохранившихся шуток о взаимоотношениях между евреями и польскими панами. Они пронизаны юмором диаспоры.

...Старая хохма умерла? Да здравствует старая хохма, помогающая жить и относиться ко всему с юмором!

ИЗ ГРОДНЕНСКОЙ МЕДНИЦЫ

Когда мы решили собрать еврейские пословицы и поговорки, которые родились и бытовали в Гродно и его окрестностях, мы и не подозревали, какое это увлекательное и грустное занятие. Словно рассматриваешь старые фотографии. Вглядываешься в глаза, улыбки, одежды и узнаёшь что-то новое о человеке, жившем в этих местах. Кто он был — высоколобый мудрец, всей своей судьбой едва касавшийся бренной земли? Умелый мастеровой? Расчётливый торговец или вольнодумец-революционер? Всё меньше остаётся тех, кто помнит тот мир и кто стал свидетелем уничтожения, растворения самобытной культуры евреев. “Всё забывается, — заметил 86-летний Арон Хаймович Каплан, которого мы попросили вспомнить народные выражения. — Ведь 53 года я не говорил на идише”.

Между тем ещё до войны пословицы и поговорки были широко распространены среди простых людей. Они отразили духовный опыт народа, радостные, а чаще грустные стороны его жизни. Философские пословицы учили отношению к Богу, к другим людям, к счастью, правде и справедливости. Многие народные выражения — это реакция на плохие качества человека — лицемерие, ханжество, нечестность, цинизм.

Слушаешь их, - и будто доносятся отзвуки размеренных поучений, задорных и серьёзных споров. Одни пословицы и поговорки — это непререкаемые “вечные истины”, “общие места” (“Богу претензий не

предъявляй”). Другие парадоксально многозначны, построены на контрасте, на игре противоположностей (“То, что у бедняка заваляется, у богача не найдёшь”).

Все народные выражения, представленные здесь, переведены с идиша — языка удивительно колоритного. По-русски они, конечно же, не так звучат: нарушена ритмическая организация, рифма.

*Бог сидит наверху, а действует внизу.
У Бога нет забытых и засидевшихся.
Велик мир, а деваться некуда.
Две жизни не проживёшь.
Кто живёт без цели, умирает без покаяния.
Год живёт, а мы мучаемся.
Если слишком туго натянуть струну, она лопнет.
Слепой в карты не играет.
Коли нет пальцев, нечего дулю строить.
Лучше укус друга, чем поцелуй врага.
У кого болит, тот и кричит.
Чужие беды легко переносятся.
Когда человек здоров, у него много забот, а когда болен,
только одна.
Когда плачешь, не видит никто, когда смеёшься, видят
все.
Счастья просят, удовольствие берут.
Никто не знает, у кого ботинок жмет.
Богатый всегда счастлив.
Бедность с богатством сочетаются, как кривизна с
прямотой.
Если ты беден — вари лапшу.
Дырявый мешок невозможно наполнить.
Не переплатишь — не купишь.
Сумасшедший бросает камень не в свое окно, а в чужое.
Если дурак прохаживается между лавками, радуются их
хозяева (т.к. он — хороший покупатель).
То, что болтун скажет в минуту, мудрецу не высказать
за всю жизнь.
Пригласишь паршивца для миньяна¹, он обязательно
расстроится.
Кому-то повезло, а у него — только ум.
Дурак, дурак, а всё же качается (во время молитвы).
Дураку везет.
Снаружи блеск — внутри грязь.
Свинье не дают апельсинов.
Легко быть добродетельным за чужой счёт.
Вор вора понимает.
Карман прикрывает глаза.
Если берут сами, получают по рукам.
Тот, кто потерял (у кого украли), остался и грешником
(т.к. он может подозревать невиновного).*

¹ В традиционном еврейском праве для коллективной молитвы нужен миньян — не менее 10 совершеннолетних мужчин.

*Выигрыш ничтожный, а позор огромный.
 Как господин собаку держит, так и вся семейка
 держится.
 Лучшие соломенный муж, чем самые хорошие дети.
 При жизни надо иметь сыновей, а при смерти — дочерей.
 Если злишься на невестку, кричишь на дочку.
 Тот, кто приходит в дом, приносит расходы (о госте).
 Хорошую вещь держат для себя.
 Последняя корова дает молоко.
 Пока корова доится, её не ведут к резнику.
 От дешёвой рыбы выливают уху.
 Уговорила себе ребенка в животе (о мнительности).
 Если нельзя “через”, то надо “под”, лишь бы прибыть.
 Из дальних земель возвращаются, из земли — никогда.
 Девичье слово места не занимает,
 Любовь выше разума.
 Поменять сапог на лапоть.
 Он заплатит, как отец.
 Голоден, как свинья мельника.
 Молчит, как Юркина собака (о болтливости).
 Сыплет хохмами, как коза бобками.
 Ругается, как балагола.²
 Я не хочу, но ты меня подталкивай.
 Шлемазл³, подвода едет.
 Я его люблю, как перец в носу.*

Некоторые пословицы и поговорки включали в себя имена людей или названия мест. Например, выражение “Молчит, как Юркина собака”. Мы никогда не узнаем, кто был этот Юрка, чем он занимался. Известно лишь, что Юркина собака отличалась брехливостью, вот почему болтуна сравнивали с ней. Другой пример — поговорка “Он думает, что Шмельке — его дядя”. Возможно, Шмельке — это был Родшильд гродненского масштаба, а про того, кто строил планы на песке, и говорили, что “он думает, что Шмельке — его дядя”. Что-то некачественное, нехорошее называли “белостокским чаем”, который считался самым невкусным. Если же хотели сказать, что овчинка выделки не стоит, гродненские евреи говорили так: “Поехать в Индурю нюхнуть табаку”.⁴ Индура — это небольшой городок, который находится в 25 километрах от Гродно. Сейчас вы найдете там только одного еврея.⁵ Это — пожилой человек, который стал и гидом, и местной достопримечательностью для гостей из заграницы, что приезжают посмотреть на землю, где родились их деды и отцы. Скорее всего, что в Индуре впервые появилось и еще одно выражение “Звенит, как писает ночью в медницу”. Медница — это медный таз на деревянной ручке, которой использовали в основном для приготовления варенья. Так с иронией говорили о тех, кто любил почесать язык.

² Балагола — извозчик (идиш).

³ Шлемазл — неудачник (идиш). В народе говорили, что это тот, кто обязательно проливает чай из стакана.

⁴ Возможно, что это выражение появилось тогда, когда пришла мода нюхать табак.

⁵ В 1897 году в Индуре проживало 2 674 человека. из них 2 194 были евреями. Благодаря цадику Хайкелю Индура была широко известна среди литовских хасидов.

О человеке глупом, но с претензией на большой ум или с дипломом отзывались так: “Анар мит аксиве” (“Дурак с документом”). Интересна судьба слова “ксиве”. В идиш оно пришло из иврита (в ашкеназском произношении “ксива”). Так называли, например, долговую расписку. Попало это слово и в русский воровской жаргон, где стало обозначать поддельный, “липовый” документ.

*** **

В течение многих столетий (начиная с XII века) город Гродно был центром трёх культур — белорусской, польской, еврейской. Их взаимовлияние проявилось в различных сторонах жизни и творчества, например, в привычках, строительстве, языке. Среди белорусов встречались люди, хорошо знавшие идиш. В речи белорусов, поляков, представителей других национальностей можно было услышать такие еврейские слова, как “лапсердак” (вид верхней одежды), “гешефт” (выгодное дело), “шейгец” (мальчик), “мишугинер” (сумасшедший), “цимес” (блюдо из моркови) и другие, а многие евреи знали языки соседей, что облегчало общение и взаимопонимание.⁶ Эту ситуацию иллюстрирует такое еврейское изречение: “Рейделе як рейделе, абы добра мейнеле” (“Говорить как говорить, абы хорошо думать”). Оно построено из слов идиша и белорусского.

Обращаясь к полякам, евреи говорили: “Ваши улицы, наши каменицы”.⁷ Один русский старик из Белостока, который раньше жил в Гродно, объяснил нам это выражение: “Поляки в основном стремились стать чиновниками. У евреев такой возможности не было, и многие шли в ремесленники”.⁸ А положение человека, который зарабатывал руками, было более прочным, он меньше зависел от властей”.

Как-то мы слышали от одного пожилого еврея такие слова “Бог заповедовал нам жить и мучиться”. Такой пессимизм характерен для всего еврейского фольклора. Он преодолевается, смягчается в значительной мере остроумием, весёлыми шутками. Еврейские пословицы и поговорки помогают понять, откуда мы, и наш пессимизм, и наше жизнелюбие.

⁶ Кажется, что в современном Израиле больше всего полиглотов на базарах. На рынке “Кармелы в Тель-Авиве торговцы — и евреи, и арабы — рекламируют и зазывают покупателей на разных языках.

⁷ Каменицы — каменные дома (польский).

⁸ В 1859 году из 575 ремесленников в Гродно 70% были евреями, позже процент ещё увеличивался.

Михаил Кемеров

ПИСЬМА В САН-ФРАНЦИСКО

ПИСЬМО ПЕРВОЕ

Здравствуй, друг Сёма!

Два воспоминания, одно связанное с летом, другое — с зимой подтолкнули меня сесть за это письмо. Впервые я увидел тебя в кепке и с велосипедом, когда ты обзавёлся дачей, а потом увлечённо и весело рассказывал, как достал по дешевке навоз, как таскал на себе плуг и преуспел в выращивании овощей. Так ты, детский врач и отец двух симпатичных и умненьких ребят, проявил себя в новом качестве — дачника. Поэтому тот, кто придумал анекдот о еврее-колхознике, был не прав.

Вторая история — как два года назад, перед самым твоим отъездом, мы отправились на праздник зимы. Народу собралось в лесу — не протолкнуться, различные аттракционы, конкурсы, катание на конях. И что заставило тебя полезть на лошадь, поехать по большому кругу, по кустам, под деревьями с риском для глаз? Когда я спросил об этом, ты на секунду задумался и сказал: “Давно хотел прокатиться на коне. Боюсь, что там не получится”. Сёма, напиши, пожалуйста, удовлетворяет ли тебя сфера развлечений в городе Сан-Франциско и есть ли у тебя сейчас время об этом подумать.

У нас всё хорошо. Живем по принципу: “Если утром проснулся и ни одной проблемы, следует проверить, не умер ли”. Все наши мысли, нет, не о высоком и вечном, а где-то между желанием и невозможностью заработать на достойную жизнь. Что отвлекает и даже веселит — это смешные случаи, которые произошли со знакомыми и незнакомыми евреями. Я люблю собирать такие истории и с удовольствием делюсь с тобой, как и обещал, самыми удивительными из них.

Недавно мне рассказали об одной встрече. Она была посвящена важному моменту в жизни иудея — религиозному совершеннолетию. Проводил показательную бар-мицву израильтянин, который когда-то уехал отсюда. Чувствовалось, что он серьёзно подготовился. Еврейские дети внимательно слушали рассказ о празднике, о заповедях, с ним связанных. Гость произносил со сцены благословения и внёс значительные изменения в нашу традицию: после некоторых молитв он говорил не амен, а о’кей.

Сёма, ты когда-нибудь видел арабскую стёрку? Что это такое? Ну, так я тебе расскажу. Привезли в Гродно маленькие подарки для детей. Были и стерки, на которых изображена карта Израиля. Наверняка кто-то решил познакомить еврейских ребят с географией Святой Земли. Милые дети назвали эти стёрки арабскими. В самом деле, захотел — и нет Эйлата, или, к примеру, уменьшил северные территории...

Позвонил я как-то в субботу одному местному ортодоксу (догадайся, кому именно?). Поговорили о том, о сём, и вдруг в трубке раздался шум, треск. Тогда я перезвонил вновь, но вместе с голосом услышал те же помехи. Я попросил собеседника набрать мой номер, но он не согласился: “Что вы, религия запрещает пользоваться телефоном в субботу”.

...В общине готовились к Песаху. Много хлопот досталось нескольким женщинам, они отвечали за праздничный стол. Одна дама решила им помочь.

Она увидела сваренные вкрутую яйца и спросила: “Надо их красить?” “Нет, — ответили ей, — надо их чистить”. Так мы до сих пор неспешно выходим из египетского плена.

Самую симпатичную историю, на мой взгляд, я нашёл в книге Казимира Ивановского “Воспоминания со времен молодости”. Это произошло в дни Первой мировой войны. Немецкий комендант послал ординарца в магазинчик Кауфмана, чтобы тот купил крем для обуви. В лавке нашлась только паста, приготовленная самим хозяином. После чистки на сапоги было жалко смотреть — ни цвета, ни блеска. Немецкий комендант так разозлился, что велел ординарцу размазать крем на голове Кауфмана. И что оказалось? У лысого, как колено, Кауфмана начали расти густые волосы. С того времени он уже не продавал пасту для обуви, а торговал чудесным эликсиром.

Забавная история про Кауфмана, которому когда-то привалило счастье, не так ли? Не расстраиваться и всегда находить выход из сложных ситуаций, а также счастья и достатка желаю я, Семён, тебе и твоему семейству.

С надеждой на скорую встречу

ПИСЬМО ВТОРОЕ

Здравствуй, друг Сёма!

Недавно в Гродно прошел Фестиваль национальных культур, и оказалось, что мы успешно вспоминаем свои корни, учим свои языки, песни и танцы. На этом пути встречаются парадоксальные истории — смешные и “мишугасные”, которыми я хочу пополнить твою коллекцию.

На Фестивале работали выездные буфеты. В “Еврейском кафе” продавали колбаску, к которой бы не притронулся правове́рный еврей. А вот что написала местная газета: “...Хотелось попробовать что-нибудь национальное. Мусульманские „Татарская кухня“ и „Азербайджанская чайхана“ предлагали прохожим свиные (!) рулеты, а в чайхане чаем и не пахло”. Хана чаю!

В Гродно готовились отметить юбилей — 200 лет назад родился выдающийся поэт Адам Мицкевич. В одной учёной компании долго выясняли, кому больше принадлежит его творческое наследие — польской или белорусской культуре. И тогда профессор и ксендз из Варшавы в сердцах воскликнул: “Да еще этот полуеврей сказал: „О, Литва, родина моя!“¹

В дни православной пасхи шли мы по городу со знакомым, католиком, и встретили человека, который приветствовал нас так: “Христос воскрес”. На это мой приятель заметил: “А наш ещё неделю назад”.

К коллеге приехал гость из Израиля. Он познакомился с городом, пришёл на старое еврейское кладбище в надежде найти могилы близких. Дома мой коллега спросил его: “А есть ли у тебя родственники в Израиле?” Гость улыбнулся: “О, у меня известные родственники. Я люблю путешествовать, и они всегда со мной. Вот, например, Линкольн. — Он вынул и показал пятидолларовую бумажку. — Но ближе мне всё-таки Франклин...”

Сёма, наверное, ты знаешь такой анекдот: “Подвыпивший офицер Любоверский случайно забрёл в синагогу. Там шел “аукцион” за право “получить алию”, подняться для благословения Торы.² Шамес говорил: “Гордон

¹ Мать Мицкевича была крещёной еврейкой.

² Это самая большая честь, которой еврей может удостоиться в синагоге. Такие “аукционы” позволяли собирать деньги на нужды общины.

дает восемь рублей, Кац десять”.

Вдруг Любоверский закричал: “Даю пятнадцать!”. Ему попытались объяснить: “Видите ли, господин офицер, это такая еврейская традиция...” “Я знаю одно, — перебил их Любоверский, — если Кац дает десять, товар точно стоит пятнадцать”.

Сейчас в ортодоксальной общине дают деньги, если приходишь на молитву! Есть журнал посещений служб. Всё замечательно: и работа не пыльная, и миньян³...

На Песах в синагоге собралось человек 150 — от детей до почтенных старцев. Было это в пятницу вечером. Гость из далёкой заграницы в чёрной с полями шляпе и с бородой, по-русски изъяснявшийся как Эллочка Людоедка, с жаром пытался пересказать агаду, а потом взял фотоаппарат и сделал несколько снимков. Праздник не в счёт, коли нужен отчёт.

А вот история, которую я услышал от одной пожилой жительницы нашего города: “Приехал к нам из Англии доктор Кац. Он собирал еврейский фольклор. Я решила накормить гостя. Выяснилось, что он вегетарианец, не ест даже рыбу и яйца. Тогда я приготовила гречневую кашу и подала её с молоком. После еды гость сделал комплимент: “Знаете, Фира, вы разбогатели бы в Америке, если бы там варили такую кашу”.

Сёма, два года назад ты понял, что здесь кашу не сваришь, и рванул в Америку. Какая она, эта Америка, для тебя и твоей семьи? Как чувствует тебя твой тесть Лев Касилович? Как дети — Анюта и Ильюша? Желаю всем вам быть богатыми и здоровыми.

До встречи

ПИСЬМО ТРЕТЬЕ

Здравствуй, друг Сёма!

Прошел месяц, как мое письмо отправилось к тебе, и я вновь готов пополнить нашу коллекцию невыдуманных историй. Один знакомый рассказал такой случай. Несколько лет назад его сын отдыхал в лагере под Минском, который организовало Еврейское Агентство. Домой мальчик привез майку с видом Западной Стены и надписью “Israel at 48 — Celebrate Jerusalem 3000”. Она оказалась слишком большой, не подошла подростку, и отец стал носить её под рубашкой. Однажды приятель отправился на продовольственный рынок. В мясных рядах увидел женщину, которая торговала салом. На ней была точно такая же майка. Знакомый подошел к продавщице и спросил: “Не могли ли вы продать мне сало дешевле?” Женщина немного скинула цену. “Вы не поняли, — сказал знакомый, — я хотел бы получить скидку как для Своих,” — и он, заговорщически улыбаясь, расстегнул рубашку...

Оказалось, что в наше непростое время женщина нашла себе неплохой заработок — торговала мясными продуктами, которые ей давали для реализации на рынке, а её сын ездил летом в еврейский лагерь. Многие наши анекдоты начинаются так: “Встретились два еврея”, и в этой истории, которая произошла на самом деле, встретились, и один другому продал сало.

Разговорился с пожилым евреем — активистом нашей общины. “Вот надумал в Израиль уехать”, — поделился он. “Один или с супругой?” “Нет, её

³ Миньян — минимум десять евреев-мужчин, необходимых для совместной молитвы.

здесь оставлю. — Мой собеседник на секунду задумался и продолжил, — и так 50 лет прожил вместе с гойкой⁴”.

Приятель, еврей, пригласил меня к себе в гости. На прекрасно сервированном столе я увидел много вкусного, в том числе ветчину и разнообразные салаты, заправленные сметаной. Мы кушали и непринуждённо болтали, каждый старался развеселить компанию забавной историей. Когда дошла очередь до хозяйки, она рассказала о муже: “Тригорий на работе много вкалывает и сильно устает. Когда в субботу я прошу его помочь убрать в квартире, он, чтобы продлить удовольствие, полежать на диване, заявляет: “Что ты! Праздник! В этот день я даже пальцем к пылесосу не притронусь.”

Другому знакомому я подарил бокал для освящения вина и объяснил, когда евреи пьют из него. Через какое-то время приятель сообщил: “Наливаю я по субботам в твой бокал водку и выпиваю в честь ... как его?” “Шабата”. “Да, а она необыкновенная, такая вкусная, чистая, ну словно из родника”.

Для тех, кто моложе нас, открываются еврейские детские сады и школы. В одно такое заведение родители-белорусы определили сына. Теперь, когда у мальчика спрашивают, кто он по национальности, ребенок отвечает: “Я — еврей, — и добавляет, — по садику”. Евреи нынче в моде, и хорошо, наверное, что мальчик больше узнает о нашем народе. И всё же мне кажется, что каждый должен прежде всего изучить свой язык, историю, героев и не забывать при этом о ценностях общечеловеческих.

А эту историю рассказал мне знакомый художник. Он — еврей, его жена — белоруска. Этим летом они отправили восьмилетнюю дочь Марту в еврейский лагерь. Там воспитательница рассказала ребятам о том, что у евреев каждую неделю есть праздник — Суббота, когда они не работают, а только отдыхают, хорошо кушают и радуются. Маленькая Марта вздохнула: “Везет же евреям!”

Когда девочка вернулась из лагеря домой, она предложила родителям: “Давайте отпразднуем Шабат”. Мама и папа быстро приняли решение. Они сказали Марте: “Сейчас же собирайся, поедешь в деревню. Там и будешь дедушке и бабушке организовывать праздники”.

Оказалось, Сёма, что от коммунизма до иудаизма один шаг, и мы уже сделали его. Но вторая нога осталась на месте, вот и стоим в неудобной позе, а значит, есть шанс упасть, и со стороны это смешно.

Вот и все истории, которые я собрал за месяц. Надеюсь, они повеселят тебя. Прощаюсь до следующего письма и желаю тебе, Люсе и детям Анюте и Ильюше всегда быть в ладу с самими собой.

Твой друг

ПИСЬМО ЧЕТВЕРТОЕ

Здравствуй, друг Сёма!

Вчера в центре города на светлой стене я увидел рисунок: свастика равно шестиконечная звезда, а мемориальный знак (возле входа в гетто) кто-то вновь облил краской.

Печально, но факт: не только хулиганы, но и образованные граждане грешат антисемитизмом. Недавно в одной из школ Гродно, которую хвалят и

⁴ Гой — нееврей.

начальство, и родители, на уроке труда педагог прикрикнула на девочек: “Что вы галдите, как жидовки на базаре”.

В одной еврейской организации для пожилых людей устраивали Шабаты. В пятницу вечером собирались старики вместе, зажигали свечи, читали благословения... Возможно, кто-то из них вспоминал детство, родительский дом, субботний стол, накрытый белой скатертью, свечи, бокал для благословения над вином...

Директор клуба, которая руководила “этим мероприятием”, рассказала: “Когда я вижу, что можно заканчивать Кабалат Шабат, я тушу свечи, и все догадываются, что пора идти по домам”. И это тоже маленькие издержки на нашем пути туда, где уже начинаешь понимать разницу между словами “кадиш” и “кидуш”.

Что, Сёма, радует и даже веселит душу, так это дети. Они живо и непосредственно воспринимают всю нашу непростую историю. В детском саду воспитательница рассказывала о празднике Песах, как евреи вышли из египетского плена на свободу, как несладко им пришлось в пустыне, и как Бог посылал израильтянам манну небесную, чтобы они не умерли с голоду, а в шестой день двойную порцию, чтобы они имели запас и на субботу. Мальчики и девочки прослушали трогательную историю и сделали вывод. “Бедные евреи, — вздохнули дети, — мало того, что на них каждый день падала тарелка с манной кашей, так в пятницу аж две”.

Одна девушка с еврейскими корнями и типично украинской фамилией, которая оканчивалась на “ко”, улетала насовсем в Израиль. Знакомые захотели подшутить. “Как ты решилась репатриироваться на историческую родину? С такой-то фамилией трудно там будет”. “Ничего, выдержу, — спокойно заметила девушка. — Вы думаете, моим предкам с еврейской фамилией легче жилось на Украине?”.

Сёма, свое четвёртое письмо я начал не очень хорошими новостями. Что делать, когда видишь на стенах домов надписи, направленные против евреев. Но есть и добрые известия: Павел Семёнович Фейгин, который утверждал, что никогда не уедет от своего театра и которого впоследствии “всё достало”, взял и улетел со всей своей семьей в Израиль.

Мы сидели все вместе в ресторане, когда провожали Пашу, пили водку и вспоминали. Коллеги Павла Семёновича по театру рассказывали о том, сколько дорог повидали, когда театр гастролировал, каких людей интересных встретили, в каком месте чем-то вкусным угощали артистов, а потом вместе пели белорусские, русские, украинские и еврейские песни. И все они брали за душу, потому что с каждой частью пути нашего связана, а скоро, наверное, запоет Паша ещё и израильские песни и, дай Бог, от хорошей жизни, а я пока остаюсь здесь, может быть, для того, чтобы и дальше собирать смешные истории о нашей еврейской жизни.

С этой мыслью прощаюсь до следующего письма и желаю тебе и твоей семейке никогда не терять бодрости духа и весёлого настроения.

С дружеским приветом,

Михаил Кемеров